

Неиз- вестный Пронягин

КНИГА О СТРОИТЕЛЕ

Томск-2024

УДК 929
ББК 63.3(2)6-8
H62

H62 Неизвестный Пронягин. Книга о строителе / Сост.
С.И. Никифоров. — Томск, Интегральный переплет,
2024. — 308 с.

ISBN 978-5-907509-66-5

Автор-составитель — Сергей Никифоров.

Книга, приуроченная к 100-летию Героя Социалистического труда, начальника управления «Химстрой» Петра Георгиевича Пронягина (1924–2021), показывает легендарного томского строителя с необычной стороны. Именно поэтому она названа «Неизвестный Пронягин». Стихи и дневниковые записи Петра Пронягина. История его борьбы за восстановление Больше-Болдинской родовой усадьбы Александра Сергеевича Пушкина, родины Пронягина. Уникальные эпизоды его детства, работы на оборонном заводе в годы Великой Отечественной войны. Совершенно незнакомые томичам фрагменты о его жизни и деятельности на Урале. Рассказ о непростых взаимоотношениях с министром среднего машиностроения СССР Ефимом Славским и первым секретарем Томского обкома КПСС Егором Лигачевым. Воспоминания о Пронягине его коллег, друзей и родных, написанные специально для этой книги. Размышления о личности Петра Георгиевича и его роли в истории Томской области. Повествование дополняют ранее не публиковавшиеся фотографии из семейного архива П.Г. Пронягина.

Для широкого круга читателей.

© Наследники П.Г. Пронягина
(тексты и стихи П.Г. Пронягина)
© С.И. Никифоров
(авторские тексты, составление)
© В. Вершинин (макет)

Вступление

ЭТО КНИГА о выдающемся томском строителе, Герое Социалистического Труда, начальнике Управления «Химстрой» с 1967 по 1990 год Петре Георгиевиче Пронягине.

В 2024 году ему исполнилось бы 100 лет.

Пётр Георгиевич прожил большую жизнь. Большую во всех смыслах — и по продолжительности (97 лет!), и по наполненности ярким, глубоким содержанием, переломными событиями, весомыми достижениями.

Человек своей эпохи, — советской эпохи, — он оставил после себя заметный след на земле, в сердцах и душах многих людей. Памятниками ему всегда будут служить заводы, дома, сотни различных объектов, построенных им самим и под его началом на Урале и в Сибири. В этой книге мы дадим перечень только основных объектов, которые были сооружены Управлением «Химстрой» в Томской области в «пронягинский» период. Но и его достаточно, чтобы оценить масштаб сделанного Петром Пронягиным для людей, для региона, для родного Отечества.

Пётр Георгиевич был личностью известной и прошёл все составляющие пресловутой «триады» жизненного успеха — и огонь, и воду, и медные трубы.

Можно долго перечислять его регалии, звания и награды, которыми он не был обделён. Герой Социалистического Труда, кавалер двух орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции, трёх орденов Трудового Красного Знамени. Делегат трёх съездов КПСС. Почётный гражданин Томской области. Почётный гражданин ЗАТО Северск. Заслуженный строитель РСФСР.

О нём написаны десятки газетных и журнальных публикаций. К его 80-летию вышла прекрасная биографическая книга северской журналистки Татьяны Ламоновой «Возвращение долга», где подробно, на основе дневниковых записей и мемуарных записок Пронягина прослежена его «томская» жизнь, начиная с 1967 года. Сам Пронягин ещё в 1999 году выпустил книгу воспоминаний «Как начинался Томский Нефтехим», в которой дотошно и скрупулёзно изложена история строительства одного из флагманов отечественной нефтехимии. Нефтехим стал поистине лебединой песней Петра Георгиевича, главным делом его жизни.

О Пронягине снимались документальные фильмы, а в 2017 году Северский театр для детей и юношества поставил спектакль «Первые! Стройка жизни», посвящённый Петру Георгиевичу.

И кажется, что уже и добавить нечего к его биографии. Обо всём сказано.

Но, готовя эту книгу к 100-летию Петра Георгиевича Пронягина, мне пришлось многажды убеждаться, как мало мы о нём знали! Целые пласти его жизни, его судьбы остались как бы «за кадром», вдали от публичного света софитов, телевизионных камер, от диктофонных записей.

Так появилась идея издания книги о Пронягине, которого мы не знали, или которого знали очень мало.

О его родовых корнях, о детстве и суровых годах войны. Об уральском периоде. О том, что Пётр Георгиевич писал стихи, и стихи настоящие. О том, что он после ухода на пенсию написал семь томов воспоминаний общим объёмом порядка 3 500 страниц, — об этом знал только узкий круг его семьи и друзей.

В этой книге перед читателем предстанет неизвестный Пронягин. В её основу положены личные записи Петра Георгиевича и воспоминания близких ему людей. Вы убедитесь, что, помимо многих своих талантов, он обладал ещё и несомненными литературными способностями, умением улавливать детали, показывать характеры, строить диалоги. Его мемуары читаются как увлекательнейший роман, где главная сюжетная интрига — жизнь автора во всех её проявлениях. У Пронягина была потрясающая память! Сотни имён, цифр, фактов, обстоятельств зафиксированы им с максимальной точностью и широтой.

До настоящего времени эти мемуарные записи опубликованы лишь частично. Его уральские коллеги напечатали три

тома воспоминаний Пронягина, относящихся к периоду работы на строительстве атомного комбината в Свердловске-45 и в горкоме партии этого закрытого города. Три «томских» тома послужили основой для «выборки» фрагментов, относящихся к строительству ТНХК для книги Петра Георгиевича «Так начинался Нефтехим». Татьяна Ламонова переложила воспоминания Пронягина в повествование от третьего лица, что волей-неволей стёрло личностный, субъективный взгляд Петра Георгиевича на описываемые события, его эмоциональный заряд и внутренние переживания.

Конечно, лучшим решением было бы опубликовать мемуары Петра Пронягина полностью в том виде, в котором он их создавал. Верится, что когда-нибудь это будет сделано.

А пока в этой книге с читателем будет разговаривать сам Пётр Георгиевич. Роль автора-составителя заключалась лишь в отборе его рассказов, стихотворений, заметок и добавлении некоторых связующих абзацев, позволяющих сохранить единую хронологическую нить в этом произведении.

Итак, знакомьтесь: Пётр Георгиевич Пронягин! Доброго чтения всем!

Сергей Никифоров,
автор-составитель

Вступление от Петра Пронягина

С ЭТОЙ ТЕТРАДИ я делаю попытку начать писать воспоминания о былом, прожитом, высказывать свои мысли по поводу того, что пройдено по жизненному пути и что встречалось на нём. Вспомнить о людях, с которыми пришлось жить, дружить, работать, сталкиваться. Их характерах. Делаю это не для того, чтобы публиковать мемуары и как-то прославить себя. Нет, я против прославления, ибо ничего в жизни героического не совершил. Я делаю это для своих детей, в надежде на то, что они лучше узнают жизнь через жизнь своих родителей и возьмут из этой жизненной школы, пройденной отцом и матерью всё, что следует считать полезным, обойдут и откажутся от ненужного, вредного. Если мне удастся сделать это, то можно считать, что полувечовая моя жизнь оформлена своеобразным отчётом.

Годы бегут быстро, порою страшно быстро. Как будто вчера мы были молоды и думали о будущей жизни, а сегодня подпирает полсотни прожитых лет. Значит, остаётся какой-то десяток, или меньше. А ведь так мало сделано! А что сделано — для многих неизвестно. И как судить о прожитом? Жили ли мы нужно, правильно, или обыкновенно, обыденно? И да, и нет!

Я понимаю, что берусь за трудное дело, ибо ничего, кроме памяти, под руками нет. Всё придётся вспоминать самому, через друзей, родных и близких...

Мои записки — не дневник, не претензия на литературную хронику. Это разговор сам с собою, наедине. Порою это так необходимо, особенно, когда представляешь, что рано или поздно всё должно уйти с тобой в неизвестность. А так хочется оставить после себя всё, даже свои мысли, хотя они без записей становятся ничем, исчезают. А ничего исчезать не должно!

Эти записки — продукт свободного времени, которое нужно заполнять чем-то полезным. Однообразие отдыха угнетает. Иногда просто жаль времени, без цели проведённого у телевизора или за пустой книгой. Порою бывает, что в голове носится масса воспоминаний, приятных, весёлых, грустных, страшных, забавных, нежелательных и желательных. Проходит мгновение — и всё это забывается, на смену приходят другие мысли. А что с теми, что пронеслись? Они уходят. А уходить совсем ничего не должно. Всё должно оставить след, след хороший, нужный человеку. Даже неприятный след необходим, чтобы его не повторять.

Писать буду, когда придётся, когда будет вдохновение или потребность: дома, в пути, на отдыхе, между делами или случайно.

Что получится — время покажет. Но не хочу строгого суда.

Ваш П.Г. Пронягин
9 мая 1974 г., Томск

1

Болдинская осень Петра Пронягина

*Я помню ту Львовку... Под звон колокольный,
Нарядно одевшись, спешил стар и млад
Во храм, помолиться о жизни привольной,
Чтоб Бог оградил от беды и утрат...*

Пётр Пронягин, 1990

Из пушкинских крепостных

ЖИЗНЕННЫЕ НАЧАЛА Пронягина тесно связаны с именем Александра Сергеевича Пушкина.

Болдинская осень — это ведь и о нём, о Пронягине. Родовые корни Петра Георгиевича — из Болдина, нижегородского имения, принадлежащего Пушкиным с XVI века.

Сохранилась выписка из подворной описи крепостных крестьян села Болдино, сделанная в январе 1834 года управляющим имением помещиков Пушкиных, Иосифом Пеньковским. В ней значится: «Иван Алексеевич Пронягин (р. ок. 1798 г.), жена Арина, имел троих сыновей (Карп, Максим, Прокофий) и приёмышку дочку».

Иван Алексеевич — прапрадед, сын его Карп Иванович — прадед Петра Пронягина. В доме деда Степана Карповича, в селе Львовка, являвшегося частью болдинского имения Пушкиных, родился будущий томский строитель.

Стало быть, из пушкинских крепостных крестьян пронягинский род.

И появился на свет Пётр Георгиевич в знаменательный день — 19 октября, тот самый, когда «роняет лес багряный свой убор, сребрит мороз увянувшее поле». Особый день, который Александр Сергеевич вместе с друзьями-лицеистами отмечал всю жизнь, — именно 19 октября состоялось открытие Царско-сельского лицея.

Пушкинская тема будет сопровождать Пронягина всю жизнь. Словно внутренний камертон, она станет его красной нитью, канвой судьбы, помогающей и ведущей по ухабистым жизненным дорогам...

Пётр Пронягин
в Болдино
с внуком
Петей, братом
Юрием (справа)
и водителем
Николаем. 1985 г.

«Родился я 19 октября 1924 года в семье молодых крестьян села Львовка Больше-Болдинского района Горьковской области. Тогда, правда, оно обозначалось иначе: село Львовка, Ново-Слободской волости Нижегородской губернии», — писал Пётр Георгиевич в своих мемуарах.

«Родители жили в доме моего деда, Пронягина Степана Карповича. Род Пронягиных был бедным, неудачным... То лошадь падёт, то земля достанется хуже и дальше, чем у других...», — сообщал Пётр Георгиевич.

Если открутить колесо времени на несколько десятилетий назад, то картина будет выглядеть несколько иначе.

...Село Болдино было вотчиной предков Александра Сергеевича Пушкина ещё с XVI века. В конце XVII болдинским имением владел прадед поэта, Александр Петрович, а затем дед — Лев Александрович. В начале

следующего века Лев Пушкин расширил имение за счёт создания новых поселений, в числе которых возникла и Львовка (понятно, чьим именем названная).

После его смерти Болдино досталось сыновьям — Сергею Львовичу (отцу поэта) и Василию Львовичу. Последний впоследствии свою часть имения продал за 220 тысяч рублей. Сергей же Львович от владений своих не отказался, но бывал там нечасто, получая небольшие доходы через своих управляющих, которые не всегда были чистоплотны в отчётах...

Болдинским крепостным крестьянином числился предок Петра Пронягина — Алексей Григорьевич, имеющий, согласно описи, «одну лошадь, корову, две овцы и засевающий семь четвериков ржаного ярового хлеба».

Ну, а потом Сергей Львович затеял в своем имении реформу — переселил из разросшегося Болдина 43 семьи во Львовку, причём отобрал лучших, самых умелых плотников, кирпичников, портных, добавил к ним хлебопашцев и хлебопеков. Попал в этот отряд переселенцев и Иван Алексеевич Пронягин, по ремеслу печник.

Стало быть, наговаривал Пётр Георгиевич на пронягинский род! Предки его числились всё-таки в ряду крестьян даровитых и умелых.

Когда в 1830 году наметилась женитьба Александра Пушкина на Наталье Гонcharовой, и ему потребовались средства на содержание будущей семьи, отец поэта принял решение передать ему часть болдинского имения, включая Львовку. Пушкин рассчитывал получить при закладе в банке наследства нужные ему 40 тысяч рублей, для чего должен был оформить необходимые документы лично.

В конце августа 1830 года он отправился из Москвы в Болдино, полагая быстро вернуться, чтобы подготовиться к свадьбе. В планы поэта, как известно, вмешалась вспыхнувшая в округе эпидемия холеры. Все дороги были перекрыты карантинами, и Александру Сергеевичу пришлось осесть в Болдине на более долгий срок. К его безмерной печали, но к радости всех почитателей творчества гения, ибо «болдинская осень» стала впоследствии понятием нарицательным, обозначающим крайне плодотворный в творческом отношении период времени.

Бывал ли поэт в Львовке, отстоящей от Болдина в семи верстах? Как говорится, история об этом умалчивает. Возможно, и бывал во время своих пеших прогулок и конных выездов по окрестностям. И по-любому, в Болдине ли, во Львовке — предки Пронягина могли сталкиваться с Пушкиным лицом к лицу. Очень даже могли.

После смерти поэта и его отца Сергея Львовича Львовку унаследовал сын Александра Сергеевича и Натальи Николаевны — Александр Александрович Пушкин. В середине 50-х годов 19 столетия по его распоря-

**Александр Александрович
Пушкин, сын поэта**

**Храм Александра
Невского (1957)**

ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
А.С. ПУШКИНА

**Гостиница
во Львовке (1957)**

ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
А.С. ПУШКИНА

Приходская школа во Львовке ФОТО СЕРГЕЯ МИРОНОВА

жению в центре Львовки был построен двухэтажный дом на каменном фундаменте с балконом и колоннами по фасаду. Был разбит парк. Аллеи обсадили липами.

Сын Пушкина стал генералом, героем русско-турецкой войны. В имение своё приезжал редко. И лишь в 1904 году, выйдя в отставку, стал приезжать сюда почаше. Говорят, местные крестьяне просили барина построить в деревне церковь, на что он им ответил: «Школа вам нужна, а не церковь!». Впрочем, в результате построил и школу, и храм, освящённый в честь Александра Невского.

Скончался Александр Александрович Пушкин в 1914-м, всего за десять лет до рождения Петра Пронягина.

Интересно, что, когда случилась революция и крестьяне принялись грабить и рушить имущество своих бывших баринов, ни Болдинскую усадьбу Пушкиных, ни Львовскую никто не тронул. Сами же крестьяне взяли имущество потомков поэта под защиту. Благодаря чему, во многом, и сохранились усадебные постройки на долгие годы.

В таких вот интересных обстоятельствах жили предки и родители Петра Георгиевича.

Для самого Петра Пронягина «болдинский период» продолжится недолго — через два года после его рождения родители с детьми переехали в Нижний Новгород и стали горожанами.

Однако в дальнейшем, вплоть до войны, он почти каждое лето приезжал во Львовку к родственникам, пережил там

Болдинские просторы ФОТО СЕРГЕЯ МИРОНОВА

множество детских приключений, прошагал и объездил верхом на коне все окрестности. И этого оказалось достаточно, чтобы малая родина глубоко врезалась в его память, манила и грела его сердце всю оставшуюся жизнь.

То ли гены, то ли воздух в этих болдинских местах особенный, но помимо прочих талантов и способностей передался юному Петру и дар литературного творчества.

Достаточно почитать его мемуарные записки, чтобы оценить эту его ипостась.

Например, описание детских впечатлений, сохранившихся на всю его жизнь.

«Очень плохо, но я помню жизнь в доме деда. Было это в 1930 году. Мать с нами, ребятишками, уехала на лето к своему отцу. Вспоминаю это безмятежное лето: пятистенный дом под железной крышей, палисадник с жасмином, бузиной и черёмухой. Напротив, через дорогу, — пруд, в котором бабы колотили валками бельё на плотах, из него же таскали воду для полива огородов. Там же ловили ряску, чтобы кормить кур и уток. В этом же пруду купались, заходя под надзором старших в воду, не глубже чем по грудь. Старшие ставили верши и ловили карасей и плотву.

За домом был огород и большой сад. В саду росли яблони, груши, сливы. По плетню тянулись вишни. Сад был хороший. Дед и прадед любили садоводство, много занимались выведением своих сортов яблонь, делая прививки на привезённых черенках.

В центре сада стояли семь сосен, посаженных прадедом в годы своей молодости. Им было лет шестьдесят, а может, чуть больше. Эти сосны возвышались не только над садом, но и над селом, по ним без труда определялось местонахождение дома.

В саду стояла избёнка-омшаник, в которой жил прадед Илья. Был он очень строгим, суровым, с огромной седой бородой. Мы прадеда звали «седым дедом», а деда «лысым дедом».

Жил прадед одиноко. Семья его почитала и уважала как старшего, а он держал власть в доме крепко, его боялись все: бабушка, моя мать, тётка. Они наказывали нам не попадаться ему на глаза. Он не любил малышей...

Однажды мы с двоюродным братом матери, почти моим одногодком Лёнькой, который жил отдельно в семье брата моего деда, но постоянно отирался около нас, под его командованием забрались в избёнку седого деда и принялись пробовать липовый мёд из стоящих там кадок.

Для меня снятие пробы было поистине блаженством, ведь мёд был заманчивой сказкой! А тут целые кадки! Увлёкшись снятием пробы, мы не заметили, как вошёл седой дед. Ни слова не говоря, он протянул по нашим спинам своей палкой, после чего мы пробкой вылетели из избёнки, стараясь не реветь от боли в спине, ибо знали, что попадёт ещё. Так оно и случилось. Вскоре мать отыскала меня и отшлёпала за непослушание, добавив:

— Нас здесь приютили, а ты воруешь, да ещё у седого деда. Он ни тебе, ни мне этого не простит!

Деда я после этого действительно стал бояться больше.

Как-то раз лысый дед взял меня с собой пахать поле. Ехали мы на телеге, на которой возвышался колёсный плуг. Для меня он представлял очень сложную и интересную машину. Но особенно я торжествовал, когда дед вложил мне в руки вожжи и сказал: «Ну-ка, правь сам!»

Я правил лошадью, цокал языком. Лошадь никак не реагировала на моё управление и шла своим ходом. Но мне-то казалось, что она быстрее зашагала и поворачивала именно туда, куда мне бы хотелось. Не понимал я тогда, что настоящие концы вожжей держал в своих руках дед и направлял коня именно он.

Потом я ходил за дедом, шагавшим согнувшись над плугом, и снова держался за вожжи. Мне было интересно видеть, как жирная земля сверкающим пластом отворачивалась от лемеха плуга и, опрокинувшись, оставалась в борозде. Сколько времени прошло на пашне, я не помню, но запомнилось, как меня дед посадил верхом на лошадь, подстелив свой пиджак и заставив крепко держаться за гриву, повёл её в поводу, оставив телегу и кнут в поле. Мне нравилось моё положение, сидящего верхом и покачивающегося в такт хода лошади. Я был выше себя, выше деда. Несколько раз он поправлял меня, съезжавшего вместе с пиджаком набок, приговаривая «Держись крепче!» Я впивался в гриву изо всех своих сил, причиняя, видимо, боль лошади, отчего она тряслась головой, ускоряя мое сползание набок.

Оглянувшись назад, я увидел на ярко-красном горизонте в лучах заходящего солнца очертания плуга на телеге, выделяющиеся тёмными линиями на фоне вечернего зарева.

Не знаю почему, но контуры этого плуга показались мне сильно увеличенными, такими кажутся они мне и теперь, спустя десятки лет...»

Ещё один рассказ из голодного детства Петра Георгиевича хочется поместить здесь целиком.

Как Петя Пронягин милостыню собирал

ЛЕТОМ 1933 ГОДА мать снова повезла нас в деревню. Отец сказал тогда: «Поезжай, Вера. Хоть там и нет уже ничего, но всё же есть зелень. Травой в деревне легче прокормиться, да и молока дадут, если заработать. Здесь, в городе, будет тяжело».

В городе было действительно тяжело. Хлебного пайка не хватало, Сказывалось, что отец уже не работал на железной дороге, исчезла возможность покупать продукты на станциях и в деревнях во время поездок. К тому же болезнь его окончательно ослабила.

Мать собрала нас всех троих, и мы снова двинулись в деревню. Поселились у её тётки, так как дом деда был сломан и перевезён в Болдино. Не было доступа нам в сад, так как он принадлежал теперь колхозу...

Мать нанималась к единоличникам — то к одним, то к другим — помогать сено косить, рожь жать или пшеницу. Вечерами она крутила швейную машинку и перешивала деревенские тряпки на кофты, штаны, рубашки. За свою работу она получала молоко, картошку, хлеб. Хозяйство в деревне пришло в упадок — это чувствовалось во всём.

Поля стояли невспаханные, ибо их то и дело объединяли и разделяли. Если удавалось единоличнику засеять свой клин, то он над ним и дрожал, а на колхозный ему было мало заботы. То же было с лугами. Скотные дворы стояли раскрытыми, так как весной всю солому скормили лошадям. Колхозный скот держали во дворах раскулаченных крестьян, но их было мало, и лошадей распределяли на содержание по очереди — то к одному, то к другому.

Вместо трёх ветряных мельниц, которые были остановлены и полуразобраны, появились примитивные ручные жернова, на которых обдирали кое-как прошлогоднее зерно.

Нижегородская деревня, 30-е годы XX века

Половина села была в колхозе, половина в него не вступала. Кто был в колхозе — бедствовал больше, так как согласия у них не было, и дело не клеилось...

В то лето в Поволжье была сильная засуха, и сотни беженцев проходили через Львовку и окрестные деревни в поисках пропитания. Многие из них умирали по дороге, немалая часть, выбившись из сил, оставалась там, куда их привёл путь. Несколько семей остались во Львовке, получив прозвание «саратовских».

Наблюдая за тем, как нищие странники Поволжья просили подаяния, я понимал их горе, и мне жалко было на них смотреть. Им отказывали, потому что у самих ничего лишнего не было. Жили мы у дяди Васи Дягилева, на новой линии села, а у него — своих шестеро детей, младшему из которых Ивану было три года, да нас четверо, итого двенадцать человек. Всем хотелось есть. Случайных заработков матери не хватало. Мы ходили по деревне и выпрашивали у родственников молока под честное слово матери чем-то потом возместить. Чаще нам отказывали.

Хлеба не было совсем. Грибы, ягоды, зелень с огородов, с лугов и лесов — вот основная пища того лета.

Идею хорошо поесть подал Лёнька Дягилев. Он мне сказал:

— Петька, пойдём в Елушкиху (соседняя деревня в трёх километрах, другое название — Логиновка), прикинемся «саратовскими» и попросим милостыню. Может, дадут кусок пресняка!

Мысль о куске пресняка (пирога из пресного теста) с кашей впридачу сразу вытеснила всё остальное, и я быстро согласился.

Мы взяли холщовые сумки, с которыми Лёнька и его сестра ходили в школу, и вышли на гумно. Там мне Лёнька признался, что уже не раз бегал в соседние деревни просить милостыню, и ему иногда удавалось хорошо поесть. Только бы об этом не узнали дома!

Лёнька начал меня учить:

— Ты подойди под окно и начинай протяжно просить: «Подайте милостыню, Христа ради, у меня мать с голоду помирает! Саратовские мы, с Волги!». И так до тех пор, пока не подадут. Если скажут: «Христос подаст», то иди дальше. Считай, в этом доме или ничего нет, или есть, да живут люди жадные. Только не забудь чаще креститься, когда просить будешь!

Я не умел креститься, и Лёнька показал, как это делается.

Повторив несколько раз Лёнькин урок, мы двинулись в Елушкиху. Наша дорога шла сначала полями — они были изрезаны мелкими лоскутами посевов, следствие очередного роспуска колхоза или выхода из него. Крестьяне, получив обратно землю, торопились засеять её чем попало. Поэтому полоска ржи сменялась пшеницей, затем снова рожь, потом овёс или гречиха, дальше просо и снова рожь. А также картошка, полба и тому подобное.

Идти было весело. Лёнька знал почти всех хозяев этих клиньев:

— Вон загон Шумовых, а рядом гречиха Гришки Протасова. Пшеницу сеет Николай Протасов. А сейчас будет горох Ефима Майорова, только рвать ещё рано, стручков пока нету.

Незаметно мы добрались до границы львовской земли. Она пролегала по опушкам двух красивых рощ — берёзовой Андронихи и кленово-дубовой Членихи. Мы часто бегали в эти рощи по грибы, ягоды, лазили по оврагам, собирая по склонам землянику, клубнику и посматривая, не созрели ли лесные орехи лещины.

Мы шагали по пыльной дороге, взбивая нарочно босыми ногами клубы пыли. Вскоре появились верхушки талин на окраине Елушкихи. В ней насчитывалось до сотни дворов, вытянувшихся в одну улицу, с поперечной добавкой. На бугре, возле какого-то сарая, мы ещё раз прорепетировали свои роли. По тактическому замыслу Лёньки я двинулся гумнами вниз деревни, чтобы потом идти вверх, а он пошёл сверху вниз.

Я шёл, испытывая вместе сразу массу чувств — предвкушение чего-нибудь съестного во рту и в то же время чувство стыда. «Я нищий?» — шептали мне неведомые голоса. Рассчитывая, что мои похождения останутся в неизвестности (кто знает какую-то Елушкиху и какого-то пацана!), сопровождаемый голодными спазмами, я шагал дальше.

И вот — крайняя изба, начальная точка моего промысла. Я постучал в окно. К нему подошла женщина, и я принял истово креститься и жалобно пищать: «Подайте, Христа ради!»

Женщина покачала головой и махнула рукой: иди, мол, дальше. Я чуть помедлил: может, передумает? Но нет, не передумала.

В следующем дому окна были нараспашку, и ветер выхватывал из них края лёгких занавесок. Я привстал на завалинку и сказал чуть громче, чем в первый раз: «Подайте, Христа ради!», забыв перекреститься.

Из-за занавески показалась девчонка, чуть старше меня. Она посмотрела на меня и крикнула кому-то в глубине избы: «Мама, здесь нищий, саратовский!»

— Скажи ему: Бог подаст! — послышалось в ответ.

— Бог подаст, — повторила девочка.

Я пошёл дальше. Когда позади была уже половина дворов, сумка моя по-прежнему оставалась пустой. «Где же обещанные Лёнькой пресняки? Да хотя бы кусочек хлеба?», — думал я.

Стучась в очередное окно, я уже ни на что не рассчитывал. Показалась старушка, чей вид не внушал добра.

— Ты откуда, сынок? — спросила она.

— Из Львовки, — выпалил я, забыв, что я «саратовский нищий».

— А ты чей во Львовке-то? — продолжала она.

— Я из города, Пронягин.

— Пронягин? Из города?

— Ага.

— А ну-ка, зайди сюда, в избу, — она исчезла в окне и через секунду-другую появилась на крыльце своего дома.

— А ты с матерью что ли, во Львовке-то?

— Ага, мы здесь все.

— А отец где?

— Он дома остался, в Нижнем.

— Ну заходи, заходи, сынок. Значит, ты из Нижнего. А я думала, ты саратовский. Больно много их ходят здесь, все подаяния просят. Господи, и что это делается на свете? Народ сдурел, какие-то колхозы выдумали, землю отбирают. А как это, без земли, её ведь

работать надо! Без работы она не родит, а раз не родит, то и есть нечего. Садись-ка за стол, я тебя покормлю. Та, наверное, голодный?

Мало что соображая, я понял только, что надвигается еда и поспешил подтвердить, что хочу есть, боясь, что старушка передумает. Я уселся на лавке за стол, на котором передо мной вскоре появилась глиняная крынка, в ней была пшённая каша, покрытая запечённой молочной пенкой. Каша была горячей и издавала неповторимый аромат, от которого заныло в животе. Взяв ложку, я потянулся к крынке.

— Погоди, я маслицем смажу, вот здесь, у краешка, — остановила меня старушка.

Кусок топлёного масла на глазах плавился, растекаясь по пенке, но бабушка перемешала его деревянной ложкой у края посудины, показывая этим, сколько мне разрешено съесть.

— Ешь, сыночек, вот и молочко тебе. Запивай молочком, так сытнее будет! Это у меня прошлогоднее пшено, нынче вряд ли будет, проса совсем нет.

«Откуда у этой бабки взялась доброта ко мне?» — думал я, уплетая кашу, обжигаясь и давясь. Молоко я пока не трогал, оставляя его на потом.

— А я гляжу в окно, ненашенский паренёк идет. Таких у нас нет, короткоштанных, и я решила, что саратовский... Много их ходят сейчас. Намедни умер мальчиконка, чуть помладше тебя. Ах, как мать убивалась от горя! Да ты ешь, ешь! А что молоко не пьёшь-то?

— Я потом.

— Ну хорошо, хорошо. Скоро мои мужики придут, пошли пробовать рожь выжинать на позымах. А в колхозе хотят сено на скотный двор свезти. Кто ж летом сено возит? А зимой что делать-то будут? Председатель говорит, возить надо, ближе потом таскать, а остальное раздадим на трудодни, а там опять колхоз разойдётся, и никому ничего не достанется. А чего расходиться? Работать надо, земля работы ждёт. У вас во Львовке опять ведь колхоз?

— Ага, — поддакнул я, ощущая, как каша плотно ложится на дно моего желудка. Затем потянулся за молоком и разом осушил всю кружку.

— Спасибо, — сказал я, так, как нас учили в школе.

— На здоровье, сынок, на здоровье! Ишь ты, спасибо — сразу отличишь городского! А ты что же, не крешишься, когда из-за стола выходишь?

— Дома нет, а здесь научился! — сказал я и быстро сработал трёхперстiem по Лёнькиной науке.

— Ну и хорошо, а теперь куда?

— Домой!

Тут под окном раздался стук и послышался Лёнькин голос:

— Помогите голодному саратовскому сироте, подайте Христа ради!

— Бог подаст, — сказала бабка. — Иди, иди, много вас тут ходит!

Лёнька что-то буркнул и пошёл дальше.

Семья Пронягиных,
родители, братья
Юрий (вверху),
Александр (в центре)
Пётр и тетя Мария,
г. Нижний Новгород,
1928 г.

Братья Пронягины
с дядей Петром
Степановичем,
1930-е годы

Родители: Георгий Степанович
и Вера Степановна Пронягиной,
г. Горький, 1937 г.

Я попрощался с бабушкой и побежал к условленному месту нашей с Лёнькой встречи.

— Ты где был? — накинулся он на меня. — Я деревню всю прошёл, а тебя не видел. Смотри, что у меня! — И он показал овсяный блин, кусок хлеба и две варёные картофелины.

— А у тебя что есть?

— Ничего, — сказал я. И рассказал ему, как было дело.

— Тогда я съем один, — обиженно сказал Лёнька. Потом попросил показать ему дом, где меня приветили. С пригорка всю деревню было хорошо видно. Я показал ему бабкину избу.

— Эта старуха вам какая-то родня. Но она тебя не знает, так что не бойся! — успокоил Лёнька, и мы зашагали в сторону Львовки.

Как мы условились, дома мы с ним скрыли наш поход. Однако через несколько дней мать подозвала меня к себе: «Зайди-ка сюда!» и толкнула в избу. В избе, на лавке под иконцами сидела бабка из Елушких.

— Так тебя Петькой зовут? — спросила она меня. — Ты что ж мамке не сказал, что был у меня в гостях?

— Я забыл, — соврал я.

— Ну ладно, Вера, я пошла, — сказала старушка, вставая с места. — Ты, чай, приходи к нам, я молока дам тебе, а ты сошьёшь мне юбку и фартук, а то ведь своих-то не допросишься, да и в городе ты, верно, научилась по-городскому кроить, а здешние только испортят.

— Приду на этой неделе! — пообещала мать.

— Приходи, и ребятишек бери, пусть в саду полазят, у нас нынче малины много, ссыпается...

— Придём, тетка Софья!

Мать пошла провожать бабку, строго сказав мне, чтобы я никуда не убегал.

Я понял, что попался. Стало стыдно-стыдно. Вскоре появилась мать и сильной пощечиной «пояснила», зачем она велела мне остаться.

— Ты что, милостыню собираешь, негодяй! — закричала она, схватила какую-то верёвку и начала меня ею пороть.

— Ты что, хочешь, чтобы над нами смеялись потом? А что я скажу отцу, если он узнает? Мерзавец ты этакий! — заплакала мать и села на лавку, закрыв лицо руками. Верёвка в её руках свисала ей на колени.

Я тоже заплакал. И от боли, и от осознания того, что стал причиной слёз матери и какую обиду ей нанёс. Ей, которая с утра до ночи гнула спину на чужой полоске земли, чтобы прокормить нас, и вдруг оказавшейся неспособной сделать так, чтобы её сын от голода не пошёл собирать милостыню...

Мне стало очень жалко свою мать.

— Что я скажу отцу? — повторяла она...

Петя Пронягин, восьмиклассник школы г. Горького (крайний слева), 1939 г.

Что я мог сказать?

— Ничего не говори. Я больше так не буду.

...Вечером Лёнькин отец вожжами отпорол его. За то же самое, плюс за совращение меня на постыдное дело.

А на другой день мы отправились в поле, жать серпами рожь на колхозном поле, помогать дяде Василию, Лёнькиному отцу, зарабатывать трудодни. Старшие решили, что пора нам самим добывать хлеб, чтобы не приучались его выпрашивать у других.

Размышления Петра Пронягина

КАК ЭТО ЧАСТО бывает в жизни у других, у меня временами мысли уходят в далёкое детство, и я живу в нём, оглядываясь и сожалея о быстро прожитом времени. Кажется, что жизнь пролетает так быстро, что человеку приходится малый срок для творения, наблюдения, передачи опыта другим, пожить самому для себя. Скажем, давно ли было то, о чём я пишу сейчас? Нет, словно несколько лет назад, а эти «несколько» переходят в десятки, а точнее — в половину теоретического срока жизни человека.

Разве я могу мечтать о жизни до 80-ти лет? Разумеется, нет, ведь это удел немногих, тем более не тех, кто эту жизнь прожил бурно, ежедневно подгоняя себя несделанными делами. Я подгонял себя скоростями во всём: если собирался ехать куда-нибудь, то обязательно самолётом. Чем быстрее, тем лучше. С прилётом на место — выбираешь средства, которыми быстрее можно добраться к месту назначения. Если поездка деловая, то сразу начинаешь подгонять себя: сделать это, сделать то, встретиться с этим, другим, третьим. И всё бегом, бегом, бегом. Я сознавал, что если буду себя тормозить — то потеряешь возможности успехов и будешь отставать от событий...

Мы торопимся в личной жизни. Программа выходного дня наполнена до предела...

Не раз я задумывался: куда же мы торопимся? К концу жизни?! Ибо чем быстрее путь, тем больше скорости и нагрузки, тем скорее изнашивается организм... Чем старше делаешься, тем быстрее летит время, тем чаще организм напоминает о своём состоянии. Огляделся я на своё детство, на прошлое, которое решил воскресить в памяти, а получилось, что пишу о годах своих внуков, ибо дети мои давно уже перешагнули тот возраст, который описываю... А что же остаётся для себя?..

Борьба за Львовку

РОДИТЬСЯ В БОЛДИНО и не писать стихи, — разве это возможно?

В случае с Петром Пронягиным ответ: конечно же нет, совершенно невозможно. Пётр Георгиевич писал стихи всю свою сознательную жизнь!

В семье Петра Георгиевича бережно хранится тетрадка его стихов. На самые разные темы, по самым разным случаям. Много посвящений родным и друзьям, много «датных» стихотворений — к какому-либо юбилею или событию. Но есть и о том, что бередит душу каждого поэта и заставляет его разговаривать с миром языком рифм и образов. О любви и ненависти, о смысле жизни, о потерях и надеждах...

Предваряя тетрадь своих стихов, Пётр Георгиевич написал: «Скажу сразу, я не поэт и не было в мечтах стать им. Другое дело, что я пробовал писать стихи ещё в детстве, будучи школьником, но они не сохранились. Я писал их в стенгазеты, в альбомы девчонкам и мальчишкам и никогда не берёг ни черновиков, ни вторых экземпляров. Повторяю, я не собирался быть поэтом, поэтому не стал им. Скорее всего, было желание излагать стихом какие-то увлечения, а их у меня было много. Но кое-что осталось в записях и черновиках, и я решил их свести в эту тетрадь».

Среди стихов Пронягина есть много обращённых к родной Львовке. И к Пушкину, кстати, тоже. Вот, например, такое:

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Уныло качаются голые ветки,
Порывистый ветер с них листья оббил.
Я знаю, что барин моих дальних предков
Безумно российскую осень любил.

Любил в эту пору он мчаться навстречу
Прохладному ветру на резвом коне,
Чтоб где-то в Лучиннике*, ближе под вечер,
На отдых присесть на берёзовом пне.

Любил он один, без забот, без обузы,
Кружить на коне по лугам, вдоль лесов.
Летали над ним благодатные музы
И сыпали рифмы для новых стихов.

А после прогулок, вернувшись в чертоги,
Писал до тех пор, пока сон не валил.
Спасибо за Пушкина, русские боги.
Да жаль, что недолгую жизнь он прожил.

* **Лучинник** — небольшая
лиственная роща
в двух километрах
к югу от Большого
Болдина.

26 октября 1989, Москва–Селятино, в электричке.

А вот, кстати, и о любимой Львовке:

Дорогой забытой, давно не трактовой,
Иду я навстречу родимым местам.
Мой путь мне знаком, он не кажется новым,
Пролёг меж полей, по пологим холмам.
Овраги, поросшие дикой лещиной,
Сбегают к низинам по граням холмов,
И тянутся кверху кудрявой вершиной
Стволы одиноких могучих дубов.
Черта горизонта поднялась чуть выше,
И вот я увидел сквозь кущи талин
Родного села поредевшие крыши
И пёстрые краски полей и равнин.
О, Львовка! Какой же красивой!
Запомнилась ты в раннем детстве моём!
Сверкали пруды сквозь плакучие ивы.
Пылила дорога под самым окном...

В стихах, написанных в 90-е годы, Пётр Георгиевич с грустью и печалью отмечал — его родное село умирает...

Когда-то здесь шумели нивы,
Бродили тучные стада.
Теперь лишь заросли крапивы
Я нахожу здесь без труда...

В другом «львовском» стихотворении:

...И я отчасти сожалею,
Что оказался снова тут.
И через год, на праздник юбилея,
Меня за Пушкина потомки проклянут.

Написано оно в 1998 году, в канун 200-летия со дня рождения великого русского поэта. И хотя, казалось бы, какая, собственно, вина Пронягина, что одно из родовых гнёзд Пушкина разрушается, находится без ухода. Но Пётр Георгиевич воспринимал положение дел там как свою личную ответственность и вину.

**Пётр Пронягин
у памятника А.С. Пушкину
в с. Больше-Болдино.
1995 г.**

0408855 ha ned zvuk a zharae

У господского
дома
во Львовке.
1995 г.

**Ой, ты рожь!
На пути
во Львовку,
1985 г.**

О его борьбе за Болдино и Львовку нужно рассказать чуть подробнее. Вместе со своим старшим братом Александром он начинал бить во все колокола ещё в советские времена.

Побывав на родине во время одного из отпусков, Пронягин ужаснулся тому, в каком состоянии находится усадьба великого поэта. Он пишет обращения в Горьковский обком партии, в Госплан РСФСР, в другие высокие инстанции с настоятельными просьбами — обратить внимание не ветшающие памятники культуры и истории, связанные с личностью Александра Сергеевича Пушкина. Получил отписки: все хорошо, работы по восстановлению памятных мест поэта идут в плановом порядке.

Петр Георгиевич не успокаивается. Пишет большое письмо в редакцию газеты «Советская Россия»:

«В начале августа, во время отпуска, после длительного перерыва, я побывал в родных местах и, откровенно говоря, сильно расстроился. Родное село, некогда процветающее, утопающее в зелени садов, с каскадом прудов — фактически прекращает своё существование, оно оказалось «неперспективным». И вся вина его оказалась в том, что совхозная усадьба разместилась в другом селе — Пикшень, что в семи-восьми километрах от Болдино. По этой причине от Болдина до Львовки нет проезжей в малейшее ненастье дороги. Оставшиеся без школы, магазина (сейчас два раза в неделю торгуют хлебом и товарами первой необходимости по заказам) молодые семьи перебрались в Болдино, Пикшень или другие места страны, оставив село на попечение пенсионеров и десятка трудоспособных семей. А ведь Львовка числится филиалом Болдинского Пушкинского музея. Там сохранился господский дом, который более пяти лет числится в ремонте, хотя там никто не работает, и ремонт не закончен, и на его охрану местному сторожу выплачено зарплатной платы ничуть не меньше, чем стоимость заработной платы для всего объёма ремонта.

Здание церкви обветшало и почти целиком развалилось, вот-вот рухнет дом, где когда-то была открыта барином (А. А. Пушкиным) школа. Сохранившиеся престарелые жители рассказывали мне об этом. В запущенном состоянии находится господский сад, от него остался только квадрат аллей из вековых деревьев и пеньки некогда богатого набора сортов яблонь, груш, слив и вишен с отросшими дикими побегами.

Посетил я Болдинский музей-заповедник и полностью согласен, что он находится в плачевном состоянии. Но и этого доста-

точно, чтобы навести на грустные размышления. А не легко ли мы расстались с ценным культурным наследием? Разве мало из-за подобного невнимания навсегда утрачено исторических мест, зданий и сооружений. Восстановить бы их как памятники старины, творения наших предков, да уже невозможно — ни чертежей, ни фотографий, ни живых свидетелей! Так ведь случилось с Болдинской церковью, уникальным для тех мест каменным сооружением, построенным в конце XVIII века, от которого осталась лишь небольшая часть, не напоминающая основного назначения. Конечно же, великий русский поэт не обходил этого места стороной!

В беседе с директором музея-заповедника (фамилию, к сожалению, не запомнил) о судьбе бывшего Пушкинского имения, он с горечью пожаловался на отсутствие должной заботы со стороны отдела культуры Горьковского облисполкома, Министерства культуры РСФСР, куда он обращался за помощью не один раз и без результата. Нет помощи директору в реализации Постановления Совета Министров РСФСР, принятого в июле 1981 года, согласно которому Болдинский музей должен быть воссоздан как Пушкинский заповедник.

Московский проектный институт Союзреставрации (так мне называли) ещё не приступал к проектированию, а без проекта и сметы никто не собирается включать строительные работы в планы, да и подрядчики для этих работ не определены. Таким образом, пройдёт без результата ещё одна пятилетка, а там, глядишь, и ничего не останется пушкинского в Болдине, кроме Болдинской осени.

Беседовал в райкоме партии с секретарём т. Тивиковой о перспективах музея, в том числе его филиала во Львовке. Планы хорошие, задумано неплохо, но до исполнения они далеки. Не уловил я оптимизма у секретаря райкома. «Решили поехать в Москву, будем там добиваться», — утешила меня т. Тивикова.

Поддерживаю инициативу Вашей газеты, вновь поднявшей вопросы, касающиеся знаменательной даты в культурной жизни нашей страны — 50-летия со дня гибели А. С. Пушкина. Думается, что многие проблемы Болдина и Львовки подвластны Горьковскому облисполкуму, хозяйственным и общественным организациям области. Берегут лермонтовские места в Пензенской области, а её потенциальные возможности куда скромнее, чем Горьковской. Скажем, что стоит облисполкуму достроить оставшиеся четыре километра автодороги от Болдина до Львовки, чтобы автотуристы могли побывать там! Можно привлечь студенческий стройотряд Горьковского инженерно-строительного института на лето 1986 года, чтобы закончить ремонт господского дома и привести в по-

рядок обветшалые здания старины, соорудить ограду. Мне известно, что студенты архитектурного факультета ГИСИ умеют делать прекрасные сооружения. Или, наконец, привлечь силы мелиораторов с их техникой, чтобы очистить болдинские и львовские пруды от накопившегося ила. Совхозы получили бы прекрасные органические удобрения.

Одним словом, была бы инициатива, а её как раз не хватает ни в Болдине, ни в Горьком, чтобы достойно отметить память великого поэта, удостоившего Нижегородскую землю своей принадлежностью к ней.

Может, я что не так написал, прошу извинить, но оставаться равнодушным, с чем столкнулся в родных местах в августе этого года, я не мог и не собирался. Спасибо вашей газете, что она подтолкнула меня скорее изложить написанное. Совести моей будет спокойнее. А может быть, через вас я чем-то помогу своим землякам и памяти А. С. Пушкина.

Пронягин Пётр Георгиевич,
начальник Управления
строительства «Химстрой»,
Герой Социалистического
Труда.
16.09.1985».

Это письмо газета опубликовала в апреле 1986 года. Некоторая реакция последовала — во Львовке начались реставрационные работы. Из Госплана России Пронягину ответили, что в XII пятилетке Горьковская специальная научно-реставрационная экспедиция планирует осуществить работы по Успенской церкви, людской, конюшне и другим объектам на общую сумму 450 тысяч рублей.

Но потом пришла перестройка, а потом развалился Советский Союз, наступили рыночные времена, нагрянул финансовый и экономический кризис. И о Большом Болдино забыли...

Но Пронягин не забыл!

В середине 90-х годов он обращается уже к новым, «демократическим» властям Нижегородской области. Сохранилось его письмо губернатору Борису Немцову от 1995 года.

«Уважаемый Борис Ефимович!

Не личное, а, как мне кажется, общественно значимое для России дело вынудило обратиться к Вам лично с нижеследующим:

Жизнь сложилась так, что после окончания в 1949 году Горьковского инженерно-строительного института я был направлен на стройки Урала, а затем Западной Сибири, где закончил трудовую деятельность в связи с уходом на пенсию по возрасту. В 1990 году был руководителем одной из крупных строительных организаций в Томской области.

В августе нынешнего года мне посчастливилось побывать на родине, в селе Львовка Большеболдинского района. Это село является составной частью Пушкинского музея-заповедника.

Мне известно, что в середине 80-х годов во исполнение Постановления Совета Министров РСФСР от 06.81г. № 360 «О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству музея-заповедника А. С. Пушкина в с. Большое Болдино» были выполнены некоторые работы по ремонту здания бывшего господского дома в с. Львовка, начато восстановление деревянной церкви, проложена асфальтовая дорога от районного центра. Тогда же планировалось провести капитальный ремонт здания бывшей церковно-приходской школы для создания в ней филиала основного Болдинского музея, очистить пруды и восстановить приусадебный сад.

К сожалению, намеченные меры не были реализованы из-за задержки проектно-сметной документации, а в последующие годы в связи с изменением общественно-политической ситуации в стране оказались отодвинутыми на неизвестный срок. Более того, я увидел не созидание, а дальнейшее разрушение: сломаны парадные крыльца господского дома и бывшей школы, разобраны полы в нижних этажах здания, обнажено чердачное перекрытие из-за отсутствия фронтона и т.д. Здание церкви ещё больше разрушено, а коренные леса вокруг неё почернели от старости. И это накануне приближающегося 200-летия со дня рождения великого русского поэта в июне 1999 года! Мне кажется, что российская и мировая культуры, научная общественность, будущие потомки не поймут ныне живущих, как они могли допустить беззаботное отношение к памяти великого сына России.

Отрадно, что не все корни любви к поэту и его потомкам отрублены.

Местные жители рассказали, что Вы нашли время посетить Болдино и Львовку и обещали содействие в реализации ранее намеченных планов.

Летом нынешнего года большая группа энтузиастов Ижевского госуниверситета более месяца бескорыстно расчищали вековые аллеи бывшего сада от зарослей. Ижевского, а не Нижегородского! Есть

неофициальные сведения, что один из проектных институтов проектирует строительство в Болдино Дома культуры по заказу совхоза «Пушкинский», который должны построить к 200-летнему юбилею.

Моё обращение к Вам сводится к тому, чтобы областная администрация сделала всё необходимое, чтобы достойно отметить 200-летие со дня рождения А. С. Пушкина на нижегородской земле. В этих целях считал бы необходимым создать специальный Пушкинский фонд и привлечь в него средства из бюджета области, многочисленных предприятий области независимо от форм их собственности, открыть специальный счёт для коллективных и частных денежных взносов.

Для того, чтобы придать подготовке к юбилею большую общественную значимость, целесообразно, помимо квалифицированных кадров строительных организаций, привлечь к строительно-реставрационным и благоустроительным работам силы специальных студенческих отрядов, сформированных в архитектурно-строительной академии, университете, педагогическом и других институтах Нижнего Новгорода. Зачем же забывать добрые студенческие традиции недавнего прошлого? И не одной страстью к высоким заработкам должны наполняться души молодых людей, будущих строителей, архитекторов, преподавателей и учёных! Лично я, имеющий богатый опыт в организации строительного производства, готов безвозмездно посвятить свой летний отпуск участию в восстановительных работах. Но нужно обеспечить их необходимыми материалами, которых потребуется не так много, и чертёжной документацией, стоимость которых при добре воле также можно сократить при лимитированном финансировании. Общее руководство подготовкой и организацией работ уже летом 1996 года целесообразно поручить специально созданной комиссии при администрации.

Возможно, я слишком идеализирую свои предложения. Но считаю, что могу быть неодиноким среди земляков-нижегородцев, если к ним обратится областная администрация и активно подключатся средства массовой информации.

С уважением (извините, если что-то не так), Пронягин Пётр Георгиевич, доцент кафедры экономики и организации строительства Томской Государственной архитектурно-строительной академии, Герой Социалистического Труда».

В ответ на это обращение Пётр Георгиевич получил отписку: «На Ваше письмо, адресованное на имя губернатора Нижегородской области, сообщаем следующее:

Решением областного Совета народных депутатов от 21.12.1993 г. №386-м утверждена областная целевая программа «Пушкин и современность» на 1994-1999 гг. Этим решением сформирован состав оргкомитета по подготовке к празднованию 200-летнего юбилея А.С. Пушкина...

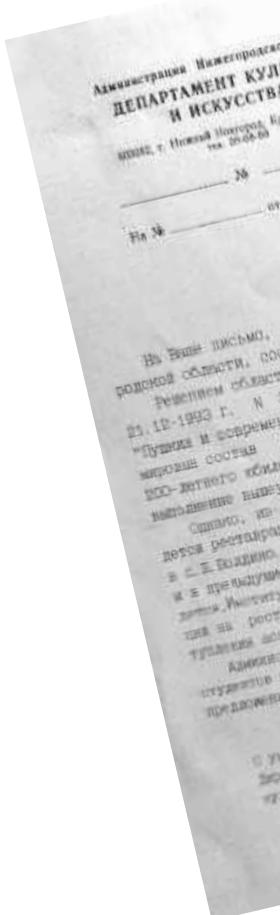
Однако из-за крайне ограниченного выделения средств ведётся реставрация и восстановление, в основном, Успенской церкви в с. Б.Болдино. Из-за отсутствия средств в настоящее время, как и в предыдущие годы, реставрация памятников в с. Львовка не ведётся. Институтом «Спецреставрация» разрабатывается документация на реставрацию господского дома в с. Львовка по мере поступления ассигнований.

Администрация района работает по вопросу привлечения студентов к работам в Б.Болдино и Львовке и готова принять предложения и помочь студентов других областей.

С уважением, директор
департамента культуры
и искусства М. М. Грошев.

Пронягин не успокаивается. В 1998 году он вновь побывал в родных местах. Убедившись, что работы по восстановлению музеиного комплекса не ведутся, написал письмо новому губернатору Нижегородской области Ивану Склярову, затем заместителю председателя правительства России Валентине Матвиенко, пишет в «Российскую газету», в «Советскую Россию». Но если раньше он мог добавить к своей подписи все регалии — «Герой Социалистического Труда, делегат XXIII, XXVI, XXVII съездов КПСС», и это добавляло бумаге внушительный вес, то после 1991 года Пронягин дописывал в конце письма: «Бывший начальник Управления «Химстрой», ныне пенсионер, работаю доцентом Томского государственного архитектурно-строительного университета, член ВКП(б)-КПСС-КПРФ с 1946 года»...

Капля камень точит. Когда наступили новые времена, положение с восстановлением музея в Болдино и Львовке кардинально изменилось. Сегодня в Болдино восстановлена усадьба Пушкиных, постройки и усадебный парк, отреставрирована каменная Успенская церковь.

Томская область
г. Северск, ул. 40-лет
Октября, д. 5, кв. 19
Принятое П. Г.

адресованное на имя губернатора Нижегородского
Совета народных депутатов
365-м утверждена областной целевой программой
"Модернизация и развитие села и сельской
экономики" на 1994-1999 г.г. этим решением со-
средоточено и проявлено
приоритетное значение постоянного контроля

Глава администрации
Нижегородской области
Владимир В. Б.

г. Горький, Обком КПСС
товарищу Христороганову Д.Н.

Уважаемый Ефим Николаевич!

16 лично, в том числе находятся общественные организации
России вынуждены обратиться к Вам лично в интересах:

Из них сложилось так, что после окончания в 1949 году
Горьковского инженерно-строительного института я был направлен
из страны Таджикистана, а затем Западной Сибири, где закончил та-
кую деятельность в связи с уходом на пенсию по возрасту в
1990 году руководителем одной из крупных строительных организа-
ций в Томской области.

В августе нынешнего года мне посчастливилось побывать в
Родине, в селе Львовка Томского района. Это село на-
шего музея-заповедника в состав

БЕЛЫХ ГОЛОВ ВО ВЛАДИМИРСКОМ
районе Томской области

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЛАНОВЫЙ КОМИТЕТ РСФСР
(Госплан РСФСР)

10717, Москва, К-24, кв. Ночев, д. 4

№ 21-152 № 34-154-96

На №

Ю ходе выполнения постановления
Совета Министров РСФСР
от 01.06.81 г. № 360

г. Томск-35, ул. Ленина, д. 26
кв. 43
т. Пронягину П. Г.

Министерство культуры
Российской Федерации
10365, Москва, Краснопресненский пр-кт, д. 3
№ 18/98 Нарб-7416-046
На № _____

636070, г. Северск, 7,
Томской обл.,
ул. 40 лет Октября,
д. 5, кв. 19

Пронягину П. Г.

Уважаемый Пётр Георгиевич!

Госплан РСФСР рассмотрев Ваше письмо о состоянии рабо-
ты по восстановлению памятных мест А.С.Пушкина в с. Большое Бол-
динское и сообщает.

В настоящее время завершены реставрационные работы
скульптуру в с. Львовке, восстановлено здание кухни, веду-
щие по хозяйственным постройкам усадьбы в с. Большое Бол-
динское строительство жилого дома для сотрудников
заповедника. Музей выдаются машины, мебели и оборудование.

Начиная с 1986 года намечено начать работы по очи-
щению с. Большое Болдине.

В XI пятилетие Горьковская специальная научно-ре-
монтная мастерская предусматривает осуществить работы
по очистке цирков, ледовой, камине и другим объектам на с-
му 450 тыс. рублей.

Контроль за выполнением работ, предусмотренных
планом Совета Министров РСФСР "0" мерами по дальнейшему
благоустройству музея-заповедника А.С.Пушкина", ос-
уществляется областным.

Прокуратура

Заместитель

В мемориальный комплекс вошла также усадьба во Львовке,
которой владел сын поэта Александр Александрович Пушкин.
В барском доме теперь открыт музей литературных героев «По-
вествений Белкина», в котором воссозданы интерьеры по страницам
повестей «Барышня-крестьянка», «Метель», «Выстрел», написанных Пушкиным Болдинской осенью 1830 года...

Во всём этом есть толика труда Петра Георгиевича Проня-
гина, томского строителя, потомка крепостных крестьян поме-
щиков Пушкиных...

Уважаемый Ефим Николаевич!

Извините, что обращаемся к Вам, ибо иначе убедить
и надеясь, что Обкомом КПСС будут признаны необходимые меры,
чтобы положительно решить вопросы, затронутые в опубликован-
ной газете "Советская Россия" от 3 апреля 1986 года № 81(3)
статье "Сохранить память".

В феврале 1987 года исполнилось 150 лет со дня гибели
великого русского поэта А.С.Пушкина. Нет сомнения, что это
событие будет широко отмечаться советским людьми. И очень
хотелось бы, чтобы горожане практическими делами откликну-
лись на улучшение состояния и дальнейшее развитие заповедни-
ка Пушкинского усадьбы в Большом Болдинском районе. Возможности
для этого в Горьком и области можно изыскать, если привлечь
 помощь промышленных и строительных организаций, симпосту-
 ческих строительных отрядов, а также, никакие общественно-
 прославленных и должностных лиц.

В этой теме меня побудило получение письма,
приниматель за полученный ответ
20 октября, дом 5, кв. 19.

М.И.М. № 64-36
Прокурор Петр Георгиевич - начальник
Управления "Химстрой", Торговой социалистиче-
ской организации труда, замдиректора КХП Управ-
ления КПСС.

Письма Петра
Пронягина
в защиту Львовки
и ответы на них

СЛОВО об отце

**Татьяна Астафурова
(Пронягина)**

МОЙ ОТЕЦ. Пётр Георгиевич Пронягин, был любвеобильным человеком в лучшем и широком смысле этого слова. Он любил свою Родину — Советский Союз, свою малую родину — Болдинскую Львовку в Нижегородской области, город Горький, где прошло его детство, уральский Свердловск-45, ныне Лесной и, конечно же, Томск и наш город Северск. Он был прекрасным семьянином — любящим и заботливым мужем, отцом, дедом и прадедом. Он преданно любил свою мать, братьев, племянников, которым помог получить высшее образование в вузах Томска.

Один из них — Дмитрий Пронягин, окончил Томское высшее командное училище связи, стал генералом, Героем России, прошёл все горячие

точки и принял эстафету от отца по пронягинской линии. Сегодня с ним на передовой в одном строю его родной племянник — северчанин Леонид Степанов, сын сестры Елены Юрьевны, которая долгие годы работала в «Химстрое», сохраняя добрые традиции нашей семьи.

В Северске родились не только внуки Петра Георгиевича, но и почти все его правнуки, которые часто гостили в гостеприимном доме родителей. Он был открыт для всех. Отец и мама всем старались помочь, интересовались делами, радовались и переживали за всех.

Несмотря на свою профессиональную занятость, отец много умел делать по дому, находил время на разные увлечения — спорт, прогулки. Он собирал пластинки, марки, значки, различные журналы, календари, даже церковные, православные, и ко многим своим занятиям он привлекал всех нас.

Мы часто выезжали на природу за город — в Ярское, на Обь, где были построены базы отдыха для работников «Химстроя». Во время отпуска он любил путешествовать по стране — посещал Крым, Кавказ, среднюю полосу России. При любой возможности он заезжал в Нижний Новгород, Арзамас, Болдино и родное село Львовку, где при его непосредственном участии был создан «Музей героев повестей Белкина», который является составной частью Болдинского литературно-мемориального музея Александра Сергеевича Пушкина.

Отец был гармоничным и широко эрудированным человеком. Он постоянно занимался самообразованием, много и вдумчиво читал, любил отгадывать кроссворды, много писал. Он вёл обширную переписку с редакциями газет и журналов, а также с авторами заинтересовавших его публикаций.

И ещё одной удивительной особенностью обладал отец. Он регулярно, со студенческих лет (с 1946 года) в течение 70 лет вёл дневники, где описывал происходящие события и своё отношение к ним, производственные и семейные темы, погоду, настроение. Отдельно им были собраны записи о встречах с удивительными и знаменитыми людьми — политическими деятелями, учёными, артистами, спортсменами. Среди них были Курчатов, Славский, Гагарин и многие другие, с которыми ему посчастливилось встретиться во время работы трёх съездов КПСС, делегатом которых он был избран.

Среди его близких знакомых был Степан Андреевич Неустроев, который вместе с бойцами Красной армии Егоровым и Кантария

водрузили знамя Победы над рейхстагом. С его дочерью Татьяной мы поддерживаем дружеские отношения до сих пор.

По материалам дневников были подготовлены машинописные книги, включающие семь томов — Семья, Нижний Новгород, Урал, Сибирь и другие. Позже по ним были изданы типографским способом книги — «Возвращение долга», «Как начинался Томский Нефтехим», «Урал» и другие.

Большая часть архивных материалов Петра Георгиевича, по согласованию с ним, была передана в музеи города Северска, Болдина и Лесного, где также читят о нём память. Среди неопубликованных и менее известных материалов Петра Георгиевича остались написанные им стихи, собранные в несколько отдельных тетрадей. Видимо, писал он их по настроению или специально к каким-то мероприятиям и датам. Среди них — лирические и дружеские шаржи, стихи-размышления. Их очень много. Именно стихи в большей степени отражают суть характера отца, его личности, в них он раскрывается более откровенно и многогранно.

У папы было много друзей, он всем старался помочь, даже материально и чаще всего безвозмездно. Он был меценатом, занимался благотворительностью, умел принимать решения и брать на себя ответственность. В книге жертвователей Эндаумент-Фонда ТГУ есть запись: «Направляю свой вклад на развитие Сибирского ботанического сада и призываю своих последователей, учеников, друзей, коллег присоединиться к этому замечательному проекту...».

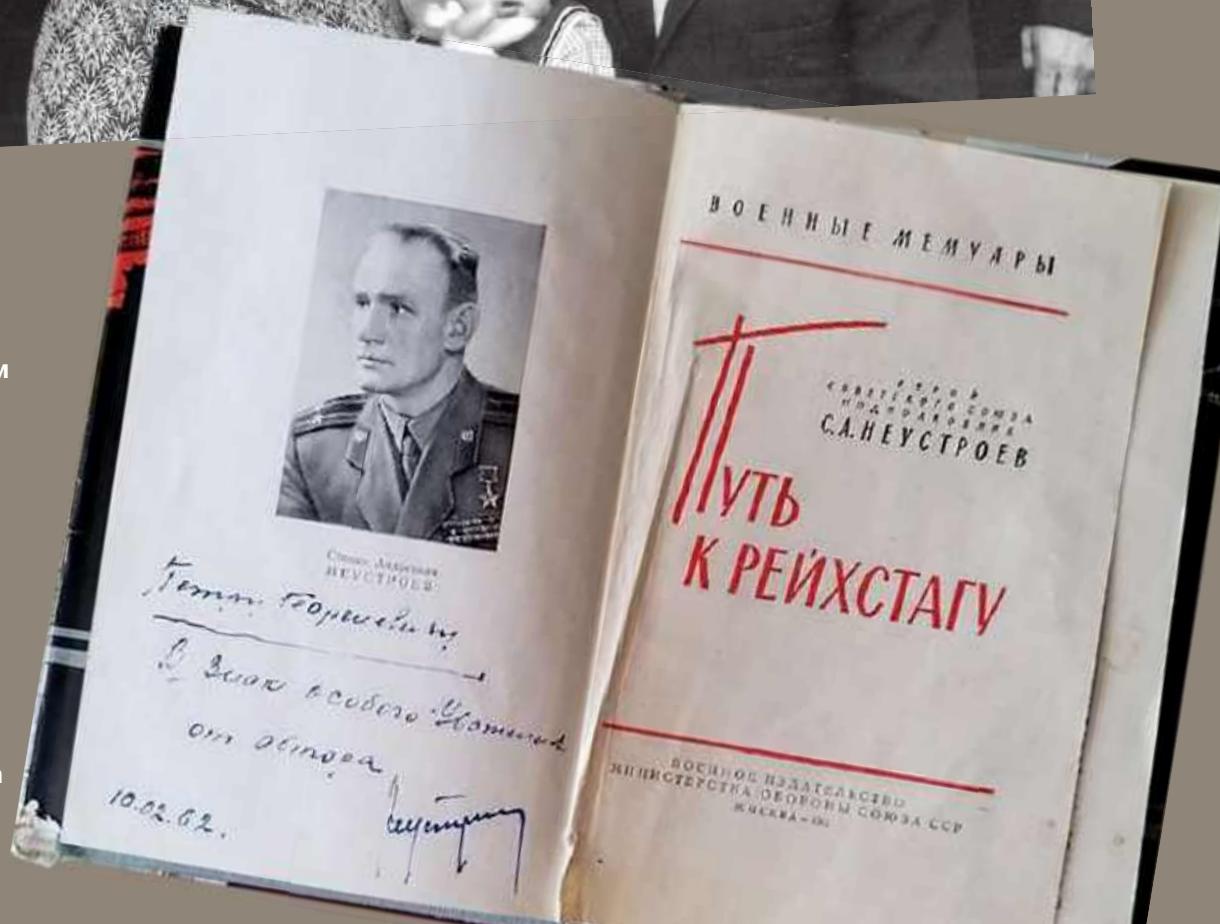
Для родных и близких отец был крепкой опорой, надёжным другом, интересным собеседником, прозорливым аналитиком. Он был многогранным человеком, в котором уживались противоречия: сильный и порой беззащитный, неприхотливый в быту и щедрый для окружения, добрый и требовательный...

Пётр Георгиевич был пассионарной личностью. Он прожил трудную, но яркую содержательную и созидательную жизнь и оставил нам богатое духовное наследие. Таким он сделал себя сам, и таким его сделало его время!

Семья Пронягиных:
Пётр Георгиевич
и Лидия
Константиновна,
Татьяна Астафурова
(Пронягина) с мужем
Владимиром (стоит
слева), Михаил
Пронягин с женой
Татьяной, внук Петя.
1975 г.

Книга Героя
Советского Союза
Степана Неустроева
с автографом

2

Пронягин и война

Годы военные, годы тяжёлые...
Трудно бывает о них вспоминать.
Всё же приходится, люди-то новые,
Кто-то ведь должен им правду сказать.

Мне и сейчас ещё часто приходится
Видеть во сне то, что я пережил.
Вспомнишь былое и сердце заходится,
Рад бы, но я ничего не забыл.

Пётр Пронягин, 1986

В тылу

ПРОНЯГИН НЕ ВОЕВАЛ. Хотя по возрасту должен был 18 лет ему исполнилось в октябре 1942 года.

Известно, что на поколение мужчин, родившихся в 1923-1924 годах, пришлось наибольшее количество погибших в Великой Отечественной войне. На фронтах полегло много сверстников Петра Георгиевича, его друзей по двору, одноклассников...

Пётр Пронягин всю жизнь ощущал чувство вины перед ними. Он остался жив, а они нет.

Хотя он в полной мере мог бы повторить вслед за поэтом Александром Твардовским его знаменитые строки:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они, — кто старше, кто моложе, —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

Но разве это успокоит совестливое сердце?

О том, как так случилось, что мобилизация на фронт не коснулась Пронягина, он подробно рассказал в своих воспоминаниях.

Начало войны Пётр встретил в Горьком, выпускником школы-десятилетки.

Два года назад трагически погиб отец, Георгий Степанович Пронягин. Был убит, когда возвращался с работы (трудился железнодорожником). Все заботы о семье легли на плечи матери, Веры Степановны. В 1940 году старший брат Александр был

Отец Георгий Степанович

Кондукторский резерв, ст. Горький. 1938 г.

Город Горький
в канун войны

призван в Красную армию, служил на Дальнем Востоке. Младший брат Юрий учился в шестом классе.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«Утро 22 июня началось обычно. Стояла тёплая погода. Я, проснувшись часов в 10 от духоты раскалившейся на солнце железной крыши сарай,

вышел по двор и стал собирать компанию, чтобы идти купаться на Оку. Иван Гришанин согласился, но просил подождать, пока он позавтракает. Зная, что завтракает он медленно, а собирается всегда ещё медленнее, я сходил к Давыдовым, подговорил Михаила, зашёл к себе домой, наскоро закусил, что послал Бог и подготовила мать. Она ушла на базар, а Юрий (брат) вертелся рядом, напрашиваясь мне в компанию. В ожидании Ивана я вышел на улицу, уселся на траве около их окна и стал слушать передачи по радио. У Гришановых был приёмник НВ-6.

Наконец, все собрались, мы сбежали с горы вниз к реке. Холодная вода освежила нас. Чтобы согреться, легли на песок у стоящей у берега лодки. И тут я вспомнил, что нужно собираться на вечеринку к Ирине Королёвой, что, может быть, ко мне уже пришли друзья. Быстро искупался ещё раз и уговорил Ивана и Мишу Давыдова вернуться домой.

Только вошли во двор, как встретили соседку Веру Фёдорову с большими от страха глазами: «Мальчишки, война!»

— Какая война, если у меня хреновина одна! — ответил я на такую шутку.

— Война! Настоящая, с немцами. По радио передают!

Мы бросились к Гришаниным, из открытого окна доносился мужской голос.

— Это Молотов говорит, — шепнула стоящая рядом, побледневшая Нина Привалова.

Мне запомнились некоторые слова из прозвучавшего сообщения: «Наше дело правое, мы победим!»

Война!!! Война. Вот она, война. Не в кино, не в книгах, а на самом деле.

Немецкие самолёты бомбили Киев, Минск, Кронштадт, Севастополь, Ригу и другие города, — повторяло радио.

На душе стало волнующе и тревожно. Старшие со страхом повторяли: «Опять война, опять с Германией. Господи, сколько людей погибнет!»

— Это ненадолго, — вставил я. — Пройдёт несколько дней, и наши победят, как на Хасане.

— Нет, Петя, это, наверное, посерьёзнее Хасана, — сказала Нина Привалова. — Какая у немцев сила! Пол-Европы захватили!

— То пол-Европы, а то СССР. Фашистам нелегко будет, потому что Красная армия — не польская армия, и СССР — не Югославия, не Греция какая-нибудь. У нас народу вдвое больше, чем в Германии. Через неделю-другую всё успокоится, — настаивал я, опираясь на свои политические знания.

Девятый класс. Петя Пронягин в верхнем ряду в центре. 1940 г.

Александр, старший брат, 1941 г.

Петя Пронягин
(первый слева
в нижнем ряду)
с друзьями.
1939 г.

— Война, мама! — сказал я вошедшей матери. — По радио Молотов выступал!

— Я слыхала, весь базар разбежался. Везде о войне только и разговору. Боюсь я за Саньку, как бы его не убили!

— Санька далеко, его сразу не возьмут на фронт, он же в стройбате!

(Старший брат Александр служил в армии на Дальнем Востоке.)

— Там своя война начнётся, японцы её уже начинали!

Слова матери заставили задуматься. Война может стать реальностью для всех. В том, что она вот-вот закончится — никто из нас,

молодых, не сомневался, а поэтому очередь до Саньки не дойдёт. Пока привезут его с Дальнего Востока, всё кончится, немцам морду набывают, как японцам на Хасане или Халхин-Голе...

Вскоре я ушёл к Мясниковым, где уже вовсю обсуждали последние новости.

— С немцами воевать трудно, это не Румыния. Я их в Мировую войну узнал хорошо, — говорил дядя Федя Уханов.

— Перебьют вас всех, мальчишкой, — твёрдо сказал дядя Костя и смахнул рукой набежавшую слезу...

По радио прозвучало новое сообщение. Объявлялось военное положение в западных районах страны, мобилизация призывных возрастов с 1905 по 1921 год включительно.

Ребята вышли на улицу покурить. Раскуривая папиросы, мы продолжали обсуждать события.

— Завтра пойду записываться в добровольцы, сказал Борис Королев. — Всё равно призовут. Лучше идти скорее, а то другие войну закончат без меня.

— Может, и нам пойти? — предложил Николай Мартынов.

— Нас не возьмут — рановато. Ведь сказано — по 1921 год включительно. Нам ещё долго.

— Эх, повоевать бы! — сказал Иван Усилов. А потом добавил: «А лучше не воевать совсем!»

А потом начались проводы в армию.

«Шёл третий день войны. Всё вокруг бурлило, шумело, волновалось. Мужчины уходили на фронт, кто добровольно, кто по мобилизации. Слёзы провожающих, крики женщин, переходящие в надрывные и полные горя, прощальные объятия, из которых с трудом вырывались те, кого провожали, — обычная картина тех дней.

Люди уходили воевать, а, может быть, и умирать. Можно было понять и тех, кто уходил, и тех, кто провожал. В городе было создано несколько мобилизационных участков, их создавали по районам. Один из таких пунктов был на улице Маяковского, в клубе речников им. Калинина. Через него проходила основная масса мобилизованных того района, в котором мы жили.

Уходили на войну. Уходили с верой в быструю победу, и вряд ли кто предполагал, что до победы путь долгий и достанется она дорогой ценой. Большинство верило в быстрое окончание войны и относилось ко всему происходящему оптимистически, успокаивая провожающих: «Погодите плакать! Пока я до фронта доеду, тут и война кончится».

— Буду возвращаться домой не воевавшим, — стыдно будет ребятам в глаза смотреть за твои слёзы, — говорил Василий Давыдов своей матери.

А жена его, Настя, даже слёз не проливала, верила мужу. В первые дни из наших знакомых, пожалуй, никто не был призван, хотя из посёлка уходили многие.

Помнится, как пришёл прощаться дядя Митя, брат матери Ивана Гришанина. Он был крепко выпившим, карманы его галифе и пиджака были набиты четвертинками с водкой, которые он раздавал всем встречным, требуя, чтобы с ним напоследок выпили.

— Выпей со мной, — говорил он Степану Филиппову, — выпей с человеком по-человечески, чует моё сердце, что живым не вернусь. Так напоследок уважьте меня!

И Степан «уважил», с желанием не упустить выпить четвертинку, которыми сам увлекался. Даже нам пришлось «уважить» дядю Митю. Он доставал повестку, в которой ему предписывалось немедленно явиться на ул. Маяковского, разглаживал её ладонями и приговаривал:

— Вот ты, смерть моя! Прощайте, люди! Больше я вас не увижу, — размазывая пьяные слёзы, он отпивал очередной глоток и, не закусывая, продолжал рассуждать:

— Только-только жить начали, а теперь всё прахом пойдёт! Наталья, присмотри за моими ребятишками, прошу тебя, кроме тебя некому их доверить.

Семья его жила в деревне, а он оказался в Горьком на приработке и временно жил у Гришаниных. Здесь его и нашла повестка. Окружающие успокаивали его, уверяя, что всё кончится благополучно — война его не коснётся, но дядя Митя упрямо твердил, что его убьют, а поэтому надо выпить.

Поскольку временем дядя Митя был ограничен, а хмельное состояние могло спутать все понятия о дисциплине мобилизованного, то нас стали просить проводить его.

Я и Иван Гришанин с большим трудом тащили дядю Митю на призывной пункт, и к концу дороги он как-топротрезвел и сказал:

— Ладно, ребята, спасибо вам, я и сам дойду. Это я от горя опьянел, да и не жрал ничего. Возьмите на прощание, — и он протянул нам две четвертинки водки. — Я всю получку в водку загнал, всё равно мне больше ничего не нужно, перехожу на казённые харчи и содержание. А деньги пропадут, отсыпалить их некогда, у меня было всего-то несколько часов на сборы.

И он пошёл, слегка покачиваясь. Мы решили проверить, дойдёт ли он до места, не сочтут ли его дезертиром, и осторожно, чтобы

нас не заметили, двигались сзади. На подходе к Окскуму мосту нам встретилась войсковая часть, которая под развёрнутым знаменем, с оркестром, ровным строем и твёрдым шагом двигалась в сторону Канавина. Впереди командиры. Все красноармейцы и командиры были одеты в новое обмундирование, за спиной винтовки, вещевые мешки. Солдаты передней шеренги несли на плечах ручные пулемёты.

— Видал, Петька, как идут! Счастливые, скоро будут на войне, — сказал Иван.

Среди красноармейцев я увидел брата Фёдора Баранова, — Ивана, он шёл впереди подразделения. Я махнул ему рукой, но взгляд его был устремлён вперёд, он наверняка не предполагал, что на пути ему встретятся знакомые, хотя бы и моего сорта.

Он погиб в первые месяцы войны, как и многие из этой части, об этом мы узнали от Фёдора, который пришёл к нам рассказать о своём горе...

Мы двинулись дальше. На подходе к Блиновскому садику была огромная толпа. Здесь провожали мобилизованных. Они располагались на скамейках, газонах, каменном цоколе чугунной решётки ограды, в кругу своих родных. Многие были нетрезвыми. Вокруг всё шумело, кричало, плакало, смеялось, пело, плясало. Казалось, всё слилось в одну неуправляемую силу. Слишком много было людей с разными характерами, не знающих друг друга.

Среди них мы увидели дядю Митю. Он сидел в кругу незнакомых мужчин и весело о чём-то рассказывал. Его вещевой мешок был уже тощим, а пустые четвертинки лежали тут же, веером, головками к одной точке. Мы решили не подходить к нему.

— Дошёл все-таки. Ну, здесь его не потеряют, — сказал Иван. — Айда, Петька, домой, тяжело смотреть на всё!

Мы ещё раз удостоверились, что с дядей Митея всё нормально, и пошли обратно.

Больше он у Гришаниных не появлялся. Предчувствие его не обмануло».

Через пять дней после начала войны Пётр Пронягин устроился на работу диспетчером в Агентство местного флота при Верхне-Волжском речном пароходстве. Была возможность поступить в институт, но решил отложить учёбу на «после войны», а сейчас — помочь матери содержать семью.

Работа диспетчера заключалась в отслеживании рейсов пароходов и барж, выписке путёвок капитанам. Зарплата 300 рублей. В середине июля получил первую получку.

«Возвращаясь с работы, я несколько раз щупал карман своих штанов, где вместе с папиросами «Красная Звезда» (1 рубль за пачку и коробком спичек за 10 копеек) ощущался свёрток бумаги, в котором были завёрнуты пять красных тридцаток.

Мама оказалась дома. Я протянул ей деньги и нарочно небрежно сказал: «Мам, здесь вот моя получка, возьми деньги, они нам пригодятся».

Мать взяла деньги. Рука её задрожала, задрожали губы, и на глазах появились слёзы.

— Спасибо, сынок, конечно, пригодятся. Я добавлю своих, и мы купим тебе одежду или обувку, ведь тебе совсем не в чём ходить.

— Не надо мне ничего, я и в старом прохожу, — возразил я, указывая на стоптанные спортыменки-тапочки и штаны, перешитые из отцовского железнодорожного костюма.

— Нет, Петя, это твои трудовые деньги. Нужно на них купить необходимую вещь, и в то же время приятную, памятную. Что бы ты хотел?

Я давно хотел иметь хромовые сапоги. Настоящие. Новые. Чтобы носить брюки-галифе, заправленные в сапоги, что было не только модным, но и практичным. Начавшаяся война привела мужчин на военный лад, и носить сапоги, брюки-галифе, как носило большинство мужчин, было моей скрытой мечтой.

И вскоре я натягивал новые хромовые сапоги, купленные у какого-то военного за 400 рублей.

Добрая, милая мама! Желая отблагодарить меня за первую получку, она почти утроила её за счёт скучных запасов семьи и вернула в виде подарка — хромовых сапог, которые служили мне потом несколько лет, пока не развалились от непосильной нагрузки.

Но теперь я имел свои самостоятельные деньги, которые полностью отдавал в семью, забирая самую малость, копейками, чтобы покупать папиросы, ездить трамваем на работу и обратно».

Пётр Пронягин с мамой. 1944 г.

Как Пётр Пронягин грузчиком работал

Город Горький.
Вид на Волгу

НЕМЦЫ УЖЕ ЗАХВАТИЛИ Смоленск, прорвались к Ленинграду, на юге продвигались к Днепру.

Наш город жил тревожной жизнью, близость войны ощущалась реально. Ночью проводилась светомаскировка, в городе было большое количество военных, хотя война шла ещё далеко от нас.

Жизнь для меня текла по схеме — работа, к вечеру улица, спуски на Оку, купание, а затем посидеть на лавочке или на крыльце, ночью спать в сараях. Младшие мальчишки и девчонки продолжали свои шумные игры. Больше всего времени мы проводили в посиделках.

Незаметно подкралась осень. Положение на фронтах было тяжёлым. Немцы перешагнули за Днепр. Как громом с ясного неба, радио известило, что наши войска оставили Киев. После этого в сообщениях назывались все новые оставленные города. Немцы упорно двигались к Москве, растекались по Украине.

Я, как и многие, ждал, что вот-вот враг будет остановлен, но этого не случалось. Почти каждый день речники ходили на дополнительные работы, в основном, разгрузочные и погрузочные. Рабочих рук не хватало, суда с грузом стояли дольше обычного.

Мне запомнилась разгрузка якорных цепей. На баржу явилось человек тридцать. Все свои, знакомые речники. Сначала я не понял сомнительного возгласа Смирнова, мыкнувшего под нос: «Маловато нас, этого дощаника нам до поздней ночи хватит».

Мне казалось, что тридцать мужиков (в том числе и я, конечно) должны выбросить цепи из трюма небольшого дощаника часа за два: «Подумаешь, несколько десятков якорных бухт!». Однако после первого захода я понял, что жестоко ошибся. Как только тяжёлая цепь легла на плечо, я почувствовал, что с трудом удерживаю

её, а когда с ней нужно было двигаться, то понял, что сил моих не хватит для такого груза. Цепь давила на плечо, вызывая сильную боль. Я упирался ногами в трап, но не двигался с места.

— Помогите же, один не вынесу, — когда почувствовал, что цепь тянет меня обратно, в трюм.

— Иди, иди! Чего орёшь? — крикнули сзади. — Ты не один, тяни, как другие тянут.

Подгоняемый этим криком, давшим мне понять, что действительно не один, я, пошатываясь, еле переводя дыхание и на полном пределе, медленно двигался по трапу, а затем по палубе и, наконец, по береговому трапу, по берегу, где цепь, извиваясь змеёй, укладывалась в бухту. Плечо оказалось ободранным, больше на него принять груз я не мог. Смирнов сказал:

— Так мы все без плеч останемся. Надо идти за крючьями, с крючьями веселее будет.

Его поддержали многие.

— Сходи, Павел Иванович, на берег, там должны быть крючья.

— У шкипера, может, есть. Он ведь ждал кого-то для выгрузки.

Должен сообразить, что крючников сейчас не наберёт.

— Сходи сам к шкиперу, он тебя послушает.

— Мы что, антилигенция? — сказал кто-то.

— Антилигенция! — передразнил его Смирнов. — Работу делать звали, а ничего не припасено, ни крючьев, ни подушек.

Подушки, крючья, седелки, основные атрибуты волжских грузчиков, оставались недосягаемыми для моего понимания. Раньше я наблюдал работу грузчиков. Иван Кондолов из нашей деревни, будучи грузчиком, часто ночевал у нас, положив седелку под голову, как делали все грузчики в обеденный сон, растянувшись у порога. Дальше он в квартиру не ходил, стыдился. Стыдился вшивого тела, грязной одежды, обросшего лица, да и самого себя.

Но от еды Иван не отказывался. Ел обязательно с водкой. Бутылку вынимал из-под фартука, ударом ладони в дно вышибал пробку и прямо из бутылки отпивал несколько крупных глотков. Иногда он ходил в гости, тогда переодевался в единственную чистую рубашку и штаны, а его седелка хранилась у нас в сарае.

Ребятишки пользовались ею, чтобы таскать друг друга. Седелка помогала нести груз на спине. Опытные грузчики выносили с её помощью из трюмов по мешку соли, сахару, муки, зерна, с удивительной ловкостью носили на спине бочки с цементом, не уронив ни одной, хотя бочку ничем, кроме верёвки, не держали. Руки грузчика обычно болтались, как плети, как бы раздвигая перед собой воздух. Седелка помогала носить груз на спине, так как имела ткань, прошитую с войлоком.

У нас, явившихся на выгрузку баржи, ни того, ни другого не было, ибо седелка являлась личным инструментом каждого грузчика, который по-своему ухаживал за ней: держал её в красоте, в чистоте, заботился о том, чтобы она не только помогала в работе, но и украшала хозяина.

Подошёл Смирнов и сказал, чтобы мы шли на соседний дощаник и взяли у шкипера крючья, но с обязательным возвратом. Мне он протянул металлический стержень, загнутый на одном конце скобой, чтобы удобнее было держать его рукой, а на другом конце — крючком чуть меньше прямого угла.

— На, держи! Попробуем сберечь плечи для другой работы. Ты знаешь, как орудуют им?

— Нет, не видел, — ответил я.

— Сейчас увидишь. Смотри и разумей, может, в жизни пригодится. У грузчика многое чему можно научиться, не только драться, материться и водку пить. Это могут и другие делать. А вот дружно работать! Или уметь распорядиться своей силой даётся не каждому. Только настоящему грузчику! Но надо не один год работать, чтобы принаоровиться. В своё время я видел, как работал Королёв. Вот был мастер! Сорокапудовый якорь один выносил на берег. На спор! Трудно поверить, но это было так! — говорил Смирнов и продолжал. — Или, например, Груздин. Он один рояль на третий этаж заносил. Рояль! И ни одной царапинки. Сейчас тоже есть мастера-силачи, только они уже не в почёте. Сейчас в почёте машина, кран. Но только кран без человека — железка. Не стало людей, и кранов не стало хватать. Пойдём, я покажу, как крючком хватать цепочку. У меня это умение осталось от молодых лет. Эх, сколько я этих цепей надёргал!».

В трюме дощаника уже выстраивались мужики с крючками в руках.

— Давай, взяли, подходи! — скомандовал Смирнов. — Запевай песню! Эх, мать твою в душу, тряхнём стариной, ребята! Не подкачаем, начали!

И с криком, скорее, с кряком «р-р-р-раз, взяли!», он зацепился крючком за звено цепи и дёрнул на себя. Цепь рванулась и размоталась на кусок длиною метра два.

— Подхватывай! — крикнул Павел Иванович. — Подходи!

И уже второй подхватил крючком, и ещё звено метра полтора-два рванули оба крючника на себя.

Удлинилась цепь. По трюму подхватил третий, и снова удлинилась цепь. Затем четвёртый, пятый. Меня оттеснили, но я хотел тоже зацепить своё звено. Со второго раза мне удалось вставить крюк в цепь, я рванул на себя, но цепь упорно сопротивлялась.

— В такт делай, в такт! Слушай команду и делай!

А команда неслась: «И-и — р-р-р-аз! И-и — р-р-р-аз!». В такт команде напрягались или расслаблялись тела, особенно мышцы ног и рук, заставляя цепь длинной змейкой ползти наверх, по гладкому трапу. В голове змеи стоял Смирнов и выкрикивал: «И-и — р-р-р-аз! И-и — р-р-р-аз!». Вдруг высокий тенор затянулся:

— Как чувашин у чувашки...

А Смирнов добавлял:

— И-и — р-р-р-аз!

Цепь дёргалась, и снова команда:

— И-и — р-р-р-аз!

И снова дружный рывок:

— Полоскал в п... рубашки.

Вся артель подхватила дружным хором, дёргая цепь крючьями в такт припева:

— Вот так! Вот так! — и, ускоряя темп припева и движения цепи по трапу:

— Как у нашей у старухи...

— И-и — р-р-р-аз!

— Зачесался в проруке?

— И-и — р-р-р-аз! — снова рывок.

Тенор вытягивал вопросительно, словно спрашивал артель. И в такт ему вся масса людей, ухватив цепь крючьями, в едином порыве вырывала её на себя из свёрнутой бухты.

— Вот так! Во-от так!

— Как у нашей у Марфутки

— Пропил муж её обутки

— Как?

— А вот — так! Во-от — так!

Многим членам артели были знакомы и мелодия, и слова песни, помогавшей своим содержанием, крепко солёным, легче переносить тяжесть труда, и они охотно, как что-то нужное, принимали её для себя. Я впервые, уловив смысл песни, заливался смехом, не бросая работы.

Было смешно не столько от неожиданной услышанной песни, исполнявшейся взрослыми людьми на полном серьёзе, людьми, разными по профессии, возрасту, воспитанию и образованию, но было смешно от того, что эта песня своим содержанием и мотивом подбрасывала серьёзным уставшим людям какую-то неведомую порцию и смешного, и озорного, переходящего в молодой задор, и новые силы.

Работа пошла споро, движения рук и ног стали более чёткими, в такт частушке и припева к ней. На лицах людей появились улыбки. От моего задорного заливистого смеха стало смешно соседям по шеренге, они тоже стали шире улыбаться, не забывая о физической нагрузке.

А тенор заводил новое колено разухабистой песни:

— Как сопливые мальчишки

— И-и — р-р-р-аз!

— Обобрали все штанишки!

— И-и-и... два!

— Вот так! Во-от так! — отвечала ему артель людей.

Показался конец цепи в бухте. К этому времени Смирнов, шедший в голове, был уже почти на месте укладки цепи на берегу. Концевой крикнул по цепочке:

— Пошла последняя, пошла, родимая!

И вся цепь людей закричала, словно пошёл электрический ток по проводу:

— Пошла, пошла, родимая!

Мы почти бегом поволокли цепь по трапу, по палубе, по берегу, пока последнее звено не легло в новую бухту, но уже на берегу.

Вытянув цепь, возбуждённо и тяжело дышали от напряжённого труда, но глаза сияли радостно, радостью сделанного. Губы в широкой улыбке светились крепкими или нарушенными рядами зубов. Кое-кто вытирая пот с воспалённого, распаренного лба, кто-то сплёёывал тягучую слюну.

— Ловко ты, Фёдор, подхватил нас песней, молодец! — хлопнул Смирнов по плечу широкоспинного мужчину. Тот повернулся, и я увидел шкипера нашего дебаркадера.

— Так ведь ты, Павел Иванович, просил тряхнуть стариной, я и тряхнул, — ответил тенором старший шкипер.

— Давайте перекурим и новую выдернем, — предложили из толпы.

— Перекур! — крикнул Смирнов, хотя сам никогда не брал в рот табачного.

Вторую цепь вытянули сравнительно легко. Всех частушек я не запомнил, хотя старался, чтобы рассказать их своим ребятам и, конечно же, художественно изобразить их.

Забегая вперёд, скажу, что полученный урок помогал не раз в будущем. Я постигал азы артельного бурлацкого труда, с ним и после приходилось сталкиваться. И тогда я выглядел, как заправский волжский крючник.

На другой день болели руки и ноги, болело всё тело. Разгрузка цепей оказалась непростым делом. Вскоре нас мобилизовали разгружать цемент, затаренный в бочках.

На теплоходике переправились через устье Оки на Строгановские склады, где стояла недовыгруженная баржа с цементом.

На месте сбора стояло немало собравшихся работников управления пароходства, приехавших, как и мы, после рабочего конторского труда выполнить нужную работу. Бочки с цементом вы-

катывали верёвками наверх, на палубу, а затем по доскам катили на берег, где их подхватывали и укладывали в штабель несколько сильных, крепко сложенных мужчин. Кое-кто выносил бочки на грузчикской седелке.

Я тоже решил попробовать. Нашёл в шкиперской седелку, примерил на себя и, хотя она была явно велика, стучала по заднице и ляжкам, сваливалась с плеч, я спустился в трюм и подставил себя под бочку. Наваливающие не видели моего лица, не знали, что никакого опыта владения баланкой у меня не было, но раз появилась седелка, надо на неё ставить груз. И мне его поставили. Бочка с цементом весила килограмм шестьдесят. Мои ноги подкосились, я зашатался, руками стал выделять круги, и бочка свалилась с моей баланки, покатившись под ноги стоявшим грузчикам.

На меня закричали, пересыпая матом мои попытки оправдаться.

— Не можешь носить, — нечего лезть, куда не просят, — поёживаясь и потирая ушибленную ногу, зло ворчал один из грузчиков.

— Дай ему по соплям! — предложил другой.

— Убёшь — отвечать придётся, — возразил первый.

Я решил убраться от них. Чего доброго, от категории людей такого сорта можно словить оплеуху запросто. Сбросил седелку-баланку и перешёл к своим, чтобы вместе с ними продолжать до темноты катить тяжёлые бочки с цементом, сделавшись под конец работы сизым от пыли. Мой и без того невзрачный костюм вышел из строя, покрывшись цементной пылью, смоченной потом. Очистить мне его не удалось, и уже позднее я довёл свои брюки до полного уничтожения. В те дни я очень жалел свои штаны, испорченные по-глупому.

Время быстро катилось. Начались осенние дожди. Я полностью овладел своим делом и даже часто подменял диспетчеров. Кое-кто поговаривал, что из меня выйдет хороший диспетчер, но я в это не верил.

Копать окопы

В ОКТЯБРЕ Петра Пронягина вместе с большой группой работников речного пароходства отправили на строительство оборонительных сооружений в нескольких десятках километров от Горького.

Немецкие войска рвались к Москве и находились уже на самых подступах к столице. Горький расположен в 400 километрах от неё, но там уже ощущалось приближение фронта.

Пронягин участвовал в копке противотанковых рвов. Ширина по верху семь метров, а по низу — три с половиной. Глубина — от двух до пяти метров.

Командировали на две-три недели, а вышло — аж на два месяца. Вскоре Петра выбрали бригадиром — немалая честь для семнадцатилетнего пацана. А ведь в бригаде — взрослые мужчины, в основном, пожилого возраста, и женщины, тоже совсем не юные.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«Наутро узнали, что заболел Юрий Николаевич, наш бригадир. Поскольку свою работу каждая бригада знала, а в бригаде люди уже сработались группами, звенями, мы пошли работать без бригадира. Дело было знакомое: копать землю, выбрасывать её из глубины трёх метров наверх, перекидывая с полки на полку. Копали мужчины, женщины стояли на перекидке или подчистке, выполняли другую вспомогательную работу.

Когда подошло время обеда, встал вопрос — кому идти вперёд, получать групповой обед-норму и его распределять. Стали уговаривать Сергея взять на себя обязанности бригадира — он согласился, но с условием, что назавтра от них откажется. Боялся, что

Копка рвов. Горький, 1941 г.

надо иметь дело с распределением бригадного пайка, которого всегда не хватало, чтобы удовлетворить досыта всех.

Обед проходил прямо на рабочем месте, на дне эскарпа. Устраивались кто как мог, орудуя из чашки и принесённой с собой ложкой, потом передавали посуду другому. Не хватало чашек, ложки носили в карманах, за голенищем и в сумках.

Анисимов не передавал своей посуды, он всегда тщательно оберегал свои пожитки. Уложенные в маленький мешочек, который держал вблизи себя.

К нам подошли Голодов и Сребный, поздоровались. Мы ответили недружно, не ожидая прихода начальства.

— Товарищи, — начал Голодов, — ваш бригадир заболел. Мы пришли посмотреть, как вы трудитесь без него.

— Норму свою сделаем, пятнадцатая бригада не подведёт, — ответил за всех Сергей, орудя разливайкой и поглядывая на дно ведра, оценивая, хватит ли для ожидающих в очереди, и как сделать, чтобы не промериться.

— Это хорошо. Но нам нужен бригадир. Нужен он и вам. Кого бы вы хотели иметь бригадиром?

— Своего, из бригады, — ответил за всех Горохов.

— Это даже лучше. Давайте называйте. Нужен человек грамотный, понимающий наше дело, — заметил комиссар.

— У нас Петро грамотный. Как никак десятилетку кончил, — показал на меня Сергей.

— Десятилетку? — удивлённо произнёс Голодов. — Это же здорово! А ну, подойди ко мне!

Я подошёл, смущённо оглядываясь и чувствуя, как краснеют щёки и уши, уже остывшие после работы на осеннем воздухе.

— Геометрию знаешь? — спросил Голодов.

Я кивнул.

— А ну-ка, реши задачку!

Он стал рисовать разрез нашего эскарпа прямо на откосе. Затем отошёл:

— Найди площадь сечения!

Для меня такая задача не была трудной. Требовалось определить площадь трапеции, формулу я знал хорошо. Народ сгрудился вокруг нас: «Не подведи, Петро, не осрами пятнадцатую», — взбадривал Горохов своим окающим басом.

На грунтовой школьной доске я написал формулу, подставил в неё знакомые мне размеры: семь метров по верху, три по низу, фактическую глубину, — и дал ответ.

— Вот здорово решает! — одобрительно выразился кто-то. — Что значит знать науку!

— А теперь определи объём. Скажем, на длину тридцати метров, — продолжил задачу Голодов.

Это было просто. Полученную площадь я умножил на 30, получил объём.

— Всё правильно! Вот этот объём вы, товарищи, во главе с новым бригадиром должны ежедневно делать, чтобы выполнить своё задание. Бригадиром я назначаю тебя.

Он ткнул пальцем в мою грудь, а потом, задрав высоко руку и расставив широко ладонь, подождал, когда я ему подставлю свою

ладошку, сильно ударил по ней и сжал, потряхивая с большой амплитудой.

Я внутренне сопротивлялся своей как мог.

— Ого, и рука у него сильная, — одобрил Голодов. — Ну как, комиссар, подойдёт?

— Подойдёт, пойдём приказ напишем. Как твоя фамилия?

— Пронягин.

— Протягин?

— Про-ня-гин, — протянул я свою, непонятную сразу для других фамилию.

— Хорошо, надо записать, чтобы не спутать. Будешь, товарищ Пронягин, бригадиром пятнадцатой бригады. Не подведи!

Вокруг нас собралась порядочная толпа. Завидя начальство и увлекаемые любопытством, к нам подошли люди из соседних бригад.

— Товарищи! — раздался звонкий голос Сребного. — Очень хорошо, что вы собрались! У нас получается митинг. Мы можем сказать друг другу, что нужно, — его фигура уже возвышалась над остальными. Он забрался на откос эскарпа. Его заляпанные грязью сапоги, брезентовый помятый плащ, давно уже не белая тряпка на шее вместо платка и шарфа, прикрывали его высокую, худощавую фигуру. Лицо было усталым. Фуражку он снял, обнажив седеющие волосы, и держал её, сжимая в кулаке правой руки.

— Суровые испытания мы проходим. Кто из нас мог подумать, что фашисты будут на подступах к Москве. Я не могу вас сегодня обрадовать успехами на фронте. Дела там идут неважно. Немцы заняли почти половину Украины, а вчера наши войска оставили Можайск. Немцы в ста километрах от Москвы. Никогда после Наполеона вражки войска не были так близко от столицы. Фашисты стремятся захватить Москву, сделать её своей зимней квартирой, чтобы двинуться дальше, сюда, к нам! Мы им устроим «зимние квартиры»! Наполеон тоже мечтал о тёплых московских квартирах, а получил жар от московского костра! Русский народ просто так не возьмёшь! Не возьмёшь! Тем более — нижегородских. Не видать немцам Москвы, а нашего города Горького — тем более. Мы немцам подготовим такие ловушки, что их танкам негде будет пройти, а пехоту русские люди легко перебьют. Никто не выдержит красноармейского штыка, стрелять метко наши бойцы умеют. Но нам надо торопиться, земля уже подмерзает по ночам. Надо успеть сделать наш участок, он большой. Через неделю-две мы должны закончить здесь и, возможно, поедем по домам. С часу на час я жду

радостных известий о победе наших войск. Товарищ Сталин в Москве, а с ним наша победа!

Комиссар всё время усиливал свою речь. Сейчас она достигла своего апогея, голос Сребного переходил на предельную высоту и, казалось, он вот-вот сорвётся. Но Сребный выдержал.

— Товарищи! Наши бойцы проливают кровь на фронте. Мы с вами здесь — тоже на фронте! Мы помогаем нашим красноармейцам уверенно чувствовать себя. Им не нужно будет тратить силы на строительство обороны, они их потратят на удар по врагу. Нам нужно успеть! Нам нужно делать две-три нормы, чтобы успеть! Это нужно, товарищи!

Мы затаённо слушали своего комиссара. Рядом стоял Голодов, он глядел по сторонам, словно оценивая силу речи Сребного. Сила была необыкновенной.

— Мы ведь не подведём, товарищи! — продолжал Сребный. — Нижегородцы никогда не подводили Россию, а тем более нашу, советскую!

— Не подведём!!! — закричали вдруг люди. — Сделаем, что нужно! Кончай митинг, за работу!

Работы по строительству оборонительных сооружений продолжались ещё долго, до декабря. Немцы начали бомбить Горький. А потом пришло известие о победе под Москвой, о наступлении Красной армии. И лишь в самом конце декабря строители оборонительных рвов получили разрешение вернуться домой...»

Точить стволы

1 ЯНВАРЯ 1942 года Пронягин отправился в диспетчерскую речного Агентства доложить о своём прибытии. Там ему сообщили, что диспетчерскую расформировали, и работать ему негде. Предложили идти в затон, но Пётр отказался. За ударный труд на строительстве оборонительных сооружений ему вручили Почётную грамоту, подписанную председателем Горьковского комитета обороны.

З января его рассчитали. Надо было решать, что делать дальше. Решил пойти в военкомат — прошёл слух, что можно было подпасть под призыв и раньше достижения 18-летнего возраста. Изложил военкому свою просьбу. Тот посмотрел на Пронягина и сказал: «Иди-ка домой и жди. А ещё лучше — устраивайся на работу. Мы семнадцатилетних в армию пока не берём. Тем более осеннего рождения. Придёт время — призовём».

Дома обсудили сложившуюся ситуацию. Пётр решил устраиваться на завод: нужны были деньги и продуктовые карточки.

Судьбу определил случайно встретившийся приятель Юрий Сундуков, работавший токарем на 92-м заводе. По его рекомендации Пронягин стал учеником токаря цеха №1 завода имени Сталина. На предприятии производили артиллерийские орудия — для танков Т-34, противотанковые пушки.

«Итак, я учился быть токарем. С этих дней для меня началась однобразная жизнь, протекающая по схеме: подъём в 5.30, полчаса на сборы, скучный завтрак, затем полубегом на остановку трамвая № 9. Коли повезёт, я буду в Канавино через полчаса, около Московского вокзала, пересаживаться на трамвай № 6 или № 7 до Бурна-

Пушка ЗИС-2

ковской проходной, и если здесь пересадка уличная, то успевал в 7.15-7.30 быть в цехе. Если удачи не было на одном из маршрутов, то еле-еле успевал проскочить через проходную, чтобы не застукали с опозданием. В таких случаях применялось всё: бегом до Окского моста, чтобы зацепиться за трамвай №1 или 10, причём садились на ходу, на повороте рельсового пути к мосту, где трамваи невольно сбрасывали ход и можно было вскочить на буфер, цепляясь за окна, висеть на подножках. Трамваи ходили переполненными. Помимо трамваев, прыгали на ходу в кузов грузовиков. Если не было того и другого транспорта, то почти бегом добирались до Канавино, где снова садились тем же способом на трамвай, на повороте у въезда на железнодорожный пересад.

Завод имени Сталина, главная проходная

Сборка орудия ЗИС-2 на заводе имени Сталина

Если трамваи от вокзала не ходили, что было часто, то был ещё один путь: до железнодорожной станции Стalinская — она была на Московском шоссе, оттуда отходил поезд до Балахны, на котором можно было добраться до центральной проходной.

Рабочий день длился 12 часов. Выходных и отпусков не было.

Постепенно осваивал свою специальность и 23 февраля мне присвоили третий разряд. Я стал работать самостоятельно.

Сначала шло, как у новичка: ломал резцы, действовал неуверенно, но упорство и труд победили. Не прошло месяца, как стал заправским токарем, выполнял свою норму на обдирке стволов танковых пушек под калибр в 76 мм серии Ф-54, а также и противотанковые ЗИС-2 калибром в 57 миллиметров и длиною три-пять метров. В обиходе мы называли их по-своему — «трубы». Противотанковые ЗИС-2 и ЗИС-5, за их большую длину звали «глистами». Точить их не любили, они часто вибрировали на станке, отчего ломались резцы. Стволы при проточке прогибались даже в лонетах.

Я освоил свои обязанности, знал главные условия работы, чтобы выполнять нормы и не пороть брак. Протачивал стволы под размеры внешних диаметров, по длинам отрезков конфигурации ствола подрезал торцы и, не дай Бог, чтобы не срезать цифровые клейма. Без клейма «труба» шла сразу в брак и нужно платить из зарплаты почти месячный заработок.

Норму в три «трубы» я выполнял. Зарабатывал по 620-700 рублей, что для меня было неплохо, ибо вдвое больше прежнего, плюс ко всему выдавалась «рабочая» карточка первой категории,

по которой получал по 600 граммов хлеба в сутки. Большая помощь семье!..

Осенью 1942 года нам установили более жёсткую норму. Надо было давать в смену уже семь стволов плюс ещё одну «за того парня-комсомольца», ушедшего на фронт. Комсомольских собраний не было, но мы трудились в комсомольско-молодёжной бригаде. Комсорг говорил нам: «Никаких собраний и призывов. Знайте, что на фронте ещё труднее. Там каждый миг можно расстаться с жизнью. Нам тяжело, знаю, но мы имеем право на жизнь, пусть трудную, голодную, но всё-таки жизнь, а поэтому наш долг делать норму плюс одну — за того парня, который воюет». И мы делали.

Немцы упёрлись в Кавказские горы, в Волгу у Сталинграда. В сводках сообщалось о тяжёлых боях. Отступать было некуда, это понимали на фронтах, понимали в тылу.

Мать пропадала в поездках до месяца, возвращаясь вшивая, усталая. Их поезд превратили в санитарный эшелон, возили раненых из-под Сталинграда.

Юрий твёрдо решил после 8 класса бросить школу и поступить в авиационный техникум. На карточку ему полагалось 400 грамм хлеба, и он голодал, ибо общей нормы продуктов не хватало, чтобы кушать раз в сутки. Приближалась зима, запасы топлива у нас были ограничены, довольствовались углём, принесённом в мешках со станции, где удавалось его добывать от местных паровозов.

В цеховой столовой стало голодно, хлеб выдавался суррогатным, с добавкой картошки. В обед в порциях супа крупинка бегала за крупинкой с дубинкой. Силы таяли. Организм слабел. Всё, что держалось в теле, уходило на труд, дорогу домой и на завод. Казалось, что никогда не будет желудок сытым, никогда не будет возможности поесть досыта.

В конце ноября стало известно о контрнаступлении под Сталинградом. Заговорили наши пушки! Снова, как и год назад, стало веселее работать. На чистовом участке токари стали точить по десять штук. В соревновании с ними Мишка Супряткин ободрал 9, Цыган не отставал от него. Веселее завертелись станки. Как и другие, я старался не отставать, но дотянуться до передовых не мог, не хватало опыта...

Тяжёлая жизнь делала своё дело. Сначала у меня стали распускать ноги и болеть суставы. Я решил, что простудился, когда спал в цехе, но врач в медпункте определил нехватку витаминов. А где их взять? Мне выдали талон на дополнительное питание, и я ходил к медсестре пить какую-то микстуру...

В заводском цехе

1943 год начался той же жизнью. Я продолжал работать, как все, напряжённо, по 12-18 часов, что стало нормой. Умер от язвы желудка токарь Александр Новиков. Всё чаще не выходил на работу Виталька Грошев, он болел отёками. Отекали мы, пожалуй, все: я и сменщик Вася Царапкин, Юрий Сундуков, Цыган. Особенно работая в ночную смену. Под утро мы с трудом узнавали себя. Лицо было отёкшим, глаза глядели сквозь щели. Ноги становились брёвнами, руки пухлыми. Давал знать о себе голод. Всё жиже становилась похлёбка, и всё меньше клали овсянки на второе...

В эти дни меня навестил Юра Курлыков. Он всё ещё учился в институте.

— Петя, я больше не могу. Погибли Яшка Карлик, Женя Герасимов. Ты хоть работаешь, а я всё ещё студент. Кому нужно! Проклятая нога! — он ударил кулаком по больному колену и продолжил: «Я твёрдо решил уговорить врачей и получить возможность уйти в армию».

Отговаривать его не стал, сам готов был уйти, хоть к чёрту, только не оставаться на заводе. На фронте хотя бы кормят лучше.

Сказал об этом Юре Сундукову и Борису Яковлеву. Юрий сказал, что на нём висит семья: «Толька пропал, а если меня убьют — на кого она останется?»

Директор завода №92 Амо Елян

Пётр Пронягин (сидит в центре) с друзьями. Второй слева стоит младший брат Юрий. 1944 г.

А Борис сходу согласился и предложил свой план: попасть в облаву без документов. Пока разберутся, что к чему, будем уже на фронте. В облаву лучше всего попадать на базаре или в кино. Там патрули живо заметут.

После ночной смены мы поехали на Мытный базар, но без успеха. Нас никто не хватал, только время потеряли.

Потом повторили на Канавинском рынке. С тем же результатом.

События развернулись неожиданно в феврале 1943 года. Мне в цехе вручили повестку — явиться на пересыльный пункт в Калининском посёлке к вечеру. На этот раз я решил, что буду призван и передал Борису Яковлеву, чтобы он сказал нашим дома, и отправился на пересылку. Там встретил некоторых ребят из цеха. «Забирают всех, у кого ниже четвёртого разряда», — узнал я, когда явился с повесткой. Завтра, наверное, будут отправлять на обмундирование.

— Что же, давно пора, — сказал я. Жалел лишь, что не придётся проститься с матерью, она была в поездке...

Около девяти часов вечера произошло какое-то непонятное движение людей. Началась перекличка пофамильно. Вызвали и меня. Когда вошёл в комнату, мне вручили мою повестку и сказали: «Дуй на завод, приказали вас отправить обратно!»

...В цехе меня встретил мастер Касаткин.

— Прилетел, голубь? Вот и хорошо. Иди к станку, сменщика нет, тоже где-то призывается. Из-за вас почти полцехаостояло. Елян когда узнал, грозу метал, говорят, самому Сталину звонил, и тот приказал вернуть всех.

Действительно, неожиданные действия военкоматов привели к тому, что многие на работу не пришли. Значительная часть, как и я, имели третий разряд, поскольку работали сдельно, на операциях, никто не добивался более высокого разряда. Платили за сделанные «трубы». Такое обстоятельство привело к тому, что многие оказались в числе низкоквалифицированных рабочих, которые попадали под мобилизацию. С них сняли «брони» и вручили повестки, что стоило заводу потерей не одной сотни рабочих кадров.

Технологический поток нарушился, смены стали ломаться. Вот тогда начальник цеха Гордеев забил тревогу, бросился к директору, тот возмутился и, якобы, позвонил Сталину. Поэтому и последовал потом приказ — всех вернуть. А чтобы больше не тревожили, в тот же день мне и другим присвоили четвёртый разряд и вернули «бронь».

Так я остался на заводе, мой призыв в армию не состоялся...

Туберкулёнзник

ЛЕТОМ 1943 ГОДА начались налёты немецкой авиации на Горький. Бомбёжки совершались часто, каждый раз в одно и то же время, как по графику. Пронягин работал в ночную смену и во время всех налётов находился в цехе. Воздушная тревога не прерывала работы — такова была установка.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«В начале июля, когда я двигался с работы, еле переставляя ноги, на Малой Ямской мне встретился Сергей Подлипалин из параллельного класса. Он удивлённо посмотрел на меня и спросил:

— Петька, ты ли это?

— Я, а что?

— Больно худой, тебя еле узнаешь. Где работаешь? Болеешь, что ли?

— На 92-м. Что-то ослаб, чувствую, что болею, но температура маленькая, больничный не дают.

— Давай я тебя матери покажу. Она врач. Я ей расскажу про тебя, она больничный оформит, в крайнем случае. Приходи завтра к 10 утра.

На другой день я рискнул и на работу не пошёл, а направился, как договорились вчера, прямо к Подлипалину. Он проводил меня в поликлинику, что на Краснофлотской улице и «сдал» меня своей матери. Подлипалина участливо ко мне отнеслась и пригласила в рентгенкабинет, попросила раздеться до пояса, стала расспрашивать, давно ли я болен, осмотрела, затем поставила в щель рентгенаппарата. Погас свет, что-то зашумело, врач стала меня поворачивать, то и дело командуя: руки на бёдра, руки на голову, вздохнуть, выдохнуть. Я исправно выполнил все команды.

— У вас в семье нет туберкулёзных больных? — неожиданно спросила мать Сергея.

— Нет, — ответил я.

— А среди родных были?

— По-моему, нет, хотя не знаю. Кажется, нет.

— Хорошо. На этом закончим. Выходите и одевайтесь. Подождите меня в коридоре, я позову.

Я вышел в коридор, остановился около двери, на которой было написано «Без разрешения не входить» и осмотрел большую очередь. «Надо ей напомнить насчёт больничного, — подумал я, всё ещё думая, как мне аукнется на заводе этот врачебный сеанс.

Вскоре меня пригласили в тот же кабинет.

— Сколько тебе лет, Петя? — спросила врач.

— В октябре будет девятнадцать, — ответил я.

— Девятнадцать? — переспросила врач. — Да-да, Серёжке моему уже двадцать, а вы с ним, кажется, вместе учились. Так вот, Петя, ты очень болен. У тебя туберкулёт. Туберкулёт легких. Тебе надо было раньше обратиться к врачу, тогда легче было бы лечить его, а сейчас у тебя уже каверна. Это опасно! Надо срочно лечиться. В девятнадцать лет лечиться проще, организм молодой, более сильный, ему легче бороться с недугом. Ах, если бы не война! Как сейчас тебе нужно хорошее питание, свежий воздух, крымский берег. Но ничего этого нет. В Крыму немцы, питание по карточкам. А вот свежий воздух найти легче.

Я почти не слушал её. Название болезни ошеломило меня. Туберкулёт! Чахотка! Для меня это прозвучало, как приговор. Постепенная, но верная смерть. Я помнил, как умирала от туберкулёза соседка Анюта Фёдорова, а затем её мать и отец. Я знал, что болезнь неизлечимая. Я вспотел холодным потом. Выходит, мне каюк? Я должен умереть?

А Серёжкина мать продолжала: «Я тебе сейчас дам направление в туберкулёзный диспансер. Иди туда и проси, чтобы тебя немедленно положили в больницу. Тебе надо лечиться. Господи, одни гибнут на фронте, другие в тылу. И все такие молодые!»

Врач написала записку и протянула мне. Видя моё состояние, она решила меня подбодрить:

— Ты не отчаивайся, ещё можно поправиться. Всё будет зависеть от тебя, но надо обязательно лечиться!»

В тубдиспансере диагноз подтвердили и отправили в стационар. Впервые в жизни Пётр Пронягин оказался в больнице.

Противотуберкулёзный диспансер в г. Горьком, современное фото

Ему определили полосатый больничный костюм и койку, на которую он упал и проспал беспросудно целые сутки — его не будили.

Началось лечение, бесконечные процедуры. Но зато и относительно хорошее питание.

После трёх недель в больнице Пронягина направили в санаторий «Старая Пустынь» в двадцати километрах от станции «Серёжа» на ветке Горький — Арзамас.

Домой вернулся в конце августа. Снова пошёл на завод, вызвав там переполох, поскольку на прежнем месте он работать со своей инвалидностью не мог. Пришлось трудиться на разных вспомогательных работах. Подметать цех, точить резцы токарям, заниматься другим нетяжёлым трудом.

Было ему неудобно и неловко перед другими рабочими — они продолжали впахивать по двенадцать часов, а ему полагался укороченный рабочий день — до пяти часов...

Институт или трибунал?

В НАЧАЛЕ 1944 года в жизни Петра Пронягина наступили значительные перемены, предопределившие его дальнейшую судьбу.

В середине января он прочитал в местной газете объявление о том, что Горьковский инженерно-строительный институт имени Чкалова осуществляет дополнительный набор студентов. Приглашались лица, имеющие среднее образование, находящиеся на излечении в госпиталях или работающие на предприятиях.

«А не пойти ли мне в институт?» — подумал Пронягин. Всё равно на заводе ему места с подходящими для его инвалидности условиями найти не могут. Не лучше ли стать студентом и получить высшее образование, о чём он мечтал, ещё учась в десятом классе школы?

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«Правда, профессия строителя меня не привлекала. Скажу больше, я её не любил. Отец в своё время не привил любви к ней, может, потому, что сам не стал строителем. Но — учиться лучше, чем торчать в цеху без пользы. Строительный институт был недалеко от дома, рядом с ним находился туберкулёзный диспансер, куда я продолжал являться каждую неделю. Что ещё надо?

Я сказал матери, что хочу идти в ГИСИ, и она сходу сказала твёрдо: «Иди, Петя, учись! Всё равно с твоим здоровьем ты на заводе мало пригоден. Может, хотя бы один получишь высшее образование и станешь инженером, о чём мы с отцом всегда мечтали».

— Но ведь не будет моих карточек и заработка. Как же мы будем жить? — спросил я.

— Проживём как-нибудь. Должно же быть легче. Немцев уже далеко прогнали! — сказала мать.

К моему плану друзья отнеслись с завистью, но у них не было десятилетки.

— Не отпустят тебя с завода, — сказали мне. — Уже пробовали некоторые. Говорят, на вас эти объявления не распространяются.

— Попробую, — сказал я и начал действовать».

Пётр собрал все необходимые документы. Ему сказали, что если в аттестате будут только хорошие и отличные оценки, то примут без экзаменов.

В аттестате у Пронягина было двенадцать отличных и пять хороших оценок. В тубдиспансере ему дали справку, что для учёбы он годен.

О своём решении он сообщил мастеру цеха. Тот не возражал. Пётр направился в отдел кадров с просьбой уволить для поступления в институт. Но там его ждал категоричный отказ!

«Нет!», — сказали ему в отделе кадров. — Наш завод специальный, важный, и все рабочие равно как солдаты на фронте. Учиться будешь после того, как закончится война!».

Пронягин расстроился. Отправился обратно в цех и продолжил работать «на подхвате».

В начале февраля он получил вызов в институт и приглашение явиться на занятия 7 февраля 1944 года.

«Взвесив все «за» и «против» я в означененный день не поехал на завод, а пришёл в институт. Разыскал свою группу №101, нашёл учебную аудиторию и очутился среди незнакомых ребят и девчат. Многие парни ходили в гимнастёрках, украшенных орденами и медалями, с нашивками о ранениях. Часть, как и я, были с заводов. Треть группы, совсем молодые ребята, недавно окончившие школу или ускоренные курсы подготовки по программе девятого и десятого классов. Было им по 16-17 лет и выглядели они, как старшие школьники...

В те годы я глубоко не вникал в политику партии и правительства. Только позднее понял, что настало время, когда государство взяло курс на мирную жизнь, на восстановление разрушенного воинской хозяйства. Профессия строителя приравнивалась к воинскому долгу, и специалистов нужно было иметь много...

Я выбрал факультет ПГС — промышленного и гражданского строительства, не имея никакого представления, что и к чему. Вместо работы на заводе начал ходить на занятия. Тревога не покида-

Пётр Пронягин,
студент Горьковского
инженерно-
строительного
института, 1946 г.

ла, ведь официально я не был зачислен в число студентов, не имея документов об увольнении с предприятия.

Вскоре ко мне пришла наша табельщица Дуся и вручила мне под роспись вызов на работу со строгим предупреждением: в случае неисполнения — под суд!

Я сказал: буду учиться, я не прогульщик и не дезертир, вины своей не чувствую. Надоело быть подметателем в цехе, неполноченным работником. И так далее, и тому подобное.

Нужда всё же заставила вскоре идти на завод самому. Февраль короче других месяцев и быстрее кончились продовольственные карточки. Новых я получить не мог, не имея корешка в обмен на справку №7. Без справки не давали карточек. А без карточек жить было невозможно. Лишался хлеба и прочих продуктов, на базаре продуктов нельзя купить — нет денег! Мать не могла меня прокормить, у неё свои 600 грамм хлеба в сутки да 800 рублей заработка в месяц. Юрий получал 400 грамм.

Пришлось смириться с судьбой и идти на завод. Неужели для меня всё кончилось: и учёба, и работа? Неужели впереди суд и тюрьма, по законам того времени. Нет, тюрьмы быть не должно, я инвалид, нигде не скрывался, на заводе потерял здоровье, про-

Студенты ГИСИ. Пётр Пронягин сидит в центре, 1947 г.

должаю лечиться и учиться одновременно. Какой же я преступник? — рассуждал про себя.

Меня принял начальник отдела кадров. Со всей строгостью.

— Явился, дезертир?

— Я не дезертир.

— А кто же ты?

— Я студент!

— Студент? А кто тебе разрешил быть студентом? Бросить самовольно оборонный завод!

— Я поступил на законном основании и учусь.

— Но ты не уволился на законном основании! Пойдёшь теперь под трибунал как дезертир.

— Нет, вот справка, в ней сказано, что принят на первый курс и посещаю занятия без пропусков. Вы забыли, что я просил добром меня отпустить? Но вы мне отказали, хотя знали, что для завода такой работник, туберкулёзник и инвалид, не нужен!

В перепалке с кадровиком я обрёл какую-то внутреннюю силу. Чувствовал свою правоту.

— Будешь сидеть здесь до тех пор, пока не отправят в трибунал. Отпустить тебя не могу, — сказал начальник отдела кадров. Он вызвал инспектора и сказал ему: «Отведите его в комнату. Я его задерживаю как дезертира».

Меня проводили в отдельную комнату, где стояли стол, несколько стульев и длинная скамья. Велели ждать здесь.

Всю ночь я просидел с тяжёлыми мыслями. Хотелось есть. Со мною были ещё двое — то ли дезертиры, то ли проштрафившиеся по другим причинам.

Поспал на скамейке. Было тепло, я укрылся пальто и поджимал ноги, то и дело переворачиваясь.

Утром пришёл тот же инспектор. Я снова оказался у начальника отдела кадров.

— Ну как, одумался? — спросил он.

— Подумал. Пойду учиться, — твёрдо ответил я.

— Хорошо. Продолжаешь упрямиться. Пойду доложу о тебе начальнику, он рассудит, что с тобой делать.

Меня снова отвели в комнату, где я ночевал. Через час за мной пришли и сопроводили в другое помещение, где за столом сидел мужчина в военной форме с погонами подполковника. Как выяснилось, — заместитель директора завода по кадрам.

Начальник отдела кадров доложил ему суть дела. Заместитель директора спросил меня: «Всё ли правильно?». Я снова рассказал о себе: как работал, заболел, поступил в институт... Просил уволить.

Меня слушали, не перебивая. Когда я умолк, офицер помолчал и спросил:

— Ты действительно хочешь учиться?

— Да, хочу!

— Тогда иди и учись! — сказал он. — Молодец, что настоял на своём и убедил в твёрдости своего решения. Мы думали, что водишь за нос. К сожалению, есть такие, которые хотят сбежать с за-

вода, придумывая разные причины. Сейчас надо работать и воевать. Учиться тоже надо. Ты ведь в строительном институте?

Он поднял глаза на меня, я кивнул в ответ.

— Тем более. Отстраиваться придётся. Война многое разрушила. Давайте увольнять, пусть учится, — последние слова он сказал уже начальнику отдела кадров.

— Что написать в приказе и в трудовую книжку?

— Так и напишите: уволить в связи с уходом на учёбу. Такая формулировка ему потом пригодится.

— Хорошо, будет сделано, — ответил кадровик.

— Давай, Пронягин, учись! — Заместитель директора встал с места, протянул мне руку и крепко пожал мою ладонь. Улыбаясь, то же сделал и начальник отдела кадров.

Через полчаса я получил трудовую книжку, документы для получения карточек и даже зарплату за половину января.

Так я выдержал испытание на своё право учиться. Закончилась моя трудовая жизнь на заводе имени Сталина. С профессией токаря я тоже окончательно расстался. Я стал полноценным студентом Горьковского инженерно-строительного института.

Впоследствии я ещё не раз вспоминал добрым словом подполковника-кадровика. На самом деле со мной поступили порядочно, по-отечески. Почему? Не знаю. Возможно, увидели во мне устремлённого в будущее человека».

Письма с фронта

В ЭТОЙ ГЛАВЕ дадим слово старшему брату Петра Георгиевича — Александру. И вот почему.

Однажды Александр Георгиевич в полуразвалившемся сарае рядом с деревянным двухэтажным домом, в котором жила семья Пронягиных в годы войны, среди разной рухляди обнаружил небольшой жёлтый сундучок. В нём оказались старые тетради, какие-то бумаги, а между ними — пожелтевшие от времени треугольнички — фронтовые письма.

«По спине моей забегали мураски, — вспоминал Александр Георгиевич. — Осторожно, чтобы не нарушить целостность уже тронутых в некоторых местах плесенью и тленом треугольников, выбирал руками, словно эфирные предметы, и откладывал в сторонку почтовые конверты, на которых обязательно стоял штамп: «Проверено военной цензурой».

От волнения становилось зябко, в руках появилась дрожь. Я нашёл кучу писем с фронтов Великой Отечественной войны. Скрупульёзно перебрав всё содержимое сундучка и убедившись, что там больше писем нет, уже дома стал их просматривать. Насчитал 26 авторов более чем полугораста писем. Полустёртые карандашные строчки, чёрные, синие и фиолетовые чернила зафиксировали и размашистый, и зубчатый полулежащий, и мелким бисером почерки. До предела короткие из нескольких фраз и сравнительно пространные повествования. Никаких сомнений. Все авторы знакомы. Но многих не могу представить, какими они теперь стали. Память опрокидывает десятилетия назад. Перед глазами парни, мальчишки, ребята. Да это ребята с нашей улицы!»

С мамой и братом
Александром, 1946 г.

Большинство фронтовых писем было адресовано Петру Пронягину.

Во время работы на оборонном заводе и учёбы в институте он оказался связующим звеном между друзьями, одноклассниками, родственниками, ушедшими на фронт. Их письма, отправленные в Горький полевой почтой на домашний адрес Петра Пронягина, стали своеобразным документом эпохи.

Приведём здесь выдержки из некоторых из них с пояснениями от Александра Пронягина.

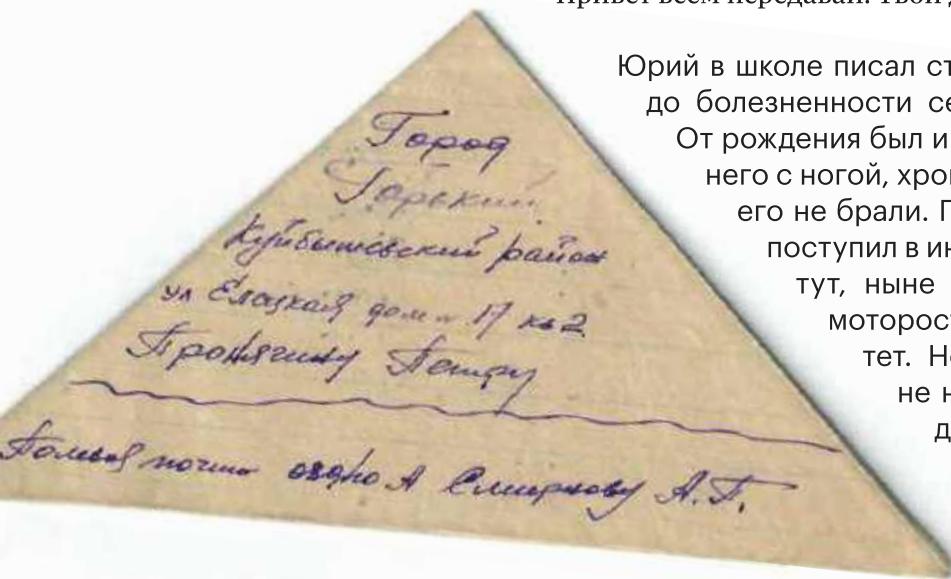
«Получил от тебя письмо, спасибо, Петя... О моём звании и должности можешь спросить у Генки, он всё отлично знает. Ты, Петя, прав, что мы ещё встретимся, но сначала надо рассчитаться с врагом за наши мучения и его злодействия, которые он принёс. Связался с Юрий Курлыковым, он от меня воюет километрах в 30-ти. ... Да, Петя,

жаль, что ты не сумел сберечь своё здоровье. Напиши, поправляешь ли его и чем? Передавай привет Ивану Михайловичу Кириллову ... твой друг А. Смирнов».

По соображениям военной цензуры, опасаясь, что письмо может не дойти, писали кратко и лаконично. Ни о своих должностях, званиях, не говоря уже о наименовании частей, рода войск, месте нахождения указывать было нельзя. Были случаи, когда случайно проскакивали мимо цензуры неосторожно вписанные слова. Но это было исключением, когда письмо с таким содержанием доходило до адресата. Поэтому ссылка на Генку, — Геннадия Фомичёва, с которым были вместе, который, будучи тяжело раненным, после госпиталя стал инвалидом, вернулся домой и мог всё подробно рассказать. Случилось так, что Геннадий Фомичёв и Пётр оказались затем вместе в строительном институте студентами, оба инвалиды — один с боевого фронта, другой с трудового, один делал пушки, другой, будучи артиллеристом, разил из них врага.

«...В Киеве, Петро, Крещатик весь разрушен... Фриц всё здесь, видно, не успел подорвать, как он проделал это на Орловщине. Кое-что тут осталось. Где-то здесь, наверное, воевал наш друг Ваня Гришанин, я ему написал, как только ты его адрес прислал. Ты, Петя, как живёшь? Готовиться в институт не думаешь? Если надо, то зайди к нам, возьми у матери мои книжки и тетради, какие тебе понадобятся, а у меня их много, я-то знаю. Ты приходи и бери. Привет всем передавай. Твой друг Юрий Курлыков».

Юрий в школе писал стихи. Компанейский и до болезненности сердобольный парень. От рождения был инвалид. Что-то было у него с ногой, хромал, поэтому в армию его не брали. После средней школы поступил в индустриальный институт, ныне политехнический, на моторостроительный факультет. Но переживал, что он не на войне. Как это, его друзей там убивают, а он... В нелёгких условиях военного

времени добился, чтобы ему сделали сложную хирургическую операцию по восстановлению функции ноги. Результатом было то, что встал в строй, был направлен на фронт.

Но попробуем ответить на вопрос Юрия: «Как живёшь, Петя?», выдержками из писем самого Петра, которые он писал матери из туберкулёзного санатория:

«...Всё, что я взял с собой, кончилось, и сейчас перешёл на норму санатория. Конечно, кормят неплохо, но аппетит волчий, особенно утром... Мама, напиши записочку, как у тебя дела... На деньги здесь ничего не купишь, цены бешеные».

На другой день он пишет опять письмо:

«...Здравствуй, дорогая мама... Я чувствую себя хорошо, поэтому прошу не беспокоиться. Мама, ты, наверное, удивишься, почему я так часто пишу письма. Скажу откровенно, потому что тяжело ждать ужина, хочется есть. Мама, это письмо будет откровенным. Я всё ждал, но увидев, что изменений в лучшую сторону не ожидается, решил тебе сказать, что при таких условиях здесь я могу дойти до плохого. Дело в том, что в больнице я был больным, а здесь считаюсь нормальным. Мне сейчас надо жрать и жрать, хотя бы столько, сколько я получал дома, а здесь я не получаю этого...»

И ещё одно:

«...Ну, жизнь здесь идёт по-старому, по режиму... Особенno плохо стало с питанием, ибо добавлять стало нечего, так как грибов больше в лесу нет, рыба не клюёт, а в столовой до того маленькие порции, что даже меньше, чем на работе... Поэтому долго здесь я решил не оставаться, ибо оставшаяся неделя ничего не даст в санатории... Сейчас я никуда не буду ходить, чтобы подкопить свои силы. Ну, вот пока и всё. Ваш Пётр».

Но продолжим разговор Юрия Курлыкова с фронта Петру:

«Во-первых, скажу, что мы по-прежнему на первом, т.е. Украинском фронте и в боях. (Цензор пропустил.) Как твои дела? Как учишься, Петя? Жми на науку, давай ей жару. Напиши про институт поподробнее. Петя, передавай мой большой привет Ивану Ми-

Юрий Курлыков

L 2 dñs.
Dabbu gach, gafcau' hñan.
Tawu ñeet, mchito, ege ka poyppate. Siu oblongue spicula
cane to. Hñab yanau & ñampi. Hñab, Tawu, wemn kct gac
ñeobue. Tawgaua, poyppate. & woge. Spiculae
u. Olumpuhu ñeacba padeñacion, accretio nemo
Dabbu bonya ñope. Hñab, Tawu, poyppate u. gacca
spicula poyppate, nacca en poyppate. ñato poyppate.
Tawu ñeit, wacca y nacca na poyppate to. Tawu,
poyppate, & canca woyc spicula, cuen nacca hñ
conca u. poyppate. Yone ñegkhan, cuen otias gac
spicula. He woyppate, nacca nacca poyppate.
Tawu - mo spicula, kachhuc, bikkhu kacca poy
Bikup Tonuakut, & cuen cuenca, cuen cuen
int mo spicula, no cuenca, nacca age cuen.
Intu, Tawu, nacca yankhut, Tawgaua &
wecuñayungu u. y wacca? Cuu wacca & ganjue
& kail, Tawgaua y wacca & wacca.
Tawgaua cuen, cuen cuenca, nacca
wecuñayungu u. nacca, & nacca. Tawgaua
wacca, nacca, & nacca. Tawgaua
Tawgaua, nacca, nacca.
Tawgaua, nacca, nacca.

хайловичу Кириллову... Ещё раз желаю быть отличником и вообще всего хорошего... Твой Юрий».

И он передаёт привет своему учителю, как и Саша Смирнов, который в очередном письме пишет:

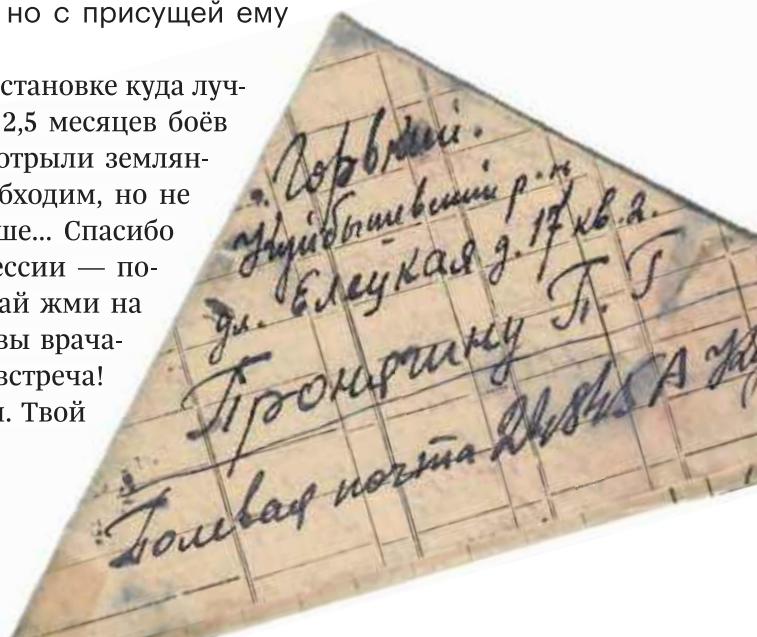
«...Привет с фронта!.. Получил твоё письмо, за которое благодарю. Ты уже, вероятно, знаешь, что мы на своём участке перешли в решающее наступление, и уже Москва от имени Родины не раз салютовала нам. Сейчас идут бои, и бои жестокие. Поганый фриц старается какой угодно ценой удержать свои рубежи. Но есть пословица: «Русские прусских всегда бивали». И на этот раз ему крепко досталось... Ты вспомни, как зовут нашего Баумана, сразу узнаешь, где я».

Вот так сказал, что он находится подо Львовом, ибо их одноклассника Баумана звали Лёvkой — Львом. (Цензор пропустил.) И ещё замечание: сколько в письме оптимизма, уверенности, силы духа. Но дальше другое письмо от него же:

«...У нас идут тяжёлые бои. Вот уже месяц, как нахожусь всё время в жарких боях... Но живу сравнительно ничего, настроение бодрое... Уже перешли госграницу и воюем сейчас на территории Польши. Таким образом, ты видишь, что уже до самой Германии осталось недалеко, но проклятый фашист держится буквально за каждый рубеж. Но всё-таки его гоним и гоним. И уже близок тот час, когда мы победоносно закончим войну...».

О том же пишет и Юра Курлыков, но с присущей ему сдержанностью:

«...Вообще-то, всё-таки, в боевой обстановке куда лучше, чем в спокойной. Сейчас, после 2,5 месяцев боёв нас вывели на отдых. Стоим в лесу, отрыли землянки... Конечно, небольшой отдых необходим, но не длинный, а так, полмесяца, не больше... Спасибо за адрес Вали Мясникова... Насчёт сессии — желаю тебе сдать её на отлично. Давай жми на науки. Вот мы с фронта вернёмся, а вы врачами да инженерами будете. Вот будет встреча! Ну, привет передавай всем знакомым. Твой Юрий Курлыков».

Но вот очередное письмо от Саши Смирнова:

«Здравствуй, Петя! Сегодня получил от тебя письмо, за что большое спасибо, и тут же пишу тебе ответ... Получил прискорбное извещение о гибели Юрки. Жаль парня. Но заверяю тебя, Петя, я ещё отомщу вдвойне проклятому врагу за кровь своих друзей. Ведь эту нечисть мы скоро раздавим навсегда и бесповоротно... Кровавый зверь будет уничтожен в своей собственной берлоге... Свободного времени совершенно не имею. Всё время в боях. Сейчас командую батареей. Сам нахожусь всё время на переднем крае. Воюем уже в Чехословакии. Погода такая промозглая, как и у вас, но нам во сто крат хуже, и обсушиться негде. Но ничего, терпение и труд всё перетрут. Привет всем. Твой А. Смирнов».

Выше уже упоминалось в письме Юры Курлыкова имя Вани Гришанина.

Есть и от него письма. Вот некоторые из них:

«...Петя, получил назначение в часть, завтра нам вручат грозное оружие, которым будем громить немецких захватчиков. Ребята побрались хорошие. Женька Завьялов вместе со мной, также ребята из Москвы, Ростова, Горького, с Урала, из Сибири и других мест... Скоро увижу западные города. С приветом, Ваня».

Следующее:

«...Нахожусь всё на старом месте, живу замечательно, но вот не приходится бить немцев, говорят, что подождать нужно немного, ну вот я и жду, а уж дам я им! За три года у меня много зла на них накопилось...»

Двенадцать писем сохранилось от этого парня. Вот через два месяца после предыдущего:

«...Живу хорошо, но немного ранен в бороду и плечо, но в госпиталь не пошёл. В бою, Петя, говорю не приукрашивая, чувствуя себя как дома... Если в прошлом году я подбил восемь танков противника, то в этом только три, но это потому, что их меньше встречалось. Но зато в этом году я раздавил гусеницами пять ДЗОТов со всей прислугой, и теперь верю, что фрицев не только можно уничтожать огнём, но и гусеницами... Мне кажется, что немцы уже не те стали, что в 1941 году... Привет всем — Ваня».

«...Петя, письма получаю от тебя часто, за что благодарю... Награждён орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени и орденом Красной звезды. Но о последнем приказа

Борис Яковлев

Александр Пронягин, 1943 г.

пока нет, но должен скоро прийти. В этих боях я поработал вроде неплохо. Петя, ты только один настоящий друг мой, и жже тебя в воображении держу как брата... Скорее бы закончить войну и вернуться к себе на родину. Быть в тесной связи с родиной, с Горьким. Целую — Ваня».

А вот письмо от другого парня:

«...Привет с фронта! Здравствуй, мой дорогой друг Петя... Служу я в артразведке разведчиком. Недавно получил правительенную награду... 8 августа я был ранен, по 15 сентября лежал в госпитале в Литве... Петя, как ты живёшь и где сейчас находится твой брат Александр? Я получил из дома нехорошую весть, и я в это никак не могу поверить, что убили моего старшего брата. Но я это не забуду, и я мстить буду и мщу немцам за брата и за весь советский народ... Петя, пока писать я много не буду, потому что нет времени,

я ухожу в бой. Твой друг Борис Яковлев»,

Борис Яковлев не случайно спрашивал у Петра о его брате. Он знал, что и у Петра старший брат на фронте. Вот несколько выдержек из писем Александра Пронягина:

«...Письмо гвардейца с фронта... Первым долгом сообщаю, что я остаюсь пока живым и здоровым (этого желаю и вам). Первое мая мы справили по-фронтовому: немцам дали жару. Теперь я к немцам живу ближе всех из наших. Так, что слышны их разговоры, кашель по ночам. Однажды они вздумали нас агитировать, но мы ответили им крепким русским словом, а затем свинцом, так что им крыть стало нечем. Вдобавок вчера из миномёта у них ДЗОТ разрушили. Сегодня уже не топят они печки и ночь не спали, то и дело ракеты в небо пускали. Боятся. Как тёмная ночь, то и делается светло от их ракет и, таким образом, и нам помогают смотреть. Плохо вот, воды много — чуть копнёшь, — и всё заполняется водой. Ну, ничего, вы приказ Сталина читали и делайте выводы сами, где я нахожусь».

И следующее:

«...Продолжаем стукать немцев. Счёт я им открыл давно, а недавно подбил две здоровые автомашины, одна из которых сгорела. Приятно, когда видишь, что и от тебя толк есть, что враг издается, горит от твоей руки... Крепко целую всех. До свидания. Ваш Александр».

«...По-прежнему не курю, бреюсь один раз в месяц, а то и реже, вот только беда — очки в бою раскололись...».

А это письмо-ответ на сообщение, что Пётр серьёзно заболел туберкулёзом лёгких:

«...Чтобы он как можно берёг себя, потому что чуть только простудится, так уж считай, что готово. Здесь хоть всё зависит не от тебя. Да на пули и внимания не обращаешь».

А через некоторое время:

«Сообщаю, что я жив и здоров. Правда, письмо пишу с нового места, а именно — из госпиталя, потому что первого февраля был ранен. Ранение пустяшное: пуля задела левую ногу, кость не задела, так что, можно сказать, и не болею. Но зато немцам досталось. В первый день отбили семнадцать атак, и до того они доконтратаковались, что и воевать некому стало. Убегает немец. Бросает всё на дороге. Но вот беда, я попал сюда... Пишите по старому адресу, потому что я всё равно отсюда убегу догонять и бить немцев».

Алексей Кузенков (справа)

Иван Усилов, Герой Советского Союза

И в следующих письмах:

«По-прежнему нахожусь ещё в госпитале. Вот уже целый месяц... Но не думайте, что я сильно ранен, а то, может быть, я из-за скромности, чтобы вы не беспокоились написал, что легко ранен. Даже вроде и не болит нога...».

И вправду, не хотел беспокоить родных, принижал серьёзность ранения.

В самом деле, чего бы это с пустяшным ранением находиться в госпитале более двух месяцев? Значит, болело, и надо было залечить, чтобы снова встать в строй. Но что это? Ответ на настойчивые просьбы заехать хоть на часок домой, как это удавалось сделать другим. Письмо из Москвы, а это совсем недалеко от дома, от Горького:

«...Я нужен там, где это нужно Родине. Недалёк час, когда разгромим окончательно врага, честь этой задачи падает и на меня. Здесь пробуду несколько дней, а дальше неизвестно в какое место, во всяком случае желаю быть на фронте. Ведь сколько прошло, как я отправился оттуда в училище и, признаться, очень соскучился о

товарищах на переднем крае. Что касается меня, то стал офицером. Каким? Возможно встретите Ивана Гришанина, его спросите, мы с ним виделись, он расскажет...»

Не хвастовство, не бравада, а простые, искренние письма, раскрывающие истинное содержание и настроение писавших тогда, сорок лет назад, юнцов, с пунцовыми губами и пушком на щеках, которые ещё не ощутили не только бритвы, но и не ведали прикосновения девичьих губ. А сколько их погибло неподалёку!

И в то же время какая ощущается боль за гибель своих товарищей!

«Здравствуй, Петр!.. Сообщаю, что Гешка Харитонов нашёл своё пристанище под Варшавой в трёхметровом клочке земли вдали от родных мест... Да, Петя, вот ещё одного нашего друга не стало в нашей среде. Если бы ты знал, какое сильное впечатление это произвело на меня... А теперь давай почтим память своего бывшего и самого любимого друга Гешки вставанием. Я встаю. А ты встанешь, когда будешь читать эти строки».

Не только сплошные и непрерывные бои, гибель боевых товарищей... Помните, как в песне: «Кто сказал, что надо бросить песню на войне?...».

В том же письме:

«...Недавно я выступал на вечере фронтовой самодеятельности с песенкой собственного сочинения «Гопе-драпе». Между прочим, успехи оказались колоссальные. После того, как я ушёл со сцены, а был, между прочим, во фрицевском одеянии, морду я, конечно, изобразить умею, ты знаешь, то меня ещё долго вызывали бойцы. Но что плохо — то, что я после этого получил кличку «фрица», и с нею мне не дают прохода. Вот, Петя, какова моя жизнь в настоящий момент. Крепко тебя целую, твой друг Лёшка Кузенков».

Разлука с домом, тоска по родным — частые нотки в письмах. Но это не уныние, не плаксивость. Наоборот, — оптимизм предстоящей встречи, вера в победу, что она обязательно будет, но только через войну:

«...Я бы согласился сидеть на воде с хлебом, только бы быть с вами. Неправда, разобьём немца, снова будем вместе! Дела у меня

идут хорошо. Ваш Ваня Усилов».

«...Это письмо вам пишет командир части, в которой служил Усилов Иван Александрович. 27 сентября 1943 года на правом берегу Днепра в жаркой схватке с немецкими захватчиками он, верный воин, преданный делу партии Ленина-Сталина и своей любимой непобедимой Родине погиб — его убила вражеская пуля. Но слава о нём будет жить в сердцах его товарищей и всего русского народа. За верного товарища мы всеми силами и средствами мстим и будем мстить, уничтожая врага до единого. С фронтовым приветом, капитан Гринченков».

Имя Героя Советского Союза И. А. Усилова живёт в названии улицы в городе Горьком, оно вырублено золотыми буквами в granite и мраморе на мемориальной стене в Нижегородском кремле и досках, установленных на школе и доме, где жил Герой.

Письмо на одной страничке, но очень ёмкое:

«...Завтра в бой. Может быть, это последнее письмо. Прощайте. Но, мама, прошу тебя, не плачь. Если погибну, то героем. Останусь живой — разобьём врага, прогоним его, тогда вернусь с победой домой. Любящий всех вас — Алексей Козлов».

Бой, действительно, оказалось последним. Талантливый на жизнь, Алёша не вернётся из того боя, в который пошёл.

Алексей пишет просто, без громких фраз:

«Спешу сообщить свою радость. На днях ко мне в Ленинграде, где я лечусь в госпитале, приезжала сестра Поля с Волховского фронта. Она была у меня в палате целый день. Нагляделись друг на друга, поговорили обо всём помногу... В госпитале я пробуду недолго. Вылечусь, снова буду бить фашистов. Пожелай мне успехов. С приветом, Алексей.»

А вот письмо от той, которая упоминается в предыдущем письме:

«...Я пишу тебе большую радость: я виделась с Лёшкой, он приезжал сюда, в Ленинград, лежал в госпитале. Теперь уже совсем поправился. Настроение у него очень бодрое, весёлое, радостно встретил меня. Теперь мы с ним будем на

одном фронте... Теперь ты знаешь, что и наш фронт успешно бьёт немцев, освобождая Ленинградскую область. До свидания, крепко целую, — Полина».

Как потом выяснилось, Полина Тивикова была заместителем начальника по политической части одного из военных госпиталей на Волховском фронте. (Уж не та ли «тов. Тивикова», секретарь райкома партии в Болдине, на которую ссылался Пётр Пронягин в письме в газету «Советская Россия»?)

Судьбы. Разные. И по-разному складывались они у тех сорванцов, которые когда-то гоняли по улицам Горького. Не все они дожили до нынешнего дня. Даже тех, которые вернулись, в живых осталось немного. Озорники, патриоты на войне, — теперь пожилые дедушки и бабушки! Нынешним молодым невозможно даже представить, узнать в человеке с лицом, прорезанным глубокими морщинами и головой, посеребрённой сединой, что и они были когда-то молодыми! Полные сил, энергии, они гоняли в футбол, затем прошли через огненный ад войны, встречались с глазу на глаз с врагом и со смертью.

Трудно представить, что нынешний согбенный стариk когда-то писал:

«Здравствуй, дорогой дружище! Прошу не сердиться, что редко писал. А почему? Время военное... Вот встретимся, тогда поговорим. Знаешь, Петро, жить хочется, любить хочется... Крепко жму руку и целую, твой друг Валентин».

Валентин Мясников был сугубо городским. Его дедушка по матери Олухов, был купчишкой, имел дом-магазин (небольшой), именующийся до сих пор Олуховской лавкой. Валька был одноклассником Александра Пронягина. Валентин был лиричным парнем. Имел хроматическую гармонь, через которую изливал иногда своё настроение.

Среди обнаруженных писем есть весточки от сверстников из Львовки, малой родины. От Бориса Масленникова, например. Борис был толковым парнем — добрым, предупредительным и внимательным, работящим. Так, во время уборки хлебов он серпом нажинал до пятидесяти тугих снопов ржи, что было рекордом среди нас, мальчишек, и под стать взрослому жнецу. Но обратимся к его письму:

«...Петя, я сейчас в Средней Азии, в Намангане, в пехотном училище, куда перевели из Кзыл-Орды. Там учился в авиатехническом

училище. Так что объехал Казахстан и Узбекистан. Недавно узнал, что Вася Сягин (тоже из Львовки) учился в Алма-Ате, получил звание лейтенанта-пулемётчика и теперь уехал на фронт, но не знаю куда. От него и брата Михаила ни слуху ни духу. Так же нет известий и от других ребят...».

Потом выяснилось, последнее письмо от Бориса родные во Львовке получили из Тамбова, с дороги на фронт. Ехал он туда уже миномётчиком. Через некоторое время родные получили известие, что Борис пропал без вести. Ходили слухи, что эшелон, в котором он ехал, по дороге на фронт был разбит бомбами фашистской авиации.

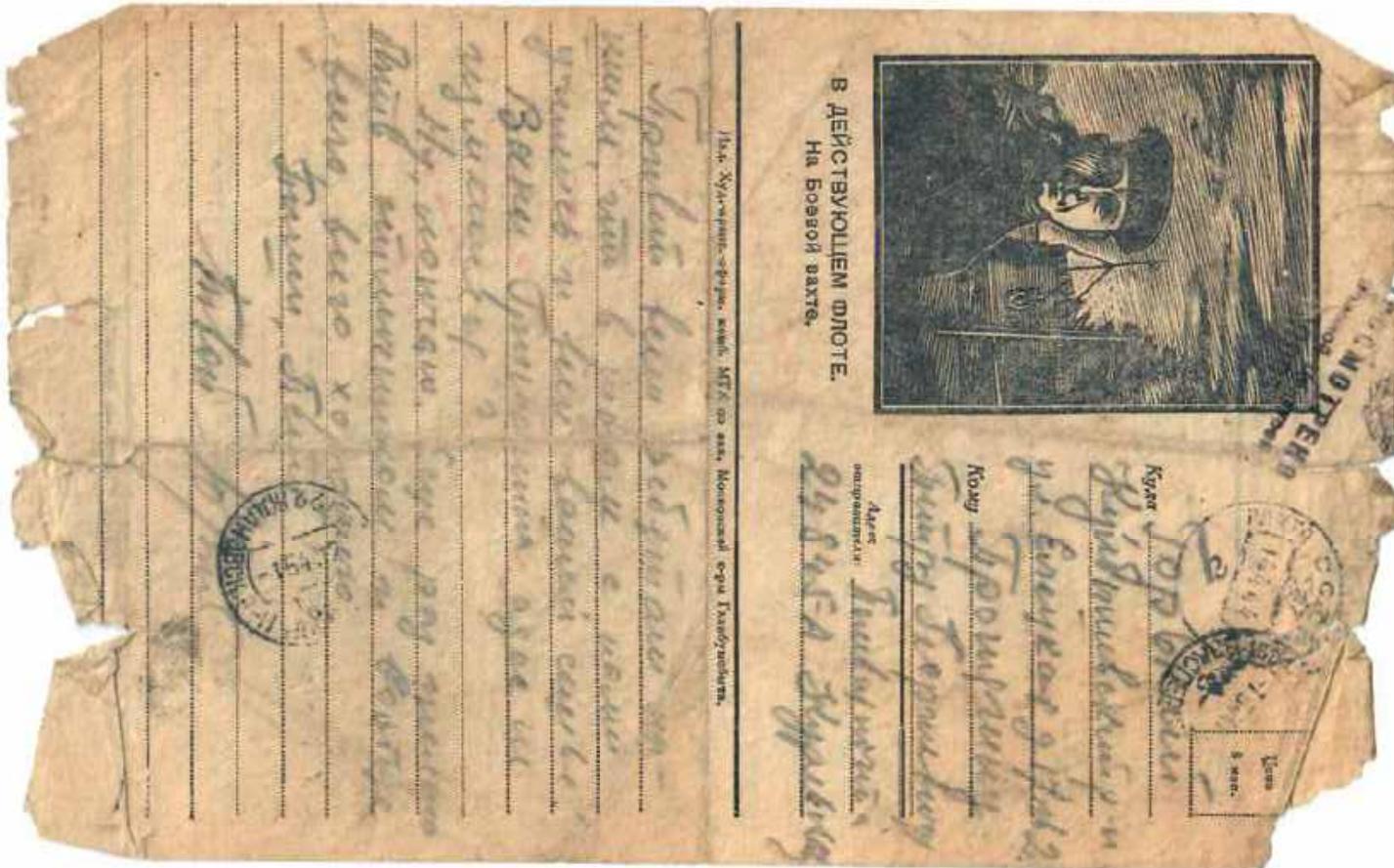
На упомянутого в письме Васю Сягина его отец, Андрей Степанович, получил похоронку: «Сообщаем, что ваш сын, лейтенант Сягин Василий Андреевич, был ранен и умер 24 февраля 1943 года от ран, полученных им на фронте Великой Отечественной войны в боях с ненавистным германским фашизмом и похоронен на кладбище села Тараковки Ростовской области. Начальник эвакогоспиталя № 22 военврач 2 ранга — Пушин».

Не вернулся из боевого похода в Балтийское море на Краснознамённой подводной лодке «Щука» моряк Петя Кондалов. Ваня Бирюков погиб на фронте вместе с отцом своим Иваном, погибли и не вернулись две трети от всех, пошедших воевать, ста тридцати человек из Львовки.

Так, погибли пятеро из шестерых Булановых, пятеро из девяти Шумовых, девять из тринадцати родных и однофамильцев Протасовых, отец и сын Варюшины, из пятерых Елаксиных и пятерых Ичковых, пусть не связанных родством, дошли до победы только по одному.

Разумеется, не все гибли. Маленькое село Львовка, в 750 жителей в военном году, из ушедших защищать Родину ста тридцати, Петр Шумов стал Героем Советского Союза, Борис Погодин командовал дивизионом знаменитых «Катюш», Дмитрий Акамочкин дослужился до командира полка, юрист Иван Сергаев был членом Военного трибунала 18-й армии. И ни одного, у кого бы жизненная дорожка оказалась кривой! Все оказывались честными патриотами своей земли, несмотря на исключительно морально тяжёлую и материально трудную жизнь до войны.

«Радость со слезами на глазах». Вот письмо, похожее на большой выдох после тяжёлого марафона. Пишет матрос-под-

водник, участвовавший в боевых походах под водой, лежавший со своими товарищами в субмарине многими часами на грунте, среди разрывов глубинных бомб врага:

«Шлю тебе боевой краснофлотский привет... 9 мая для меня и для всех нас был очень большой радостью. Это день Победы. Да, вот и конец этой войны. Мы победили... Я награждён медалью «За оборону Заполярья», орденом Отечественной войны II степени и медалью Нахимова. До скорой встречи дома, ваш Алексей Дягилев».

А вот письма от младшего брата, Юрия, который в конце 1944 дождался своей очереди идти в армию. Был призван на флот.

«... Поздравляю вас с великим праздником всего нашего народа и мира с Победой! Узнал, что Сашка на фронте. Если он остался жив до 8 мая, то это очень хорошо, можно думать, что остался жив, и ждать можно его домой.

С краснофлотским приветом ваш сын и брат — Юрий».

«Война разбросала нас по всей стране. Долго сейчас будем, пожалуй, собираться. Многих не досчитаемся. Я даже сейчас не могу представить эту встречу! Я рад за тебя, Петро, что ты поступил в институт. Сейчас учиться — это великое дело... Я же решил посвятить себя флоту. Конечно, закончим войну, там видно будет».

А вот его же письмо из освобождённого Севастополя:

«...Севастополь понемногу оживает. Жители всё больше и больше возвращаются на свои насиженные места... Пройдут годы, Петро, и на развалинах разрушенного врагом вырастет новый социалистический город с широкими улицами, скверами, бульварами и площадями, который будет красивее и лучше прежнего Севастополя. Этот новый город будет ещё мужественнее и крепче. Город-крепость, Петро, будет возрождён. Вполне возможно, что здесь будет и некоторый твой вклад. Ведь вы, будущие строители, будете возрождать и украшать наши города и, возможно, по вашим проектам будут строиться новые кварталы, там, где сейчас груды развалин зарастает бурьяном...»

Такая вот фронтовая переписка, крепко связавшая Петра Пронягина с его товарищами.

9 мая 1945 года станет не только победным днём для всей страны. В личной судьбе Петра Георгиевича этот день сыграет

Пётр и Лидия Пронягины. 1948 г.

Лида Политова

значительную роль.

Из воспоминаний Петра Пронягина:
«Наконец, 9 мая! Народ стихийно вышел на улицы в ожидании, что должен выступить Сталин. Я, вместе с другими товарищами, ходил по улице Свердлова до площади Минина и ждал сообщений о Победе.

Победа! Вот оно долгожданное слово! Народ ликовал от радости, ликовали одни и плакали другие. Победа сблизила, враждавшие примирились, незнакомые становились друзьями, больные чувствовали прилив здоровья. Пришла Победа!

В этот день я познакомился с девушкой, которая в будущем

определила мою судьбу и стала моей женой. Лида Политова жила в качестве квартирантки в соседней квартире у Паладьевых, учась на первом курсе сельскохозяйственного института.

Вечером 9 мая мы собирались отметить день Победы. Сначала собирались у нас, мальчишки и девчонки с нашего двора. Потом перешли к Фёдоровым. От них направились танцевать под патефон к Филипповым, у которых было больше места. Туда же позвали двух студенток от Паладьевых. Они пришли. Ничего особенного. Девчонки как девчонки. Одну зовут Марусей, другую Лидой. Я танцевал сначала с Верой Федоровой, Шурой Прониной, которая когда-то научила меня передвигать ноги в вальсе, танго, фокстротах. Я решил пригласить Лиду. Танцевала она не так легко, как Шура, но терпимо. Так мы познакомились. Потом стали встречаться».

Свадьбу Пётр и Лида сыграют много позже, в 1948 году. Но это уже была другая история.

3

Уральский период

*Большая стройка на Урале.
Здесь жизнь вторая началась,
Столкнувшись с тем, чего не знали,
Она по вкусу нам пришлась...*

*И где бы я не был, чего б не узнал,
Куда бы меня не бросали,
Я помню ту школу, что дал мне Урал,
Людей, что меня воспитали.*

Пётр Пронягин, 1986

Вместо Томска — под Свердловск

В 1949 ГОДУ Пётр Пронягин окончил Горьковский инженерно-строительный институт и вместе со своими однокурсниками получил распределение в «Главпромстрой», строительную организацию, входящую в систему Министерства внутренних дел.

Их сразу предупредили — работать они будут на крупных стройках, расположенных в разных регионах страны. Есть правда, своя специфика — работать придётся с заключенными.

Когда стали зачитывать списки — кого куда направляют, вышло, что большая часть выпускников ГИСИ, и Пронягин в их числе, должны будут ехать в Томск.

После некоторого оживления — все согласились. Томск так Томск. Какая разница! Даже хорошо, что нас многих посылают в одно место, лучше устраиваться придётся», — вспоминал Пронягин.

Однако, когда он подошёл к офицеру, проводившему распределение, чтобы спросить: надо ли иметь какие-то документы для проезда жены, тот недоуменно посмотрел: «Какой жены?». Потом сказал: «Нет, жена с вами не поедет, женатых мы не отправляем. Женатым жить негде. Стойки все новые, условий нет. Езжайте один, а когда устроитесь — возьмёте к себе жену».

С таким раскладом Лида категорически не согласилась: «Собрались ехать вместе — должны быть вместе!»

В итоге, чете Пронягиных предложили вместо Томска другой вариант — Свердловск. Петру выдали направление: в управление МВД, Свердловск, Строительство п/я 20.

Так распорядилась судьба — его приезд в Томск оказался отложенным на 18 лет.

На следующий день поезд повёз Петра и Лидию Пронягиных к новому месту работы...

Выпуск инженеров-строителей ГИСИ, 1949 г.
Пётр Пронягин в центре
в нижнем ряду. На этой же
фотографии — будущие
химстроевцы Василий
Сперанский, Иван
Пронин, Галина Фёдорова,
Антонина Карпова

Петр Пронягин в компании
родных и друзей.
г. Горький, 1948 г.

Строитель Лесного

«КРУПНОЙ СТРОЙКОЙ», куда направили Петра Пронягина после окончания ГИСИ, оказалось строительство одного из заводов, предназначенных для создания атомного оружия в СССР. В обстановке строжайшей секретности в 1947-1949 годах на Урале и в Сибири начали строить сразу несколько предприятий для производства полного ядерного цикла — от переработки и обогащения урановой руды до изготовления атомных боезарядов.

В августе 1947 года приказом министра внутренних дел СССР была создана строительная организация завода №814. Площадка «Базу №9» (как обозначили будущий завод «Электрохимприбор») была выбрана в районе посёлка Нижняя Тура в 220 километрах к северу от Свердловска.

Вместе со строительством производственных корпусов начали строить и жилой посёлок, который позднее назовут Лесным, или Свердовском-45.

В июле 1949 года одним из строителей завода и посёлка оказался Петр Пронягин.

В последующие годы он пройдёт все ступеньки строительного производства, работая прорабом, старшим прорабом, начальником участка, главным диспетчером, начальником строительного района Североуральского управления строительства. В декабре 1956 года начнётся период его партийной карьеры: секретарь парткома строительного управления, второй секретарь, первый секретарь Лесного горкома КПСС.

О своей жизни и работе на Урале Пётр Георгиевич оставил подробнейшие воспоминания в трёх томах, которые, в отличие

**Город Лесной
(Свердловск-45)**

от мемуаров нижегородского (горьковского) и томского периодов, были опубликованы в 2007 году к 40-летию комбината «Электрохимприбор» на средства этого предприятия.

В своём письме-обращении к издателям книги Петр Пронягин писал:

«Здравствуйте, дорогие лесничане!

Здоровья вам, успехов и благополучия больше, чем есть! После телефонного звонка решил написать вам письмо и поблагодарить за ваше участие в создании книжки на основе моих личных воспоминаний о жизни и деятельности в Свердловске-45 — ныне Лесном, где я прошёл путь от молодого специалиста-прораба (пройдя по многим лестницам служебной карьеры при строительстве объектов завода ЭХП, «Горного района», «Лесхоза» и жилых кварталов города) до первого секретаря горкома КПСС. Эти годы были одними из лучших в жизни, ибо они закладывали основу для самостоятельной жизни на многие годы вперёд, что в последующем сбылось.

Осенью исполнится 40 лет, как наша семья оставила Лесной и переехала в Томск, где мне было поручено возглавить крупную стройку Министерства среднего машиностроения, призванную завершить строительство объектов Сибирского химического комбината и развивать город Северск. Наряду с этим, строители и мон-

Кислов Георгий Прокопьевич
21 января 2007 г., Свердловск, Краснодарский к. б.

«Здравствуйте, друзья земляки!

Здравствуйте Бык, земляк в Академгородке Бык, че есть! После демонстрации новых фильмов на экране в кинотеатре «Бык» гости из деревни сказали на экране для никиты Костомаровской в память о героях великой Отечественной войны «Бык» — это Бык, где я привык видеть историю спасительной пары борцов от земли подчиненных героям города при спасительной поддержке подпоручика Д.И.К. «Бык» родился, «бывший в жизни образцовой парой» по первому спортивному призму КПСС. Это люди были героями во времени в эпоху, ибо они подарили людям для спасительных позиций на земле горы Бык, ибо в последующем снялись.

Сейчас исполнилось 10 лет, как наша земля сюжетная линия в перипетиях с Быком, где для меня первым был погибший геройский офицер Минсредмаша, представил забавную обстановку для зрителей Свердловского кинотеатра и развлекли всех Быков. Несмотря с этим сюжетами и подавленными чувствами «Бык» несет в себе позитивные качества и позитивное отношение к земельным Михаилам и Ильинам. За вторую роль героя [быка] подобно героям-героям этой истории мне присудили «Заслуженный артистический работник культуры Министерства СССР»; работы премии «Заслуженный артист в спектакле народного театра». Но превосходные квартеты «Быка» были 10 тысяч человек. Они привлекались из других театров Министерства культуры нашей страны — героя «Быка».

Я это пишу не за боя, чтобы наставлять, а чтобы напоминать, что кинодрама должна заниматься и находиться в пределах в земле на Урале, в Свердловске-45, наши героя с замечательными героями — подавленными, и не то ли на земле земли Быковской. Примечательно фактически с того, что в группе земельных сюжетных спортивных программ с первого, начиная политической линии игр, физическая культура и спортивное движение земли.

Все, что произошло в земле Быковской — это было добро, и отчего, чтобы забыть Быка, а помнить — значит помнить землю и землю ее Сибирь землю подлинно-подлинной историей, подлинной достоинством Быка, но я, подавленный на грани сиюминута разрывами, прошу вас, что привнес грешки Быка с любовью искренним воспоминанием о спасительном герое, Быковом.

Сам раз — демонстрация Быка, или позитивный земельный спектакль земельный. Отсюда присада к землеру — Быково! Исполнитель с любовью помнит ему то было, — это было землеру.

Сам раз спасите за землю землю Быка, или привнес Быка землю.

С уважением — Прокопий.

Обращение к жителям Лесного

тажники управления «Химстрой» оказывали большую помощь в развитии научно-технического потенциала и экономики Томска и области. За двадцать два года [моей] работы руководителем этой стройки она превратилась в крупнейшую строительную организацию Минсредмаша СССР с развитой промышленно-технической базой и социальной инфраструктурой. На строительных площадках «Химстроя» трудилось более 18 тысяч человек. Она единственная из других строек Минсредмаша удостоена высшей награды — ордена Ленина.

Я это пишу не для того, чтобы похвалиться, а чтобы подчеркнуть, что необходимую закваску хозяйственного и политического руководства я получил на Урале, в Свердловске-45, шагая рядом с замечательными людьми — жителями города, и за то им от меня особая благодарность. Прошло немало времени с тех пор, но в душе моей остаются самые светлые страницы созидания предприятия и города, активной политической жизни людей, физической культуры и спортивного движения земли.

В конце 80-х годов здоровье стало покидать меня, и 1990 г., в возрасте 65 лет, после четырёх инсульта я ушел на пенсию, но более 8 лет преподавал студентам старших курсов Томского строительного института науку управления строительным производст-

ством. В 1999 г., будучи доцентом кафедры, в связи с обострением болезни я оставил институт и перешёл на положение персонального пенсионера и инвалида. Начавшаяся в это время ломка общественного строя в стране лишила меня СССР: Управление «Химстрой» сначала акционировали, а затем оно распалось на мелкие частные фирмы и промышленные предприятия, которые подверглись разграблению и передаче в частные руки. Объекты социальной сферы были проданы за долги налоговым органам. Для меня это настоящая трагедия, которую переживаю до сих пор.

Всё, что написано в моих воспоминаниях — это только правда, и хочется, чтобы жители Лесного, а особенно молодое поколение, знали и ценили ее. Сейчас модно переписывать историю, подстраиваясь к вкусам новой власти, но я, оставаясь на прежних идеинных убеждениях, горжусь тем, что принимал участие вместе с жителями тогдашнего посёлка в строительстве города, комбината.

Ещё раз — благодарен всем, кто помнит жизнь старшего поколения. Особая просьба к молодёжи — бережливо относиться к нему, помогая ему во всём, оно того заслужило. Ещё раз спасибо за издание книги всем, кто принимал в этом участие.

С уважением — Пронягин».

Такой же откровенностью и прямотой, присущей Петру Георгиевичу, наполнены страницы его воспоминаний. В нашем повествовании мы ограничимся лишь небольшими отрывками из них, чтобы дать представление о характере его работы на Урале. Полностью же их можно прочитать в интернете, все три тома мемуаров об этом периоде его жизни выложены в электронной библиотеке Росатома.

«Граждане зеки»

ОСНОВНОЙ рабочей силой в начальный период являлись заключённые, которых насчитывалось тогда порядка 3,5 тысячи человек.

Управляя бригадами и участками, в которых работали «зеки», Пронягин постигал азы практического строительного производства.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«В одну из первых смен появился высокий подполковник. Он походил вокруг, спросил прораба у начальника конвоя, тот указал на меня. Среди обнажённых до пояса людей, таскавших носилками бетон и бутовый камень, я мало выделялся. Увидев начальство, я подошёл и доложил, что бригада «зеков» № 35 бетонирует фундаменты. Он поздоровался и представился: «Окаемов». Я назвал себя. Окаемов интересовался нашей работой. Я рассказал о своих планах поточного строительства фундаментов и сборки домов, при чём с подробностями, что если всё пойдет, то в мае будет строиться пять домиков, а к концу года — все тридцать пять. Он похвалил меня и вскоре ушел. На другой день пришёл Рубцов:

— Молодец, Петя, сегодня Окаемов хвалил тебя. Понравилась ему организованность, и люди работали дружно.

Я узнал, что Окаемов был заместителем начальника строительства по лагерному содержанию.

А вскоре начались испытания другого рода. Как только начали собирать первый дом 35-й бригадой, выяснилось, что мы неправильно разместили фундаменты: их оси не совпадали с осью домов. Я испугался своей ошибки. Пришлось расширять две стороны

Молодой специалист, старший прораб Пётр Пронягин, 1949 г.

Первые бараки строителей города Свердловск-45 (Лесной)

фундаментов. Когда собрали первый дом, оказалось, что он вышел за красную линию одним углом. Вооружившись рычагами, начали его передвигать на место. Потом обнаружили, что ещё один дом при сборке развернули на 180°. Устинов, заметив ошибку, успокоил меня:

— Не переживайте, гражданин прораб, мы его сейчас развернём. Пусть 35-я нам поможет, скажите ей.

Я позвал Шушпанова и попросил помочь Устинову исправить ошибку и развернуть дом. Тот согласился, и я увидел, как буквально на руках рычагами был поднят собранный каркас дома, под основания которого предварительно подвели брусья. Взявшись за брусья, люди по моей команде приподняли каркас и начали его разворачивать. Через полтора часа дом занял нужное положение.

Возбуждённые удачей и необычной работой люди весело обсуждали коллективный труд.

— Что значит сила народная! Гражданин прораб, дайте команду, и мы все дома перевернем!

Я не сомневался, что так могло получиться: чувствовал уважение к себе. Люди слушались, сказался человеческий подход к бригадирам и рабочим. Я не грубил без причины, не оскорблял словами, не унижал, но и не прощал вранья, насилия над слабыми. Ничего не говорил лишнего начальству, бригады зарабатывали зачёты, в чём я немало помогал им.

...Новый начальник района Аксенов с ходу назначил меня и Льва старшими прорабами, оценив нашу работу по-своему. Оклад повысился на шестьсот рублей. Я продолжал строить «финский» поселок. Лев строил клуб. Нина утвердила сметчиком, а Лида — домохозяйкой. В нашей комнате стояла железная кровать с настилом из досок, тумбочка, фанерный ящик вместо стола, самодельная скамейка и табуретка. Одежда висела на вешалке из гвоздей. Мы имели чайник.

Лето 1949 года катилось быстро. Я продолжал строить «финский» посёлок. Несколько рядов домов встало на свои фундаменты. Гора деталей домов заметно убавилась, но не исчезла совсем. Ко всем работам прибавились новые: началась отделка, оклейка обоями, покраска полов, стен, потолков, окраска снаружи в разные тона. По просекам пролегли траншеи, в которые укладывались трубы канализации.

Для отделочных работ в зону были завезены две бригады женщин из лагеря № 3. Что тут началось! О чём думало мое начальство, не знаю. Но придумало глупо. Представить только: лес сосновый, в лесу два с половиной десятка домов, которые строит сотня мужчин, — и к ним впускают полсотню женщин.

Когда я сказал Рубцову:

— Кому нужен такой шалман? Никто работать не будет!

Он ответил:

— Сучка не захочет — кобель не вскочит. Везде работают вместе. А надзиратели на что? И потом, зачем за чужие тела боишься?

И получилось, как я и ожидал. В первый же день почти никто не работал. Женщины кучами сбились, чтобы лучше обороняться от мужиков, кто хотел защититься, а многие мужчины вертелись рядом, чтобы понравиться тем женщинам. Кому было всё равно, сами откалывались от остальных и быстро исчезали в кустах. Спрятаться было где. Надзиратели с ног сбились, разгоняли отдельные парочки. Так продолжалось с неделяю, а потом само собою притёр-

лось. Видимо, насытились изголодавшиеся по человеческому телу те, кто хотел, остальные отстояли свою независимость от посягательств сильного пола, дав понять ему о своей неприкосновенности. Но работа пошла, люди трудились рядом и делали своё дело.

Однажды ночью я принимал бетон. Бетонировали фундаменты последнего ряда домов. Бетон поступал плохо, о чём я пожаловался накануне. Обещали принять меры. И приняли! В ту же ночь на квартал пошла одна машина за другой. Люди не успевали таскать носилки с бетоном, никакой надежды на передышку не было. Бойки переполнились и развалились, а машины выстроились в очередь для разгрузки. Шоферы начали гудеть сигналами.

Я растерялся. Заявку на ночь выполнили сполна за первые два часа. Появилась ещё одна машина. Из кабины вылез высокий старшина и заорал на меня:

— Ты что машины держишь? Не подготовился к бетону! Давай пиши отказ. Сейчас будем составлять акт на простой, заплатишь своим карманом. Ишь ты какой! Взялся жаловаться, что бетон плохо взят, а сам не можешь принимать! Давай, Пронягин, отказ пиши!

— Кто вы такой, оратель?

— Я начальник бетонного завода Лавренчук. Давай отказ на бетон!..

— Зачем же весь заказанный бетон выдаёте за два часа? Разве люди успеют сделать за пару часов то, что рассчитано на всю смену?

— Не будешь жаловаться. Давайте писать акт. Шофера, подходите!

И написали, что машиныостояли, так как бойки развалились, приёмка была организована плохо. Я отказался подписать такой акт, понимая, что делается всё неспроста.

Наутро меня отчитывал Рубцов. Я рассказал, как было, но куда там! Оправдания не принимаются. Тогда понял, что жаловаться надо осторожнее.

Примерно в августе на площадке появился начальник строительства Захаров. Генерал Бойков заболел (говорили, что упал в траншею и сломал позвоночник). Он у нас так и не появлялся. Захаров стал самостоятельным начальником. Он обошёл с Аксеновым мое хозяйство, не замечая меня, а потом взмахом руки позвал. Я подошёл.

— Что у тебя за погром? — показал на оставшиеся горы деталей домов.

Финские домики
в Свердловске-45

Нижняя Тура, 1950 г.

— Детали домов, — отвечаю.

— Разве так должны храниться?

И понёс на меня громовым голосом. Я опешил, не понимая, что от меня хотят. Уже потом догадался, что детали были плохо сложены. За что Захаров отругал Аксенова, сел в «козла» и уехал. Аксенов стал меня стыдить за плохой порядок на площадке и растолковал, как всё должно складироваться. Назавтра собрал всех бригадиров, и два дня занимались уборкой материалов.

Через несколько дней Захаров приехал снова. Вместе с ним из машины вышел низкого роста лысоголовый подполковник. В руках он держал фуражку с голубым верхом. Видимо, ему стало жарко в машине, он полез в карман брюк за платком, вытянул его лентой и начал обтирать бритую голову. Увидев начальство, «зека» по эстафете доложили мне, хотя я шёл в их направлении, видел. Глаза моих «зеков» выражали испуг, они не любили приезды начальников, знали — доброго разговора не будет. Их опытные души, привыкшие ко всякому обращению, не подвели. Едва я приблизился, как загремел голос Захарова:

— Пронягин, ты до сих пор бардак не ликвидировал? Почему валяется? — Он пинком отбросил попавшую под ногу деталь финского дома, и она отлетела в сторону.

— Здесь ещё ничего, в других местах мы видели хуже, — вставил новый подполковник, — здесь, кажется, прибираются. — Он указал на штабели досок, брусьев, деталей домов. Несколько «зеков» занимались уборкой.

— Я сколько дней тебе дал для наведения порядка?

— Вы не называли срока.

— Как не назвал? — возмутился Захаров. Он не ожидал такого ответа, хотя, действительно, никакого срока не устанавливал. Может, он думал назвать срок, но, рассерженный в то время, забыл.

— Вы потом разберётесь с ним, Дмитрий Семенович, — сказал бритый подполковник, — сейчас пройдёмте на площадку.

Он двинулся вперед, Захаров за ним, я — за Захаровым. Шагах в пяти сзади к нам пристроились Шушпанов, Устинов со своими «помогалами». Их раздиral интерес и любопытство, чем кончится визит двух начальников и для меня, и для них.

— Идите вперед, — обернулся ко мне Захаров, — и рассказывайте.

Я обежал их обоих, зашёл вперед и, полуобернувшись, стал до-кладывать о планировке квартала «финского» посёлка: где, какого типа поставлены дома на фундаменты, сколько в отделке, какова их готовность и т. д. Мне казалось, что у нас всё идет ладно, так как дома, по сравнению с брускатыми, росли, как грибы. Люди освоили операции сборки, отделка была простая, а столярка на один раз окрашена, стены оклеивались плотными картонными обоями, по которым легко красилось. Но лысоватый подполковник резюмировал по-своему:

— Медленно вы чешетесь. Такие дома нужно в течение квартала собрать все до одного. А вы сколько работаете здесь?

— Пятый месяц.

— Вот видите, пятый месяц, и половины ещё нет.

— Нет, быстро делаем, — возразил я ему. — Бригада за неделю собирает один дом.

— Разве это быстро! — вскинул подполковник, — Мы в Эстонии такие домики за два дня собирали. И вы говорите, быстро! А как дела с коммуникациями?

— Какими коммуникациями? — переспросил я его, услышав незнакомое слово.

— Что вы меня спрашиваете? Это я вас спрашиваю, — заводился подполковник.

— Я не знаю, — откровенно выпалил я.

— Подождите, вы прораб, да? Я у вас спрашиваю?

— Я старший прораб.

— Вот видите, даже старший прораб. Как же с коммуникациями?

— Я отвечаю, что не знаю, — поднажкал я на слове «отвечаю».

Вмешался Захаров:

— Он молодой специалист, не понимает вопроса. Сергей Иванович интересуется про водопровод, канализацию. И сам ответил: «Плохо здесь, Сергей Иванович! Канализацию дворовую он укладывает, больше ничего, ни одного коллектора не делается, и неизвестно, куда делать. Васильев всё жалуется, а до сих пор проектов не выдал.

— Как же будете сдавать дома? — обратился Сергей Иванович уже к Захарову.

— А чёрт его знает. Придётся наружные уборные ставить и тянуть нитку воды, хотя бы для колонки.

— Конечно, надо тянуть! Как только пожарники вам разрешают здесь без воды работать, да ещё в сосновом бору? В один момент всё сгорит, а тушить нечём.

— Мы должны сегодня договориться у Васильева, — сказал Захаров. — Вы меня поддержите.

— Я-то поддержу, но и вы куда смотрите! Скоро зима, и практически ничего не сделано. Когда же вы успеете всё уложить?

И, обращаясь ко мне, спросил:

— Сколько здесь осталось работы?

— Много, — выпалил в ответ.

— Я вижу, что много. Сколько тысяч?

Вопрос застал меня врасплох. О каких тысячах заговорил этот Сергей Иванович? Я знал только человеко-дни. Может быть, он хочет знать, сколько человеко-дней надо отработать? И я быстро стал считать в уме. Получались сотни тысяч человеко-дней. Не получив точного счёта, я сметил примерное число и ответил:

— Около двадцати тысяч.

— Сколько? Какая чушь! Сколько вы в день должны сделать плана?

— Собрать полдома в среднем.

— Я спрашиваю, не в натуре, а в деньгах!

— В каких деньгах? — уже спросил я.

— Послушай, Дмитрий Семенович, он что, дурак или прикидывается? Я спрашиваю ещё раз, — он уже кричал, — какой у тебя план?

Я окончательно растерялся, так как откровенно не понимал вопроса.

— Я не знаю.

**Женщины-зеки на строительстве
г. Свердловск-45.** ФОТО С САЙТА «ОТКРЫТЫЙ ЛЕСНОЙ»

Управление строительства, г. Свердловск-45

— Теперь мне всё ясно и понятно! — кричал подполковник.
— Здесь дело у вас, товарищ Захаров, будет провалено. Старший прораб (он поднял палец кверху) не знает своего плана. Как же он руководит? Развели чёрт знает что здесь! Коммуникаций нет, стройка идёт медленно. А вы мне говорили, что здесь всё хорошо. Что же хорошего!

— Вы что, серьёзно не знаете своего плана? — спросил меня спокойно Захаров.

— Почему не знаю? Знаю, — ответил я и стал снова объяснять, сколько домов, каких и когда думаю собрать в застраиваемом квартале. Но подполковник прервал меня резким жестом.

— Смотрите, какую он несет чепуху! Да он не знает своего плана! Как же им руководит начальник участка, и где же начальник района? Поедем отсюда, здесь делать больше нечего!

И он двинулся по лежнёвке на выход, где за воротами стояла «Победа» начальника стройки. Я шёл следом за ним, чувствуя на себе ярость подполковника. Внутренний голос подсказывал, что мною начальство осталось недовольно, что случилась какая-то беда для меня, и я не знал, как она кончится. Но страху набрался немало.

Лидия Пронягина с сыном
Мишой, 1955 г.

Супруги Пронягины
с дочерью Татьяной,
1957 г.

— Остановитесь здесь. — сухо бросил мне Захаров. — Аксенов был?

— Нет, не был.

— А Рубцов?

— Вчера был.

— Оставайтесь! И наведите порядок.

Я остался. Ко мне подошли бригадиры. Их взгляды были понимающими. Шушпанов утешающе сказал:

— Я подполковника знаю! Это Погарский. Не знаю, в каких шишках он сейчас ходит, а в Эстонии был начальником стройки. Он там тоже орал. Наверное, на бугор забрался, если на самого Захарова орёт. Вы не тужите, гражданин прораб, их дело гонять вас, а ваше — нас.

Обернувшись на подошедших «зеков», он рявкнул:

— Что хайлы раскрыли? Брысь отсюда! Вас не касается, — он хлестнул гибким прутиком по голенищам хромовых сапог и двинулся в сторону своей бригады.

А вечером меня расспрашивал Рубцов, за что ругал Погарский. Как он сказал, ему влетело за меня, и виноват он сам, так как не догадался прорабам выдавать месячные планы и суточные задания.

Он стал объяснять суть плана, из каких показателей он складывается, как считать выработку на рабочего, на работающего. Я понял, что многого не знаю, хотя кончил институт и получил звание инженера и уже почти полгода работаю. Не всё было с ходу понятно, понимание приходило постепенно. Ежедневно я делал для себя какие-то открытия.

С тех пор, как стал отчитываться за суточный план, у меня появился интерес выходить на плановые цифры. Каждый день перед подъёмом заключённых я собирал бригадиров, десятников, и мы сообща подводили итоги работы. Они докладывали мне о сделанных квадратных метрах отделки, проложенных трубах, вырытых траншеях, а я приводил их в плановые единицы, стоимость, составлял ежедневную процентовку, которую относил в район, где меня ожидал начальник участка для составления сводного отчёта. Выходило, что план свой я перевыполнял и имел даже резервы. Участок же плана не тянул, подводили другие прорабы».

Так, учась на ходу, набивая шишки, набираясь опыта и знаний, молодой прораб Пронягин постепенно превращался в профессионала. Отмечая его деловые и человеческие качества, начальство «двигало» его по службе. К 1955 году Пётр Георгиевич работал уже в качестве руководителя строительного района, (СМУ, если в обычной, «гражданской» строительной организации).

ЯЩИК КОНЬЯКА

ЕЩЁ ОБ ОДНОМ поучительном эпизоде, относящемуся как раз к периоду работы Пронягина в качестве начальника строительного района, хочется рассказать.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«На заводоуправлении шли отделочные работы. Обходя здание, я столкнулся с Мальским*, который оценивал оставшиеся объёмы.

— Вы, строители, плохо здесь работаете. Завод действует в полную силу, а администрацию разместить негде. Третий год стройте здание, и конца не видно. Ширшов ковырялся два года, а теперь вы копаетесь.

— К концу года сделаем, — уверенно сказал я. — Остались отделка и сантехника.

— Осталось начать и кончить, — съязвил Комлев, сопровождающий Мальского. Комлев отвечал за режим и слыл человеком тяжелым, властным. Когда-то был начальником ГоНКВД в Красноуральске, но в 1947 году, получив особо важный пакет, который предписывалось вскрыть только в 00 часов 15 декабря, не удержался, вскрыл раньше. Вскрыл и узнал, что в ночь на 16 декабря назначено проведение денежной реформы, старые деньги в пропорции 1:10 должны обменяться, соответственно менялись цены. Открывшаяся государственная тайна заставила Комлева предпринять действия по сохранению имевшегося личного капитала. Зная, в каких суммах сохраняются размеры вкладов без переоценки, он в считанные часы разместил свои сбережения

* **Мальский Анатолий Яковлевич** (1909–1989) — советский военно-промышленный и хозяйственный деятель, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинских премий. В 1955–1971 годах — директор комбината «Электрохимприбор» (Свердловск-45).

Секретарь парткома, 1957 г.

Заводоуправление «Электрохимприбор»

Пётр Пронягин и директор завода «Электрохимприбор» Александр Мальский

по сберкассам, а на оставшуюся часть скупил в магазине ряд ценных вещей, о чём знала жена. Она не удержалась, раскрыла секрет своей сестре, которая тоже последовала их примеру. Когда был опубликован Указ о денежной реформе, Комлевы считали себя счастливыми, но просчитались. О незаконных действиях узнало начальство. Его выгнали с работы и уволили из органов НКВД со строгим выговором в учётной карточке. Оказавшись «декабристом», как тогда называли

подобных махинаторов, Комлев долго искал работу, пока старые связи не определили его на «Базу-9», где он обвык, а затем пошёл в гору, доработавшись до начальника режимно-секретной части.

— Осталось работы много, но мы до конца года сделаем, — повторил я.

— Не сделаете, спорю на ящик коньяка, — напирал Комлев.

— Спор заслуженный, если Комлев проспорит, я присоединяюсь к нему, — подхватил Мальский.

У меня не было сомнения в выигрыше. В присутствии Соничева я поддержал пари. Мы схватились руками, Мальский разнял, поставив Соничева в свидетели, и ящик коньяка «повис в воздухе».

Не знал я, что легковесное обещание обернётся для меня наказанием. Слишком опрометчиво оценил я в то время реальности. Здание шло тяжело, была масса переделок, к тому же задержали сантехники, которые словно специально медленно работали. Объём отделки оказался более сложным, чем ожидалось, штукатуры тянули тысячи метров карнизов, выполняли различные падуги, намораживали лепнину, которую приходилось тут же готовить. Хуже всего, — оказалось, что некому стелить паркетные полы. Паркетчиков-специалистов не было, а для меня паркет был новостью, с ним прежде иметь дело не приходилось.

Короче, я проспорил. Ящик коньяка покупать — равносильно месячной зарплате, на что я семейного права не имел. Комлев знал моё положение, требовал долго, заставлял унизительно уклоняться. С тех пор я старался избегать необдуманных заявлений. Для меня это был второй урок в жизни, после проигрыша в преферанс в студенческие годы. Проспоренный ящик коньяка отучил меня трепаться, не соизмеряя возможности с задуманным или обещанным».

В середине 50-х годов в закрытых «атомных» городах произошли важные перемены. В них появлялась городская власть в лице горсоветов, а также власть партийная и комсомольская в лице городских комитетов партии и ВЛКСМ.

В 1956 году горсовет был создан в городе Лесном (Свердловске-45), Пронягина избрали депутатом. А затем, неожиданно для него, — «выбрали» секретарём парткома строительства.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«Заседание открыл секретарь горкома партии Романов:

— Товарищи, поздравляю вас от имени городского комитета партии с избранием в руководящий партийный орган стройки. Задачи у вас

Секретарь
Лесного
горкома
КПСС, 1960 г.

**Первые
секретари
Лесного
горкома
КПСС:
В.В. Семёнов,
П.Г. Пронягин,
В.Ф. Тарасов**

ИЗ КНИГИ «ИСТОРИЯ ГОРОДА ЛЕСНОГО: ЭПОХА И ЛЮДИ», — ЕКАТЕРИНБУРГ : ИЗД-ВО «АКАДЕМКНИГА», 2000

большие и сложные, нужно квалифицированное партийное руководство. Я уверен, что вы его обеспечите. А теперь нам нужно избрать секретаря. Слово для представления имеет Георгий Ефимович Минаев.

Минаев встал и сказал:

— Товарищи, я предлагаю избрать секретарём парткома товарища Пронягина Петра Георгиевича. Он молодой, грамотный, энергичный, умеет хорошо выступать, что очень важно в партийной работе. Свои деловые качества он показал на ваших глазах, вырос из молодого специалиста-прораба до начальника крупного строительного района, знает работу управления строительства. Лучшей кандидатуры нам не найти.

Меня словно кипятком ошпарило. Как?! Человек, который обещал меня защищать от избрания, заверил в поддержке, и он же предлагает мою кандидатуру!

Нет, уже слишком! Я возмутился поведением Минаева, вскочил с места и крикнул:

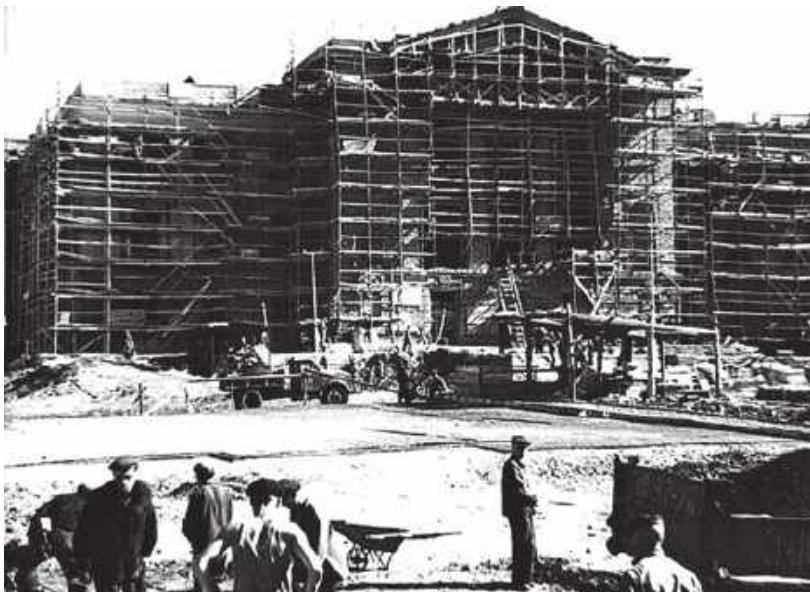
— Я против! Георгий Ефимович, как же вы так? Нет, я не согласен!

Но Романов спокойно ответил:

— Одну минуточку, Пётр Георгиевич, мы прений не открывали, мы дадим вам слово. Есть другие предложения, товарищи?

Стадион
в г. Свердловске-45

Строительство
Дома культуры
г. Свердловске-45

Виды города Лесного
(Свердловска-45)

**40 лет пионерии. Супруги
Пронягины и дочь Таня, 1962 г.**

**Поздравление военных строителей
с профессиональным праздником секретарем ГК КПСС
П. Г. Пронягиным, г. Свердловск-45, август 1967 г.**

— Нет, — ответили дружно члены парткома.

— Хорошо. У вас что-то было сказать, Пётр Георгиевич, — Романов обратился ко мне.

— Я прошу отвода моей кандидатуры. Во-первых, я не знаю партийной работы; во-вторых, не хочу уходить из стройрайона, где нравится работа, дела идут хорошо, и бросать всё настроенное и созданное жалко. В-третьих, я предлагаю избрать Замотаева.

— Есть необходимость обсуждать мотивы самоотвода? — спросил Романов присутствующих. — Нет! Хорошо. Я также считаю мотивы необоснованными. Незнание партийной работы заменится знанием, если будет приложено старание, а старание должно быть, ибо не только желание товарища Пронягина, — работать или не работать партийным секретарём мы обсуждаем, а ответственное партийное поручение, выраженное доверием большой армии коммунистов. И не учитывать ему этого нельзя. Наоборот, следует ценить и оправдывать. Кто за товарища Пронягина? Избран единогласно!».

Как там в пословице? Коготок увяз — всей птичке пропасть. Вступив на стезю партийной карьеры, Пётр Пронягин отдаст ей без малого одиннадцать лет.

Уже в апреле 1957 года он будет избран вторым секретарём горкома КПСС города Лесного. А в декабре 1960 года — первым секретарём.

Пронягин и космос

12 АПРЕЛЯ 1961 года Юрий Гагарин облетел на космическом корабле вокруг земного шара. Событие взбудоражило всю страну, весь мир.

В Лесном по этому поводу были проведены митинги, а сквер между горкомом КПСС и Управлением, сооружённый ещё в начале 50-х на месте свалки и отвалов грунта, назвали сквером имени Гагарина. В дни праздников один из выходов из парка превращали в трибуну, мимо которой по улице Ленина двигались демонстранты.

Разве думал тогда первый секретарь Лесного горкома партии Пётр Пронягин, что через пять лет судьба подарит ему встречу с Юрием Гагариным, да ещё где — на съезде КПСС!

В конце февраля 1966 года Пронягина на Свердловской областной партийной конференции избрали в состав обкома КПСС и, неожиданно для него самого и всей делегации закрытого города, — делегатом на XXIII съезд КПСС.

«Новость была небывалая. Я — и на съезд! Какой почёт и доверие! Было радостно и как-то не по себе, неудобно перед своими товарищами. Работали вместе, а избрали меня! Но всех всё равно не изберёшь!», — вспоминал Пётр Георгиевич свои ощущения.

Вместе с ним, кстати, делегатом от Свердловской парторганизации избрали министра среднего машиностроения Ефима Павловича Славского, который присутствовал на конференции.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«Домой приехал окрылённым. Ещё бы! Предстояла поездка на съезд! Стал готовиться. «Прежде всего надо приодеться», — заявила

Сквер имени Юрия Гагарина в г. Лесном

Пётр Пронягин на Свердловской областной конференции КПСС, на которой он был избран делегатом XXIII съезда партии, февраль 1966 г.

Лида. Должен сказать, что я никогда не стремился красиво и модно одеваться, предпочитая обычные, повседневные костюмы, простые хлопчатобумажные рубашки и неброские галстуки, туфли дешёвые, на микропористой подошве вполне удовлетворяли мой вкус. И я носил их до тех пор, пока не стаптывал окончательно, или они не рвались до состояния невозможности, самостоятельной починки с помощью иглы, шила, толстых ниток, полена (вместо сапожной лапки), молотка и гвоздей.

Когда я ходил с Лидой в обувной магазин, там подбирали новые туфли и ботинки, я обувался прямо в примерочной, а старые, уложив в коробку из-под новых, бросал в урну. За время работы в горкоме ни я, ни Лида не пользовались положением, чтобы купить, «достать» дефицитного, сверхмодного.

У дома Пронягиных
в г. Свердловске-45.
Миша идёт в школу.
Сентябрь 1962 г.

Но приодеться для поездки на съезд я согласился. В универмаге примерили пальто, костюм, рубашки, галстук, туфли, ничего особенного не предлагалось. Старков, заместитель начальника УРСа, уговорил купить стильное пальто, — демисезонное, с открытым воротником и длиною выше колен. Я сопротивлялся, но под уголовром, с одобрением Лиды, согласился и на шляпу к нему. Оделся сразу на две зарплаты».

Из съездовских впечатлений одно из самых ярких — встреча с Юрием Гагариным. Состоялась она на вечере-концерте в гостинице «Юность». Пётр Георгиевич накануне размышлял, что бы такое купить в подарок своей дочери Татьяне. Кто-то посоветовал купить красивую открытку и написать напутственные слова.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

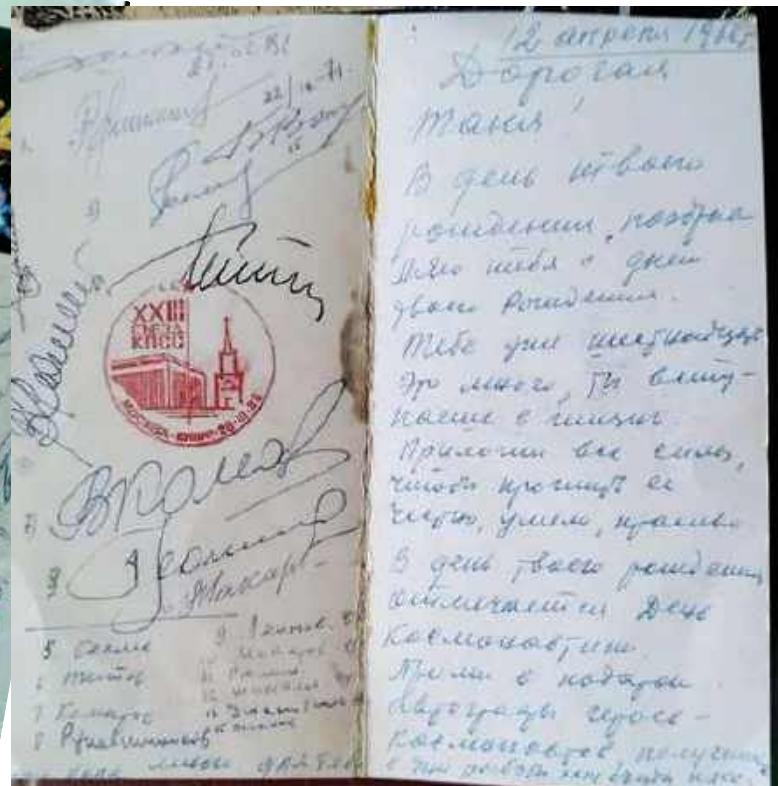
«Я так и сделал, причём писал перед началом концерта, не зная, что на него прибудут с семьями космонавты. Они были, пожалуй, самыми почётными людьми в стране, пришли и сели на первый ряд. Супруга генерала Пильщуга, делегата от Свердловской области, шепнула: «Пётр Георгиевич, было бы хорошо, если бы на вашей открытке расписался Юрий Гагарин. Вы знаете, как будет рада ваша дочь!». Предложение мне понравилось, и пока зрители рассаживались, я вышел со своего места и подошёл к Юрию Гагарину. Он беседовал с женой, а рядом сидели Быковский, Попович, Николаев, Терешкова.

— Юрий Алексеевич, извините, такое дело у меня, — сказал я, обращаясь к Гагарину. Он отвлёкся от разговора с женой и удив-

Юрий Гагарин
на XXIII съезде
КПСС

ФОТО ПЕТРА ПРОНЯГИНА

лённо посмотрел на меня. Знакомое лицо, чуть улыбающееся, глаза чуть прищурен, над бровью шрам.

— Давайте, давайте. Что у вас? — сказал Гагарин, видя, что я немного замешкался.

— 12 апреля день вашего полёта в космос, а моей дочери исполняется 16 лет. Не откажите в просьбе дать автограф ей на этом послании! — и я протянул открытку с изображением русской тройки в стиле палехской живописи.

Юрий Алексеевич взял открытку, прочитал написанное мною. Его жена, нагнувшись из любопытства, тоже устремила взор на написанное.

— Ради такого случая отказать нельзя! — воскликнул Юрий Гагарин. — Ручка есть?

— Есть, — ответил я, протягивая четырёхцветную шариковую ручку.

— Ребята, — сказал, обращаясь к соседям-космонавтам, Гагарин, — прошу присоединиться ко мне. Давайте поздравим дочку товарища с днём рождения!

Юрий Алексеевич протянул открытку и ручку Быковскому. Тот посмотрел написанное и сказав «согласен», расписался. Открытка пошла по ряду. Занавес стал раздвигаться, начинался концерт, я заспешил на своё место и, уже пробираясь между рядами и изви-

Звёздные автографы

няясь за беспокойство, получил из рук Поповича ценный сувенир.

— Вот видите, как удачно получилось! — сказала супруга Пильщука — Лучшего подарка не придумаете. А от меня ей передайте это, — она протянула деревянный флакончик с болгарским розовым маслом. Я стал отказываться из вежливости, но она настояла на своём. Таким образом я был доволен весьма и весьма».

Что же пожелал счастливый отец своей дочери? Какое послание удостоверили своими автографами советские космонавты? С разрешения Татьяны Петровны Астафуровой (Пронягиной) публикуем текст из той раритетной открытки.

«12 апреля 1966 г. Дорогая Таня! Поздравляю тебя с днём твоего рождения! Тебе уже шестнадцать. Это много, ты вступаешь в жизнь. Приложи все силы, чтобы прожить её честно, умело, красиво. В день твоего рождения отмечается День космонавтики. Прими в подарок автографы героев-космонавтов, полученные в дни работы XXIII съезда КПСС мною для тебя. Папа».

Эту открытку, подаренную Тане, отец потом ещё не раз просил у неё «на время». Бывая на различных мероприятиях в столице, он часто встречался с космонавтами и просил их добавить свои подписи к тем, что оставил Юрий Гагарин и другие космические герои. В итоге таких автографов набралось ни много ни мало — девятнадцать! Вот их имена: Юрий Гагарин, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Валентина Терешкова, Георгий Береговой, Петр Климук, Алексей Елисеев, Владислав Волков, Владимир Комаров, Павел Беляев, Герман Титов, Николай Рукавишников, Алексей Леонов, Олег Макаров, Валерий Рюмин, Владимир Шаталов, Владимир Джанибеков, Олег Атьков.

К слову, дочь Пронягина — Татьяна Петровна, думается, исполнила наставления отца в полной мере. Стала прекрасной женщиной, женой, мамой двух сыновей, бабушкой трёх внуков (правнуоков Петра Георгиевича). И крупным учёным, доктором наук, профессором, директором Сибирского ботанического сада ТГУ. Докторская диссертация Татьяны Петровны тесно связана с темой космоса.

Пётр Пронягин в томский отрезок своей жизни познакомился с уроженцем Томска, космонавтом, ставшим дважды Героем Советского Союз-

Пётр Пронягин, 1967 г.

**Космонавт Андриян Николаев
в окружении комсомольцев на
XXIII съезде КПСС**

ФОТО ПЕТРА ПРОНЯГИНА

**Космонавт Герман Титов на
XXIII съезде КПСС**

ФОТО ПЕТРА ПРОНЯГИНА

**Космонавт Николай
Рукавишников на вручении
кубка лучшей бригаде
«Химстроя», Томск, 1978 г.**

за Николаем Николаевичем Рукавишниковым. Они подружились. Рукавишников часто приезжал на стройки, которыми руководил Пронягин. А на строительстве Томского Нефтехима было даже организовано трудовое соревнование между бригадами на приз имени Рукавишникова.

4

Пронягин. Славский. Лигачев

...Прошла пятилетка, настала другая,
И времени нет оглянуться назад.
Есть новое дело! Былое сметая,
Приказано строить большой комбинат.
Истройка пошла! Где в напряг, где свободно.
Усилия наши пошли нам в зачёт,
Министр навещал Нефтехим ежегодно.
Держал под контролем ход дел Лигачев.

Пётр Пронягин, 1986

Знакомство

В 1967 ГОДУ для Петра Пронягина начался новый жизненный этап — он был назначен начальником строительного управления «Химстрой», главной и самой крупной строительной организации Томской области, одной из крупнейших в системе Министерства среднего машиностроения, ведомстве, отвечающем за атомную отрасль Советского Союза.

Томский период жизни и деятельности Петра Пронягина стал для него по-настоящему звёздным. Пик карьеры, высшая точка самореализации — как строителя, как созидателя, как человека.

Все эти годы его жизнь и судьба были тесно связаны с личностями двух выдающихся государственных деятелей: главы Минсредмаша Ефима Павловича Славского и первого секретаря Томского обкома КПСС, впоследствии секретаря ЦК и члена Политбюро ЦК КПСС, Егора Кузьмича Лигачева.

Два высших руководителя Пронягина, один — по служебной линии, другой — по партийной.

Отношения в этом «треугольнике», при всей, быть может, их разномасштабности, оказали сильнейшее влияние на Петра Георгиевича. И многие страницы его воспоминаний, посвящённые Славскому и Лигачеву, тому прямое доказательство.

С Ефимом Павловичем Пронягин познакомился во время XXIII съезда КПСС, делегатами которого они оба были избраны от Свердловской партийной организации.

К этому моменту Славский уже был легендарной личностью. Был он старше Пронягина на 26 лет, участвовал в Гражданской войне, воевал в составе Первой Конной армии Будённого.

**Ефим
Павлович
Славский**

**Егор Кузьмич
Лигачев**

В годы Великой Отечественной войны руководил алюминиевым заводом на Урале, единственным предприятием в годы войны, производившем алюминий. В послевоенные годы был назначен заместителем начальника Первого Главного управления при Совете министров СССР, на которое была возложена задача по созданию атомной промышленности и ядерного щита Родины. Возглавлял комбинат №817 (в будущем ПО «Маяк»), где создавалось производство плутония для атомной бомбы. 29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне был произведен взрыв первого советского атомного боезаряда, сделанного из плутония, полученного на комбинате № 817.

В 1957 году встал во главе Министерства среднего машиностроения. Дважды был удостоен Сталинской премии первой степени, носил три звезды Героя Социалистического Труда, шесть орденов Ленина (а всего их будет у него десять!).

Конечно, для Петра Пронягина Славский был непререкаемым авторитетом. И когда в дни работы партийного съезда ему довелось познакомиться с ним в неформальной обстановке, он был нескованно этому рад, не догадываясь еще, что совсем скоро таких встреч будет очень много.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«После закрытия съезда в ресторане гостиницы «Юность» был товарищеский ужин делегатов Уральских областей... Ужин бы ве-

сёлым, сидели делегациями. Выпили раз, другой, третий. Космонавт Попович в составе челябинцев пробовал запевать — стоя, сильным голосом — «Урал, Урал, твои просторы...», но его перебили «Рябинушкой», а потом пели — кто громче и дружнее. Министры Славский и Жигалин сидели рядом, в кругу делегатов-рабочих, и разговаривали на жизненные темы. Жигалин предложил выпить французского коньяка, сходил в буфет и принёс пузатую бутылку. Разлили по рюмочкам, выпили.

— Ну как? Хорош французский коньяк? — спросил он лесоруба, сидящего напротив.

— Наша водка лучше, — ответил тот.

— Я тоже так думаю, — ответил министр.

— Раз так думаешь, то давай, наливай, — вставил Славский.

Водка стояла на столе, и налить было не трудно.

— На всю жизнь не забуду, как выпивал с министрами. Я думал, что они какие-то особенные, а они — наши, простые, как и мы, — сказал кузнец с Уралмаша и попросил чокнуться.

— Вы думаете, я родился министром? — говорил Жигалин, — Нет, я прошёл школу жизни от крестьянского паренька. А теперь мне доверила партия быть министром энергетического машиностроения.

Славский в это время танцевал вальс со сварщицей из Качканара, рыжеватой девицей.

— А чем командует тот министр? — спросил меня сосед по столу, кажется, из Тагила.

— Спроси у него сам, — ответил я.

Танец кончился, Ефим Павлович проводил за стол партнёршу и сказал мне:

— Давно не кружился, устал. Но на ноги барышне не наступал! Ты моложе меня, лет 30 разница, иди танцуй, а я отдохну!

Разыгравшуюся сварщицу повёл танцевать фокстрот уже я. А она мне говорит:

— Я думала, министр — старый совсем, а он кружится, как молодой. Молодец какой!

— Он и есть молодец, — ответил я ей. — Не смотрите, что ему уже около 70 лет.

— Ну, уж 70! Не разыграйте меня!

Разыгрывать мне её не было смысла, тем более, что я говорил правду.

А Ефим Павлович собрал вокруг себя группу делегатов, в том числе и моего однокомнатника Романова, первого секретаря Алапаевского ГК КПСС, и объяснял им:

— Если бы не наши атомные бомбы, американцы нас давно задавили бы. А мы дело так ведём, что подводные лодки вокруг земного шара прошли и ни разу не всплыли. Такую технику не просто создать, а создали её наши учёные, инженеры, рабочие. И я горжусь тем, что в нашем министерстве много таких. Вот он, — Славский кивнул в мою сторону, — знает всё!

Мы выпили за наших рабочих. Ужин закончился в полночь. Пошли одеваться. Пильщук с женой и Славский раздевались в нашем номере, на третьем этаже. Но разойтись быстро не пришлось.

Ефим Павлович предложил посидеть, Пильщуки согласились, ибо рассчитывали доехать с ним, как условились заранее. Я и Романов были рады слушаю, считали, что не задержим гостей.

А Славский ударился в воспоминания, стал рассказывать, глядя в окно, где проходила окружная железная дорога и виднелись Лужники, как он в своё время здесь проводил учения кавалеристов. Рассказчик он был необыкновенный, его можно слушать часами. Вот и сейчас он говорил:

— Курсы были в Кремле. У меня грамоты — три класса сельской школы, у других — меньше, у кого и больше. Но учили нас не грамоте, а как наступать да отступать, как за конём ухаживать, как шашкой рубить. А мы уже нарубились в Гражданскую досыта и коня знаем лучше себя. И всё равно — учимся. Утром с ординарцем из хамовнических казарм верхом на Красную площадь скакаем. Там коня оставлял на ординарца, как и другие, и, пока день учимся, ординарцы навозом торговали. Лошади то и дело валили, за ними убирать не приходилось: москвичи его сразу метёлкой — и в мешок. Для огородов нужен. Ординарцы за навоз имели чай и водку.

С одной темы переходили на другую. Пильщуки его поддерживали, а мы с Романовым слушали. Прошло часа два. Ефим Павлович говорит:

— Хозяева, а у вас выпить найдётся?

Я переглянулся с Романовым, тот понял сразу:

— Конечно!

— Тогда давайте «на посошок», да надо ехать, отдохнуть!

Романов достал бутылку водки, две банки консервов, печенье, конфеты. Я организовал стаканы. Консервы открыть оказалось нечем, столовый нож для таких операций не годился. В банке были красная и чёрная икра, шпроты.

— Не мучайтесь, выпейте да конфетками закусите, — сказала жена Пильщука.

— И то дело, — поддержал её Николай Иванович.

**На XXIII
съезде
КПСС. Ефим
Славский
среди коллег**

Мы чокнулись, выпили, крякнули и потянулись к горке конфет.

Расходиться не хотелось. Возможно, и затянулась бы наша беседа, но женщина взяла верх над нами. Гости стали собираться. Я проводил их до «Чайки», где расстались. С Пильщуками я больше не виделся, а с министром в понедельник состоялась встреча всех делегатов-средмашевцев. Романов вздыхал, когда я вернулся.

— Надо же, как мы оконфузились. Чёрт возьми, не думал, что ножик потребуется. Надо же, выпили с такими высокими людьми, а закусили «мануфактурой»!

— Не переживай, зато лучше такой вечер запомнится, — утешил его».

С Егором Лигачевым знакомство Пронягина сначала получилось заочным.

В конце июля 1967 года он, по договорённости между обкомом КПСС и руководством Министерства среднего машиностроения, прибыл в Томск на предмет возможного назначения на должность начальника управления «Химстрой».

В аэропорту его встретил секретарь обкома Григорий Судобин, ведающий делами строительства. Он, как и Пронягин, закончил Горьковский инженерно-строительный институт, но на полгода позже. Они не были близко знакомы до февраля 1967 года. Тогда на совещании в ЦК КПСС, на котором были собраны первые секретари горкомов партии закрытых городов, Судобин представлял горком КПСС г. Томска-7, а Пронягин — Свердловска-45. Они при знакомстве обменялись сведениями об общих товарищах, вспомнили некоторые детали из студен-

ческой жизни, после чего расстались, не предполагая, что их пути вскоре сойдутся.

Как потом прояснилось, инициатором приезда Пронягина в Томск был именно Судобин, подсказавший Лигачеву возможный вариант замены руководства «Химстроя», состоявшего до этого из полковников и генералов, труднодоступных для него, — партийного работника.

«Мой приезд носил характер тайного визита, якобы для общения с местными партийными органами, чтобы не вызывать каких-либо разговоров. Начальником «Химстроя» был генерал-майор Герой Социалистического Труда Грешнов Александр Капитонович, очень опытный строитель и порядочный человек. Он не предполагал, что ему готовится замена, хотя по сложности складывающихся отношений с Лигачевым понимал, что их совместная работа долго не продлится», — вспоминал Пронягин.

Судобин поведал Петру Георгиевичу: «В области начинаются большие дела. Обком возглавил энергичный секретарь, не то что его предшественники. При них область дремала, была на задворках. Теперь другие времена: в северных районах открыты богатые месторождения нефти и газа, их надо быстрее осваивать и наращивать добычу, а это даст толчок для развития всей области. К сожалению, у нас нет пока сильных строительных организаций, а главное — развитой базы стройиндустрии. Но всё это есть в «Химстрое», и пора его потенциал направлять на развитие областных производительных сил, а не только на интересы одного Министерства. Обком партии нацелен форсировать нефтедобычу, глубокую переработку нефти и газа в химическое сырьё и готовую продукцию. У нас есть идея: начать строить крупный нефтехимический комплекс».

Словом, загрузил по полной. И Пронягин после этой поездки, взвесив все за и против, посоветовавшись с семьёй, принял судьбоносное решение — и для себя, и для «Химстроя», и для Томской области.

В ноябре 1967 года приказом министра Славского он был назначен начальником управления строительства в Томске-7.

Напутствуя Пронягина перед отъездом в Томскую область, Ефим Павлович сказал:

— То, что я скажу тебе, должно остаться пока между нами. Наше государство очень много вложило в развитие атомной промышленности, так надо было на определённом этапе. Том-

ская область, куда ты едешь, многим пожертвовала ради военно-го комплекса у себя под боком. Пора возвращать долги народу! Тебе предстоит не только сменить на посту начальника строительства генерала, но и повернуть там жизнь на человеческие рельсы. Кое-что там уже начал делать первый секретарь обкома Лигачев, но у него не выстраиваются отношения с генералами. А нам такое противостояние Москвы и области не нужно — это разрушительно для экономики страны. Мой выбор пал на тебя, Пётр Георгиевич, именно потому, что ты в одном лице представляешь и строителя, и партийного руководителя. Вот и договаривайтесь как два партаппаратчика там, на томской земле!

Об обстоятельствах назначения Пронягина позже сам Лигачев рассказал в своих мемуарах. Вот как он описывает эту историю в книге «Предостережение» (1999):

«Томская область в ту пору была слабой, как говорили, неперспективной. Мой предшественник в обкоме даже вынашивал планы её упразднения за счёт присоединения к Новосибирской или Кемеровской. Приличных дорог почти не было, и это сдерживало развитие сельского хозяйства. Да и рассчитывать не на что — строительная база в зачаточном состоянии. Зато в области поселилась крупная, по существу военная строительная организация Министерства среднего машиностроения. Она нам не подчинялась, замыкалась прямо на Москву, её руководители были полностью автономны.

Тем не менее я решил пригласить к себе генерала, возглавлявшего военных строителей, и попросил его о помощи:

— У меня просьба к вам — помочь со строительством на селе. Задыхаемся от бездорожья, сами знаете...

Но генерал не привык выполнять просьбы областного руководства. Он только пожал плечами и назидательно произнёс:

— Родина поставила перед нами, Егор Кузьмич, другие задачи. Мы не можем отвлекаться на помочь аграрному сектору.

— Понимаю, но это не просто моя личная просьба, это просьба обкома партии. Положение действительно безвыходное. Вы должны нам помочь.

Разговор быстро приобретал резкий характер. С обеих сторон тон повышался с каждой фразой. Наконец, я поставил вопрос ребром:

— Ну что ж, если так, то мы созвём бюро. Не забудьте, вы состоите на учёте в областной парторганизации, будем решать.

Но генерал оказался мужиком крепким. Он вскочил и почти гаркнул:

— Не вы мне партбилет вручали, не вам его у меня и отбирать!

И — к двери.

— Одну минуту!

Я поднял трубку телефонного аппарата ВЧ — высокочастотной правительственный связи и набрал номер министра среднего машиностроения СССР Ефима Павловича Славского...

Когда я позвонил ему, он не сразу понял, в чём дело, о чём идет разговор. Фамилию мою он, возможно, даже не слышал. Тем не менее говорил со мной вежливо. Но по существу ответил тем же, что и генерал: партия и правительство поставили перед нами очень ответственные оборонные задачи, и мы не вправе отвлекаться на выполнение побочных поручений.

И тогда я сказал:

— Ну что ж, в таком случае ваш работник вернётся к вам без партийного билета.

На том и распорошались — довольно сухо. Причём весь этот разговор проходил в присутствии генерала.

А примерно через неделю, видимо, взвесив эти и другие обстоятельства, Славский отзвал того генерала в Москву. На его место прибыл другой человек — П.Г. Пронягин...»

Очное знакомство с первым секретарём обкома состоялось вскоре после назначения.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«Судобин познакомил меня с Лигачевым через неделю после вхождения меня в новую роль.

Лигачев принял нас у себя в кабинете, простая обстановка которого бросилась мне в глаза. Стоял стол, на котором лежали разбросанно какие-то бумаги, очевидно, он работал с ними, когда мы вошли. В стороне стоял длинный стол, если сидеть за ним, то через окно виднелся драматический театр, доставшийся городу ещё с дореволюционных времён.

Лигачева в Томске и области принято было звать не Егором, а Юрием Кузьмичом. Ему нравилось такое обхождение, оно каза-

**Александр Капитонович
Грешнов, начальник
«Химстроя» до 1967 года**

**Григорий Судобин, секретарь
Томского обкома КПСС**

**В этом здании на пер. Нахановича находился
Томский обком КПСС во времена Лигачева (ныне
в нём размещается Художественный музей)**

лось более возвышенным и интеллигентным, чем простонародное деревенское — Егор. Я вспомнил отца, которого от рождения тоже нарекли Егором, но при получении паспорта он стал Георгием. И мы стали Георгиевичами, а не Егоровичами. Только во Львовке, да старые деревенские друзья и родные звали отца Егором, на что он не обижался. Лигачева, очевидно, боялись называть настоящим именем и звали Юрием, за что он никого не поправлял...

Лигачев вышел из-за стола и, широко расставив ноги и улыбаясь, протянул руку для знакомства. Притглашая сесть за стол, вскинул рукой седеющие волосы, распадающиеся пробором на голове на две неравные части, одна из которых торчала хохолком.

— Как устроились на новом месте? — последовал вопрос, и, не дождавшись ответа, Лигачев продолжил. — Мне Григорий Николаевич рекомендовал вас как опытного строителя и ответственно-го партийного работника. Нам как раз нужны такие люди. Я надеюсь, вы подкрепите его характеристику делами.

— Постараюсь.

— Здесь нечего стараться, хотя старание — хорошее качество. Надо действовать! Ваш предшественник, да и многие оставшиеся, того не понимают. Они привыкли работать в условиях полнейшей безотказности и избаловались вниманием, не понимают нужды тех, от кого в своё время оторвали средства и возможности. Я думаю, что вы будете активно помогать обкому партии решать про-

блемы области, в том числе и областного города. За аэропорт — спасибо! Смотрите, сколько радости получили томичи от работы вашего коллектива. Наша область должна быстро развиваться, надо смелее идти на разведку нефти и газа, они на севере есть, нужно осваивать север, многое и многое строить. Было время, когда строили ваш город и предприятия, теперь настал черёд строить для области, и вы должны помочь больше строить здесь, пока местные строители не наберутся сил.

— Им надо, как минимум, лет пять, — сказал Судобин. — Здесь, в Томске, нет ни базы, ни опытных строителей, а нам нужно быстрее строить новый Стрежевой. Мы как-нибудь туда смотримся.

— Кадрами поделится Пётр Георгиевич! В «Химстрой» резервы есть, — продолжал Лигачёв. — И продукцией своей промышленной тоже. Но главное — надо больше строить здесь самим. В первую очередь помочь науке. Томск — город науки. А вы видели, как живут студенты, преподаватели и даже профессора?

— Нет, не видел.

— А вы посмотрите. Григорий Николаевич, помогите ему увидеть, как в общежитиях студенты спят на трёхъярусных нарах. Трёхъярусных! Я, когда увидел, не поверил глазам.

— Хуже заключённых, — поддакнул я, — те на двухъярусных спят.

— Но то студенты, а не преступники, — сказал Лигачев, — а мы же не можем, точнее, не хотим общежития строить. Нет, так дело не пойдёт! Давайте помогайте.

— «Химстрой» строит для вузов, — сказал я, — выходит, недостаточно.

— Что он строит? Слёзы! Мне с трудом удалось в правительстве добиться выделения капвложений, а они не осваиваются. Надо, минимум, удваиваться, а то и утраиваться. Вот вам задача!

Лигачев встал, и я понял, что беседа заканчивается.

— Между прочим, вы готовьтесь, мы вас на заседании бюро обкома послушаем, как вы собираетесь наращивать объём строительства в области.

— Сначала надо его утвердить на бюро, — предложил Судобин.

— Сделаем на очередном заседании.

Лигачев простился и направился к своему столу, на котором зазвонил телефон. Уже в дверях было слышно, как он громко сказал: «Алло, Москва? Лигачев говорит. Томский обком...»

— Готовься к бюро, раз Кузьмич сказал, то будем слушать твои предложения, как наращивать объёмы здесь, — сказал Судобин.

Я понял, что наступила пора осмыслить перспективу, в том числе ближайшую, на 1968-й год».

Пучинистые грунты

О ТОМ, насколько трудно будет совмещать интересы министерства и области, Пронягин в полной мере почувствует совсем скоро.

С одной стороны, жёсткий прессинг со стороны главка и директора Сибирского химического комбината Степана Зайцева с требованием, чтобы «Химстрой» основное внимание, материальные и кадровые ресурсы тратил на объекты СХК. С другой, не менее жёсткое давление Лигачева и обкома партии с тем, чтобы строители Томска-7 наращивали свои объёмы на объектах областного центра, прежде всего, вузовских.

В январе 1968 года на бюро обкома заслушали вопрос о планах «Химстроя» по строительству объектов в городе Томске. Пронягин, посоветовавшись с коллегами, решил воспользоваться трибуной, чтобы получить от региональных властей встречное движение — помочь кадрами, предоставлением земельных участков под строительство жилья для строителей, решением вопросов в ряде ведомств (том же Минвузе) по приобретению техники для расширения мощностей работающего в Томске СМУ-8. В противном случае придётся отвлекать силы от строительства объектов СХК, а за это «Химстрой» спросят по всей строгости уже в министерстве.

С этими планами Пётр Георгиевич направился на заседание бюро. Однако не успел он закончить свой доклад, как его оборвал Лигачев:

— Вы что нам тут свои идеи подбрасываете? У «Химстроя» достаточно сил, чтобы выполнить план текущего года и даже перевыполнить его в полтора, а то и два раза. Мы так вам сегодня

и запишем. Никаких средств от вузов на своё развитие вы не получите. Просите у своего министерства — оно во много раз богаче. Что брать у вузов? У них и без того жалкие капвложения, которые нам с таким трудом пришлось выбивать в правительстве.

Пронягин хотел продолжить своё выступление, но тем ещё больше раззадорил первого секретаря. Лигачев сказал, повысив голос:

— Вы что нас тут учите? Приехали учить, как надо строить? Вы будете делать то, что вам сегодня здесь запишут. Подумашь, приехал и учит. Свободную площадь просит. А кто будет сносить гнилушки? Нет, Пётр Георгиевич, вы нас увольте от ваших планов, мы их не примем. Вы привыкли жить за забором, как при коммунизме, вам всё время всё давалось, а теперь извольте отдавать долг советским людям!

Члены бюро обкома, включая Судобина, тут же дружно поддержали первого секретаря.

Так Пронягин получил первый урок от Лигачева. Аргументов, почему этого нельзя сделать, Егор Кузьмич не принимал, какими бы убедительными они не выглядели. Давил, пока не получал результат, нужный региону. Если результата не было, для первого секретаря причина была только одна — несоответствие ответственного лица занимаемой должности.

В министерстве тоже случались грозовые дни.

Однажды Пронягину последовал неожиданный вызов в Москву, к министру. О причинах вызова не сказали.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«Приехал. Вхожу к Славскому в кабинет. Министр сидел за столом, в белой рубашке, пиджак на спинке кресла. Подтяжки держали брюки на большом животе его крупной фигуры. Поздоровался, пригласил сесть.

— Сейчас приглашу кое-кого, и вместе посмотрим альбомчик, — сказал Ефим Павлович, ехидно улыбаясь. Он нажал кнопку звонка, вошли главный инженер главка Василий Васильевич Киреев, его заместитель Александр Капитонович Грешнов и Николай Николаевич Волгин, начальник главка.

Министр взял лежащий на отдельном столе альбом и протянул его мне.

— Смотри, что ты строишь. Я уже полюбовался. Потом пусть посмотрят твои начальники и мы решим, что делать.

Ефим Славский
и Пётр Пронягин

**Кабинет министра среднего
машиностроения СССР
Е.П. Славского**

Я взял альбом, раскрыл первую страницу и увидел на снимках одноэтажные кирпичные дома в совхозе «Межениновский», растрескавшиеся и частично разваливающиеся. И понял всё! Таких домов, двух- и четырёхквартирных, в общей сложности там возвели 22. Строило их СМУ-1, где начальником был Шекарев, а строй участком командовал капитан Слюсарь. Строили всю осень и зиму, но сдали только три, в одном сделали столовую для строителей, в другом разместили контору участка, в третьем жил стояж. Их наспех отделали внутри, отапливали временными печами. Остальные дома были возведены под крышу, для отделки ждали летнего тепла, так как теплосети отставали, и котельная была ещё не построена.

С началом оттаивания грунта дома стали в кладке трещать — у карниза больше, к фундаменту меньше. Картина ясная — явление всучивания грунтов. С осени их обводнили, не утеплили, основания не прибрали, они всучились, а теперь оттаивают, и кладка, осаживаясь, даёт трещины.

Всё это обнаружилось весной. Подключили проектировщиков. Оказалось, что Слюсарь подал «рацпредложение», снизив глубину заложения фундаментов до 1-1,5 метра вместо 3-х. И проектиров-

щики согласились, доверившись данным изыскателей, что вроде бы грунты сухие. Получилась большая экономия и премия за рационализаторство. Но природа распорядилась по-своему.

Вместе с директором филиала Ленгипростроя Щукиным я на месте обсуждал вскрывшуюся проблему в окружении своих подчинённых, а они — своих. Проектировщики обвиняли строителей в неправильном производстве работ, строители в ответ говорили, что в проекте нет особых условий для производства работ в пучинистых грунтах. Спор разрешила старушка, к которой я обратился, пока мы шли по улице посёлка.

— Бабушка, вы здешняя? — спросил я.

— Да, а что?

— Скажите, у вас подпол или погреб есть?

— Есть, однако.

— А вода в них есть?

— Вода-то? А как же, всегда бывает.

Щукин сразу ощетинился. По данным его проектов, грунты были сухие.

— А когда бывает вода?

— Так каждую весну почти.

— А сейчас есть?

— Сейчас нет, старики вёдрами откачали. И так было под пол почти.

Нам стало ясно, что проектировщики, когда вели изыскания, не смогли уловить уровень верховых вод, а грунтовые, действительно, залегали глубоко. Щукин понял, что его люди дали маху и перестал спорить. Собрал свою команду в машину и укатил, бросив на ходу: «Будем решать».

Однако поиск решения затянулся. Проходило лето, и директор совхоза, видя, что в зиму он входит без жилья для работников, решил действовать по-своему. Кто его подбил на изготовление фотоальбома и отправку его министру, трудно сказать. Недоброжелателей со стороны заказчика, желающих укоротить строителей и обелить себя, хватало!

Слюсарь, прихватив энергичную сметчицу, отправился добровольно строить Краснокаменск в Читинской области, где радовались любым специалистам. Прораб, почувствав запах жареного, тут же уволился.

Таким образом, в альбоме, который мне протянул министр, я отчётливо увидел часть своей вины и понял, что крыть мне нечем. Приготовился к худшему — крутой нрав Славского я знал.

— Ну что, посмотрел? Красиво, не правда ли?

— Посмотрел. Ничего хорошего. Разрешите объяснить?

— Пусть другие посмотрят.

Альбом пошёл по кругу. Киреев стал вслуш возмущаться, Грешнов попросил рассказать подробности. Я вкратце пересказал суть истории и заверил, что приеду и приму все меры для ускорения восстановительных работ на этих домах, чтобы до зимы заселиться. Министр взвился и дал волю своему «словословию», а оно у него богатейшее, многие завидовали его умению выражаться сочно, выразительно и, главное, доходчиво.

— Какого... (далее не привожу)!!! Никаких ... восстановительных работ! Снести всё к ... матери, и чтоб видно не было, что там стояло. Сколько надо времени?

— Ефим Павлович, не надо ломать, жалко, там затраты на 230 тысяч рублей. Мы сделаем...

— Какие.... затраты?! Сломать, мать твою так, и немедленно! Слышишь? Чтобы я такого позора не видел! Ишь ты, 230 тысяч жалко! Да вы удвоите эти 230 тысяч, пока ковыряетесь. Сломать всё, и заново построить! Слышиште? — обратился Славский ко всем.

— Конечно, надо ломать, — согласился Волгин, — нечего тут обсуждать.

— Надо всё же понять, кто сморозил такую штуку? — вставил Киреев. — Не может быть, чтобы проектировщики были такими дураками. Я сейчас попрошу Щукина дать мне справку.

— Всё может быть, я проект видел, когда работал там. Не первый случай, когда они не учитывают пучнистых грунтов. В Томске нельзя строить на ленточных фундаментах, а на сваи проектировщики не соглашаются, говорят, — дорого, — сказал Грешнов, защищая меня.

Но защита вызвала новый приступ ярости со стороны министра, на этот раз в адрес Грешнова.

— Ах ты, старая..., что тут рассусоливаешь, а ещё генерал! Ему, — он показал на меня, — ещё простительно, он новый начальник, неопытный, а ты, ..., всех собак переел на стройках. Зачем же ты взял такой проект? Плюнул бы в морду проектировщикам!

— Проектировщики! — не мог остановиться министр. — Словото-то придумали дурацкое. Да такие дома десятник без образования артелью мужиков построил бы добротней, чем ваши сотни инженеров. Даю тебе месяц, чтобы ты всё снес и прислал такой же альбом, как всё стало. Понятно?

— Понятно, сделаем, — ответил я. — Но пусть запроектируют новый посёлок, на сваях, или многоэтажные дома, их не вспучит.

— Это вот пусть они (он показал на Киреева и Волгина) решают. А тебе, товарищ начальник, хоть ты молодой, и я тебя уважаю как бывшего партийного секретаря, я объявляю выговор. И тебе, старый хрыч (это уже Грешнову), чтобы вовремя спрашивал с проектировщиков. Позор какой!

Славский не мог остановиться.

— Противно! Строим такие сооружения, зарубежники ахают! Мне вот недавно звонил премьер (Косыгин), он посетил Ленинградскую атомную станцию и благодарил за отличную АЭС. И за город Сосновый Бор. Картинка, говорит, достоин премии, убедился, что ваши люди строить умеют, спасибо. Правда, добавил: только, Ефим Павлович, входные двери в дома у вас ставят с фанерной филёнкой, они долго не простоят, а зимой там холодно. Вот тебе и проектировщики! Премьер увидел негодные двери, а ваши проектировщики не видят!

— Я разберусь, — тут же сказал Киреев.

— Не разберусь, а головы поотрывают! — подправил Славский.

— Вот и я говорю, такие города строим, что глава правительства хвалит. А вы говёный посёлок не можете соорудить в двадцать домов. Больше года возитесь. Не дай Бог, американцы со спутников сфотографируют ваши художества да раззвонят на весь мир: вот, дескать, как у Славского строят!

— Я всё понял, Ефим Павлович! Сделаем, — сказал я.

— Хорошо, свободен.

Я вышел из кабинета министра.

Вернувшись в Томск, немедленно собрал техсовет. Шекареву предложил отставку, а назначенному на его место главному инженеру Белостоцкому приказал в две недели выполнить всё, на что министр отвёл месяц.

В Межениновку направили экскаваторы, самосвалы, кран. Всё убрали быстро и аккуратно. Убытки принял на себя УКС СХК. Щукин, как условились, запроектировал срочно три трёхэтажных панельных дома на свайных основаниях, количество квартир было компенсировано с лихвой.

Альбом министру с фотографиями ликвидации «безобразия» я послал через Киреева. Показал тот его или нет, не знаю. Но урок мне пошёл на пользу».

Между молотом и наковальней

ПОСТЕПЕННО «Химстрой» всё масштабнее и основательнее расширял своё присутствие в Томске и других территориях за пределами «колючки». В областном центре строились студенческие общежития-девятиэтажки, корпуса вузов и научно-исследовательских институтов. Начали строительство Дворца зрелиц и спорта. Для приборного завода возводили больничный комплекс (будущую МСЧ №2) и Дом культуры (будущий «Авангард»). Прорабатывался вопрос о строительстве комплекса дальнего теплоснабжения, которым закрывалась потребность половины Томска в тепле. Начиналось строительство водозабора из подземных источников.

Но областным властям этого было мало. Лигачев требовал большего.

На различных совещаниях и мероприятиях Пронягину не раз приходилось выслушивать от него публичные заявления: «Вы там за проволокой зазнались, и мы приберём вас к рукам», «Мы заставим вас повернуться лицом к Томску!»

На одном из заседаний бюро обкома, на котором слушался вопрос о строительстве объектов теплоснабжения, на реплику Пронягина о том, что «строительство теплосетей для «Химстроя» — дело не только трудное, но и невыгодное», Лигачев резко бросил в сторону Петра Георгиевича: «Вы почему, товарищ Пронягин, так ведёте себя на бюро обкома? Вы не у себя в кабинете и будете выполнять те решения, которые мы здесь примем. Здесь не базар, где подсчитываются барыши, а партийный орган, который решает вопросы, нужные трудящимся города!»

Отношения с первым секретарём обкома явно не складывались. Пронягин, сам человек волевой и упрямый, с твёрдым характером, но при этом не твердокожий, всегда глубоко переживающий то, что происходит вокруг, чутко реагирующий на несправедливость — не по отношению к нему даже, а к многотысячному коллективу строительного управления, которое он возглавлял.

«Я понял, что высовываться не следует, иначе будешь врагом народа, который защищал Лигачев. А то, что «Химстрой» — это не я, это тоже народ, не доходило у тех, кто выступал с осуждением моих заявлений», — с горечью писал Пётр Георгиевич после очередной «выволочки» на бюро.

Его также задевало, что, требуя и давя, обком и облисполком на деле мало помогали «химстроевцам», когда им требовалась помочь.

Так, для СМУ-8, подразделения «Химстроя», работающего на объектах Томска, Стройбанк отказался признавать ведомственные расценки, которые были несколько выше в силу специфики Минсредмаша. В результате управление строительства не дополучило свыше 200 тысяч рублей за ранее выполненные работы и в дальнейшем, работая вне пределов Томска-7, вынуждено было терять по 9 копеек на каждом рубле.

Когда Пронягин попробовал получить поддержку в обкоме и облисполкоме, ему ответил Судобин: «Разбирайтесь сами, это хозяйствственные вопросы».

Пронягин написал письмо Славскому. Ему позвонил заместитель министра Пётр Георгиевский и сказал: «Вы писали письмо министру, что у вас там в Томске не платят по вашим расценкам? Так вот, надо обращаться ко мне, у министра и без того забот много. А на ваше письмо я вам отвечаю: если платить не хотят, то прекращайте строить. За убытки мы с вас спросим!»

На следующий день Пётр Георгиевич добился приёма у Егора Кузьмича. Рассказал всё, как есть, попросил помочь. Сказал: «Не бросать же нам в Томске строить!»

— Ни в коем случае, мы с вас строго спросим! — отрезал Лигачев.

«Я оказался между молотом и наковальней. Но поковки из меня не получилось, — резюмировал в своих воспоминаниях Пронягин. — Не знаю, что было сделано теми, к кому я обращался, но Стройбанк получил указание вернуться к пересчёту в нашу пользу. Заказчики согласились на наши расценки, иначе оставались бы без надёжного генподрядчика».

История про химстроевских экскаваторщиков

В апреле 1972 года при запуске магистрального нефтепровода Александровское — Томск — Анжеро-Судженск, неподалёку от деревни Малиновка, где «Химстрой» вёл строительство птицефабрики, произошла крупная авария.

Лопнул трубопровод диаметром больше метра, уже заполненный нефтью.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«Пока аварию обнаружили, пока доложили куда надо, пока принимали решения и перекрывали задвижки, тысячи тонн нефти вылились наружу, разливаясь по логам, смешиваясь с талым снегом и весенними ручьями, текущими в речку Мельничную, впадающую в Большую Киргизку.

Тотчас был создан областной штаб по ликвидации аварии во главе с Егором Лигачевым. Из Москвы срочно прилетел министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Алексей Кириллович Кортунов (личность известная, Герой Советского Союза, отличился в войну, командуя полком при форсировании реки Висла в Польше). Кортунов взял на себя функции технического порядка, а Лигачев — по оказанию помощи за счёт местных возможностей. В первую очередь требовались люди и техника.

Меня включили в состав штаба. Лигачев приказал мне срочно гнать химстроевскую технику к месту аварии, скомандовал свернуть работы в Малиновке, чтобы взять оттуда экскаваторы, бульдозеры, краны и людей.

Я создал свой внутренний оперативный штаб. Подтянули несколько вагончиков. Военное училище связи развернуло радио-

Министр газовой промышленности Алексей Кортунов (впереди), первый секретарь обкома КПСС Егор Лигачев на трассе нефтепровода Александровское — Томск — Анжеро-Судженск. 1972 г.

ФОТО А. КУЗЯРИНА ТАСС

связь, — как в боевой обстановке. Лигачев распорядился организовать бесплатное питание, всем участникам ликвидации аварии были обещаны премии, «для сугреву» выдали спирт. Главное — быстро найти место разрыва трубы, непустить нефть в реки, устранить повреждение.

Нефть уже текла к речкам. Дирекция СХК, не разобравшись в чём дело, спешно доложила своим начальникам в Москву о «страшной катастрофе на нефтепроводе». Там забили тревогу, опасаясь, что нефть попадет в Томь и затем в систему охлаждения атомных реакторов.

Лигачев, когда ему передали это, вскипал и высказал все претензии мне, как будто я и Зайцев одно и то же. Он часто не делал различия: «Вы все из одного Средмаша!».

Мне было строго приказано: чтобы ни одного пятнышка нефти не попало в Томь.

Начали валить лес — ели, пихты, растущие на берегу Мельничной, чтобы нефть оседала на их ветвях. Сверху пытались их под-

жечь, но нефть не хотела гореть на воде, хотя занимались этим профессиональные пожарные. Кто-то посоветовал применить напалм. Добыли его в Новосибирске, привезли. Напалм горел хорошо, нефть — нет. Она плыла по воде и не загоралась. Стали собирать её еловыми лапами, которые потом складировали на берегу и поджигали.

Когда наши экскаваторщики, искусно промостившись на склоне косогора, начали рыть траншею и потом, добравшись до трубы, начали соскабливать с неё грунт, перемешанный с нефтью, тяжелыми ковшами своих «драглайнов», Кортунов с восхищением мне сказал: «Меняю ваших машинистов на десяток своих!»

Осмотр трубопровода показал, что под давлением оттаивающего грунта и образовавшихся от весенних ручьёв промоин, трубы смялись у основания косогора, и в образовавшихся гофрах образовались свищи, через которые нефть фонтаном ударила вверх. Компрессорные станции держали в нефтепроводе давление, к которому добавился естественный напор от понижения местности.

Приняли решение — нефть на участке трубы от задвижки до задвижки слить в земляные амбары, трубопровод продуть воздухом от компрессоров, поврежденные куски трубы вырезать, установить новые, тщательно обварив стыки.

Штаб Кортунова это решение одобрил, и работа закипела. Труднее всего было откопать трубопровод и подвесить трубу, потому что всё приходилось делать на склоне, на труднодоступном для механизмов месте. Для их работы пришлось делать бермы и подъезды.

В течение суток земляные работы были закончены, в два амбара за ночь слили тысячи тонн нефти. С наступлением светового дня решено было произвести замену участка трубопровода.

Вскоре я получил добро на то, чтобы часть техники вернуть на места прежней дислокации. Когда подошёл к вагончику механизаторов, там заканчивался ужин. Кормили людей из полевых кухонь, сытно, обильно и бесплатно, к тому же после окончания работы выдавали спирт — за хороший труд и для снятия усталости и напряжения. Кстати, Кортунов от себя премировал наших механизаторов по сто рублей каждому.

Я распорядился оставить два экскаватора и пять бульдозеров, остальным разрешил уехать. Двухсуточная напряжённая вахта требовала отдыха.

Вернулся в свой штабной вагончик, тут же получил вызов в главный штаб. Там находились Лигачев, Кортунов, Судобин и ещё

несколько человек из обкома и облисполкома. Спланировали следующий день, договорились с утра быть на месте. Я со спокойной душой уехал домой, чтобы поспать хотя бы три-четыре часа.

Утром мне сообщили: у нас ЧП с механизаторами, хотели меня вернуть, но Лигачев распорядился отложить разборки до утра. Стал выяснять, что случилось. Оказалось, что наши экскаваторщики, под воздействием хорошего спирта и похвал за отличную работу, заспорили, кто из них лучший мастер и сможет ковшом драглайна снять шапку с головы человека.

Один из механизаторов лихо проделал этот трюк. Когда за ручаги сел его соперник, к месту спора случайно подошли Кортунов, Лигачев и сопровождающие их лица, собиравшиеся уже было ехать в город.

Увидев зависший над головой человека ковш экскаватора, Лигачев громким голосом потребовал «прекратить безобразие». А когда, приблизившись, почувствовал, что от спорщиков пахнет спиртным, приказал немедленно прекратить выдачу спирта всем. Один из экскаваторщиков смахнулся сматерился, что тоже не понравилось первому секретарю обкома — известно, что он одинаково не терпел ни пьяных, ни матерщинников.

Словом, «подвели» меня мои механизаторы. Я приготовился к неприятному разговору и думал, как их наказать, но спустя пару минут этого не потребовалось. Когда подъехало начальство, и я вышел его встречать, Кортунов первым делом сказал мне: «Ну и молодцы у тебя ребята! Шапку с головы ковшом — это же надо! Таких асов надо ценить и беречь!»

Лигачев промолчал. Инцидент таким образом был исчерпан.

В течение дня работы по восстановлению трубопровода были завершены, задвижки открыты вновь. Получил добро на обратную засыпку. Бульдозеры взялись за дело.

Позже нефть из одного амбара вы筠гли, закоптив всё небо. Со вторым — нашёлся умелец, подсказавший, как её закачать обратно в трубопровод.

Последствия аварии ликвидировали ещё долго, всё лето следили, чтобы траншеи, засыпанные землёй до полного оттаивания грунта, не дали осадки и не вызвали новых повреждений.

По моей просьбе министр Кортунов, вернувшись в Москву, позвонил Славскому и поблагодарил наших строителей за оказанную помощь и мастерство. Славскому всегда было приятно слышать похвалу в адрес кого-нибудь из своих людей. При очередной встрече он упомянул об этом разговоре и сказал: «Молодцы!»

Так и до инсульта...

ЧИТАЯ дневниковые записи Петра Георгиевича того периода, видишь, насколько трудно, тяжело выстраивались его отношения с Егором Кузьмичом Лигачевым.

Непонимание, а порой и непринятие действий первого секретаря обкома, его стиля управления, сквозили едва ли не в каждом эпизоде, где фигурировал Лигачев.

Это отношение передавалось и на соратников Егора Кузьмича. Даже Судобина, своего однокашника по ГИСИ, Пронягин всё чаще оценивал с холодком.

И напротив, очень сочувственные строки адресовал Пётр Георгиевич людям, которые не вписывались в лигачевскую плеяду. Например, бывшему ректору Томского политехнического института Александру Акимовичу Воробьёву, немало пострадавшему в своё время от крутизны лигачевского нрава.

Воробьёв стоял в негласной оппозиции намерениям Лигачева развивать в Томске академическую науку, отдавая приоритет ей, а не науке вузовской.

«Команда Воробьёва стояла за преимущество приоритетов учёных вузов. Лигачев видел в них консерваторов, тем более, что они не принимали диктаторские методы его действий. Я был частым свидетелем стычек между Воробьёвым и Лигачевым по разным вопросам на заседаниях бюро обкома, на совещаниях при посещении строящихся объектов», — вспоминал Пётр Пронягин. И добавлял: «У меня с Воробьёвым сложились хорошие отношения, впрочем, как и с другими ректорами вузов и их заместителями. Однажды я оказался у Воробьёва в гостях, куда меня позвал главный инженер СХК Логиновский,

и я слышал в оценках Воробьёва нелестные отзывы о первом секретаре обкома. Лигачев, в свою очередь, невзлюбил Воробьёва. Он вообще не терпел тех, кто шёл напролом против него и делал всё возможное, в том числе применяя имеющуюся при нём власть, чтобы устранить непокорных со своей дороги...».

Битва ректора ТПИ с первым секретарём обкома закончилась известно чем: Александра Акимовича сняли с ректорского поста, и он был вынужден дальнейшие годы провести в качестве заведующего кафедрой одного из факультетов института.

«Дружеские связи с Воробьёвым у меня лично не прерывались, — вспоминал впоследствии Пронягин. — Как-то встретились с ним в томском аэропорту, и он предстал не прежним — активным, подтянутым, аккуратным Воробьёвым, а заштатным интеллигентом в потёртом плаще и поношенном берете. Увидев меня, он радостно улыбнулся. Поздоровались, разговорились. Он пожаловался на судьбу и сказал, что тяжелее всего переживает положение никому не нужного человека, даже прежние ученики отвернулись и как бы не замечают его, сталкивается с бездушным отношением к просьбам в оснащении научных работ и экспериментов. Например, нужна автомашинка, деньги для экспедиции, а ему в них отказывают. Я обещал Воробьёву помочь с автотранспортом, чему он был откровенно обрадован. «Чёрт с ними, с деньгами, на свои поеду», — сказал мне, расставаясь.

Наверняка судьба ректора Томского политеха всякий раз стояла перед внутренним взором Пронягина, когда он в очередной раз шёл наперекор мнению Лигачева по каким-то вопросам. А делал он это часто. Хотя и понимал, чем это может закончиться.

Но у него за спиной стоял всесильный Минсредмаш во главе со Славским. И дела у «Химстроя» шли в гору.

По итогам 1972 года в соревновании строек министерства в честь 50-летия со дня образования СССР «Химстрой» был признан победителем с присвоением ему Почётного знака ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Строительное управление вышло из прорыва, и в этом была немалая заслуга его руководителя — Петра Пронягина.

Однако ни очевидные успехи, ни растущий авторитет начальника управления строительства не спасли его от очередного жёсткого столкновения с руководством обкома партии. После которого его карьера в Томске могла закончиться навсегда. Да и жизнь тоже.

Александр Акимович
Воробьёв, ректор ТПИ

Вручение ордена Ленина
Томской области, 1967 г.
Со знаменем области — ректор
ТПИ Александр Воробьёв

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«Всё бы ничего, но меня подстерегала крупная неприятность. Началось с того, что Зуев* нажаловался в обкоме, что план по строительству академических институтов, несмотря на решение бюро, срывается, что Пронягин мер не принял и упорно гнёт свою линию в ущерб его стройке.

В обкоме решили действовать по-своему — созвать бюро и пропесочить Пронягина. Буквально за сутки до заседания бюро меня пригласили в строительный отдел и попросили познакомиться с проектом постановления, в котором «за преднамеренное невыполнение постановления бюро обкома КПСС об оказании помощи СМУ-8» мне объявляется строгий выговор с занесением в учётную карточку. Для меня такой документ оказался ошеломляющим.

Как же так, с утра до ночи носишься, как собака, падаешь от усталости! Когда достигнуты успехи, и стройка вот-вот завершит год выполнением всех своих обязательств, кроме Академгородка, и вдруг на тебе, — «строгий выговор с занесением»! Хотел объясняться до бюро, но оказалось, не с кем. Решил, что это затея аппаратных работников. Зашёл к новому секретарю, — Мельникову**.

Так, мол, и так, зачем же бить по голове? Но Мельников сказал, что ничего не знает: «Не бойся, завтра всё решится». Я уехал к себе, решил подготовиться к рассмотрению вопросов на бюро обкома, рассказал обо всём своим товарищам. Они меня поддержали морально, высказав в адрес Зуева и Серебренникова нелестные слова. Первому за то, что ябедничает, второму — за то, что не может без руководства «Химстроя» выполнить свои задачи.

На следующий день, а было 7 декабря 1973 года, судя по сохранившимся черновикам, я предстал перед членами бюро. Сначала выступил Зуев и снова начал жаловаться, что годовой план срывается, что «Химстрой» не помогает СМУ-8, а те, мол, боятся, как рыба об лёд, но в одиночку не в силах изменить обстановку, хотя бюро обкома, бюро горкома обязывали Пронягина сосредоточить силы на выполнении плана.

Дали слово мне. Я был краток, судя по сохранившемуся черновику выступления. Хочу привести его доподлинно, чтобы показать, в каких условиях приходилось отстаивать свои убеждения.

В последнее время много сказано о партийном диктате во все времена, о некомпетентности партийного руководства, о командном стиле партийной работы. Всё это было. И я покажу на одном из многих аналогичных примеров благодаря случайно сохранившимся записям. Да, всё так и было, но вызывалось не только необходимостью и не всё шло на пользу обществу. Это были методы прежней системы — проявлять власть, даже если обстоятельства этого и не требовали.

Итак, я сказал после краткого пояснения несколько слов о проекте постановления, что не могу согласиться с выводами товарищей

* **Зуев Владимир Евсеевич (1925-2003)** — советский и российский физик, академик Академии наук Советского Союза, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, руководитель Томского научного центра Сибирского отделения АН СССР. В начале строительства Академгородка между ним и Пронягиным возникали «трения», но в последующем их отношения наладились и переросли в дружбу.

** **Мельников Александр Григорьевич (1930-2011)** — советский и российский государственный и политический деятель. Работал на СХК, председателем горисполкома и первым секретарём горкома КПСС Томска-7. В 1983-1986 гг. — первый секретарь Томского обкома КПСС. Член ЦК КПСС (1986—90 гг.).

о якобы преднамеренном невыполнении постановления бюро обкома КПСС. Такое предложение не учитывает моих доводов о причинах, заставлявших меня, как руководителя, действовать исходя не из частных, а из общих задач, стоящих перед управлением строительства, так, как учит хозяйствовать в строительстве наша партия. Моя вина состоит в том, что я не сумел доказать правоту своих действий до принятия постановления бюро обкома КПСС и встал невольно на путь невыполнения партийного решения. В этом я виноват, но я прошу не наказывать меня так строго, как предлагается. Нахожусь в партии 27 лет, никогда не получал никаких взысканий. Моя деятельность везде оценивалась положительно, и я всегда отдавал все силы тому делу, на которое меня ставили.

Думаю, что я немало сделал и в Томской парторганизации. Я уже не молодой человек, чтобы работать под страхом наказания, и мне доверен немалый пост, чтобы я руководил им под таким воздействием и уже достаточно наказан тем, что стою здесь. Партийное наказание не прибавит мне силы и энергии, ибо я всю жизнь в партии трудился не за страх, а понимая высокое звание члена партии.

После моего заявления началось обсуждение.

Первым выступил секретарь обкома П.Я. Слезко. Он заявил, что я открыто саботировал постановление бюро обкома, сознательно не занимался строительством академических институтов.

За ним выступил зампредоблисполкома А.И. Демчук. Навалился на меня за то, что «Химстрой» не выполняет планов строительства Дома Советов, жилого дома для нефедобытчиков и в Академгородке допустил откровенный провал.

Затем выступил секретарь Томского горкома Ю.И. Литвинцев. Сказал, что от частного случая в рассмотрении вопроса надо переходить к общему. Хозяйственные руководители «Химстроя» не поддержали усилия обкома в развитии академической науки в Томске.

Слово взял председатель облисполкома Н.В. Лукьяненок. Своим выступлением развивал идеи развития академической науки. Пронягин виноват в том, что составил свою программу строительства и должен отвечать за это. На строительстве объектов СМУ-8 допускается много срывов.

Председатель облсовпрофа В.П. Цареградский. Решение бюро было единственно правильным. Пронягин выразил с ним своё несогласие делами. Он вообще ведёт себя неправильно, саботировал начало строительства кардиологического санатория в Киреевске.

**В Томском
Академгородке. Слева
от Е. К. Лигачева —
академик В. Е. Зуев**

«Химстрой» строит только то, что ему выгодно, а вот достроить градирню в НИИ полупроводников, начатую несколько лет назад, до сих пор не может.

Председатель комитета народного контроля К.А. Цицарев: С «Химстроя» надо больше спрашивать, ибо ему многое даётся. Бюро обкома решает, а руководитель проводит свою линию и не чувствует ответственность за выполнение решения.

Заворготделом обкома КПСС Е.А. Вологдин: Пронягин за собою повёл большую группу людей против решения бюро.

Второй секретарь обкома А.Е. Высоцкий: Почему Пронягин претендует на какое-то особое внимание? Строит для себя какие-то свои планы. По титулу теплоснабжения план сократил, на строительстве Дома Советов тоже установил себе план. Он сам себе подписывает обвинение. Пронягин с объектами теплоснабжения, Дома Советов, Академгородка не справляется потому, что всё идёт безнаказанно.

К.М. Иванов, начальник областного управления КГБ: К Пронягину с уважением относился, но он совершил поступок, который ставит его вне рядов партии.

Лигачёв Е.К., первый секретарь обкома КПСС:

Подчеркнул важность развития академической науки, однако строительные организации Минсредмаша не справились с заданием правительства. Все органы руководства области вложили свой труд в создание академических институтов, кроме строителей, они строят объекты принудительно, без души. Эта площадка могла стать образцовой, но узость мышления руководителей сводит всё на нет. Нет творчества в поиске. Не надо ничего строить сверх плана, но план нужно выполнять. Пронягин манипулирует планом, как ему выгодно. Не первый раз воспитывается в обкоме, недавно его воспитывал горком КПСС, всё равно неймётся. Надо его наказать по всей строгости.

Вот такое воспитание провели со мною в присутствии подчинённых работников СМУ-8 — Серебренникова, Кузьмина, секретаря горкома Конькова. Смотрите, мол, как надо спрашивать. Вся операция была спланирована и имела цель проучить за строптивость. Мне объявили выговор, не строгий, с занесением, но выговор.

Но и этого было достаточно, чтобы вывести меня из строя.

Когда я приехал к себе в кабинет, то набрал по «ВЧ» министра, рассказал Славскому о случившемся, закончив сообщение тем, что я больше в Томске работать не буду и готов поехать куда угодно, хоть к чёрту, но не оставаться. Работать дни и ночи за выговоры я не согласен.

Ефим Павлович выслушал мою страстную речь и сказал: «Ну вот что, ты не горячись, а продолжай работать. Я постараюсь понять, в чём дело».

Он спросил о некоторых деталях обсуждения, о том, как стройка работает в целом. Я ответил, что план выполняем, везде рассчитываем на успех, но стройка большая, и за всем не усмотришь. Сказал, что для министерства всё запланированное будет сделано. Министр сказал «спасибо» и ещё раз повторил, чтобы я не горячился.

Но я решил дать ответный бой. Больше всего меня возмущала неправда, натянутость суждений, желание выступающих высуждаться перед Первым, Лигачёвым, показать свою власть и сделать меня маленьким человечком. Я написал на имя бюро новое письмо. Вот оно, дополненное по черновику. Возможно, это письмо поможет читающему лучше понять расстановку сторон и объективность вопроса:

В бюро обкома КПСС от члена КПСС Пронягина П.Г.

«7 декабря 1973 года бюро обкома КПСС объявило мне выговор. Мне трудно оправдывать наложенное взыскание, так как поста-

новление бюро мною оказалось невыполненным. Я понимаю, что решение партийных органов обязаны выполнять коммунистами, или они должны нести ответственность за недисциплинированность. За недисциплинированность я наказан правильно.

Вместе с тем я не могу согласиться с оценками степени моей виновности, причинами, толкнувшими меня на невыполнение постановления бюро обкома и выводами в части моей практической деятельности, высказанных в ходе обсуждения настоящего вопроса отдельными членами и кандидатами в члены бюро обкома КПСС».

Далее Пронягин подробно и дотошно опровергают практически каждый «пункт обвинения», прозвучавший на заседании бюро.

«Постановление от 29 августа мною не было выполнено не потому, что я задумал его саботировать, а потому, что управление «Химстрой», решая другие, очень важные задачи в этот период, не располагало необходимыми трудовыми и материально-техническими ресурсами для ликвидации отставания в выполнении годового плана по титулу СОАН, образовавшегося в первом полугодии, так как они были задействованы на других пусковых объектах, имеющих большую степень готовности и реальность для ввода в эксплуатацию, чем объекты Академгородка, к тому же на этих пусковых объектах, по причинам, не зависящих от управления "Химстрой", строители вынуждены были для сдачи объектов перевыполнять запланированные объёмы строительно-монтажных работ на сумму более 1,5 млн руб. Об этом я докладывал бюро обкома 7-го декабря.

Не могу согласиться с выступлением тов. Цареградского В.П., утверждающего, что решение от 24 августа было единствено правильным без всякого сомнения. Как же мог тов. Цареградский утверждать, если он, как член бюро, принимает решение, не вникая в суть дела. Тов. Цареградский о деятельности «Химстроя» знает понаслышке, он за всё время моей работы (более шести лет) ни разу не поинтересовался делами и жизнью нашего Управления строительства, чтобы так утверждать, сказал, что я саботирую начало строительства кардиологического санатория, выдвинув для этого непомерные требования в финансировании базы стройиндустрии в объёме 2,5 млн руб., и неприятие которых явилось якобы причиной отказа министерством от начала строительства санатория в 1974 году...

Я не согласен с выступлением тов. Вологдина, заявившего, что Пронягин повёл за собою большую группу работников СМУ-8 против решения бюро обкома. Какие у него для этого основания? Если бы тов. Вологдин поинтересовался, как Пронягин остро ставил и требовал от работников СМУ-8 выполнения плана строительства объектов Академгородка, он бы так не заявлял.

Не могу согласиться с выступлением секретаря обкома Бортникова А.И. в той части, где он обвинил меня в самостийности при планировании объёмов работ...

Думаю, что кандидат в члены бюро т. Иванов К.И. рассчитывал окончательно сломить мою волю, заявив, что Пронягин своими действиями сотворил поступок, который поставил его вне партии. Я в партии больше полжизни, 27 лет, и за это время мою деятельность в партии всегда и везде, кроме Томска, ценили положительно, делу партии я всегда отдавал себя целиком, не считаясь с интересами, здоровьем. Коммунисты избрали меня секретарём парткома стройки, секретарём горкома КПСС, я был около десяти лет в составе Свердловского обкома КПСС и делегатом съезда партии и хорошо знаю нормы партийной жизни...»

Ответа на моё заявление я не получил. Оно добиралось куда надо, читалось и, возможно, в каком-то кругу обсуждалось. Ответ последовал после, и в другой форме. 26 декабря на заседании пленума обкома КПСС мне был устроен в докладе основательный разнос.

Лигачёв представил меня зазнавшимся руководителем, игнорирующим партийные решения, за что меня строго наказали на заседании бюро. О том, что я писал последнюю записку — ни слова. Выходит, что правда, настоящая, подменялась кривдой и преподносилась людям скорее в назидание, чтобы другие не смели поднимать головы выше приказанного уровня.

Вернувшись с пленума, я почувствовал себя совсем плохо, в глазах плыли какие-то пятна, голова кружилась до тошноты. С трудом добрался до дома и слёг в постель. Вызвала Лида скорую, врач смерил давление, оно 90/60, мне сделали уколы и предложили ехать в больницу. Но я отказался, так как прежнего врача там уже не было, она уехала из города, а другим не особенно доверялся. К тому же, мучения постельного режима были бы большим недугом, а здесь всё же дома.

Врач стал ходить на квартиру, приезжали сёстры делать уколы. Служебная машина доставляла их и отвозила обратно. Я никого не хотел видеть, нервы возбуждены до слёз, были моменты, когда я

еле сдерживался, чтобы не разрыдаться. Всё смешалось во мне, но больше всего душила обида на перенесённую несправедливость.

Через несколько дней моей болезни пришел Асаинов и сказал, что комиссия приняла дальнее теплоснабжение. Я предложил доложить министру, и мы составили телеграмму. Вот её текст:

Тов. Славскому В.П.

Тов. Лигачёву Е.К.

20 декабря 1973 года сдана в постоянную эксплуатацию первая очередь теплоснабжения г. Томска от сбросного тепла Сибирского химического комбината. Трудящиеся микрорайонов № 2 и № 4 областного центра получили в свои квартиры тепло и горячую воду, поданные на дальнее расстояние из источников, которые выбирались тепловую энергию как отходы своего производства.

Таким образом, в истории отечественной энергетики открылась ещё одна страница: атомная энергия стала использоваться в мирных целях не только для выработки электричества, двигать морские суда, но и отапливать квартиры крупного промышленного центра и, таким образом, прочно входить в быт населения. Страна сэкономит огромное количество топлива, окружающая среда не будет загрязняться продуктами его сжигания. Для осуществления идеи использования сбросного тепла, получаемого от охлаждения атомных реакторов на бытовые нужды населения, были выполнены проектные и строительно-монтажные работы. Впервые в практике для подкачки горячей воды высоких температур до 130 градусов Цельсия на дальнее расстояние были использованы принципиально новые железобетонные конструкции фундаментов, трубопроводов диаметром 1020 мм, изоляционные материалы, сальниковые компенсаторы и другое оборудование...

Теперь, когда сделано начало в новом и трудном для проектировщиков, строителей, монтажников и эксплуатационников деле, усилия наших коллективов будут направлены на быстрейшее окончание второй очереди и всего комплекса объектов в целом.

ЗАЙЦЕВ ПРОНЯГИН ОМЕЛЯНСКИЙ

Омелянский, возглавляя филиал проектного института, был руководителем проектных работ с самого начала. Мы договорились, что Асаинов отправит телеграмму с шифровкой, поскольку упоминание слова "атомных" было абсолютно секретным, но сначала подпишет у Зайцева и Омелянского. Возможно, будут исправления. Потом он доложил, что шифровка дошла. Тут же мы составили другую телеграмму, подводящую итоги трудовой деятельности коллектива «Химстроя» в 1973 году.

«Тов. Славскому Е.П.

Докладываю Вам, что строители и монтажники управления «Химстрой» в канун нового, 1974, года сдали в эксплуатацию первую очередь комплекса здания 1005 на Сибирском химическом комбинате, первую очередь теплоснабжения. Трудящиеся областного центра получили в квартиры тепло, снятое с энергетических установок комбината, а также артезианскую воду из подземных источников. Перевыполнен годовой план жилищного, соцкультурного и сельскохозяйственного строительства для министерства и области. Заканчиваются пусковые работы на первой очереди Томской птицефабрики. Годовой план по объёму строительно-монтажных работ выполнен досрочно.

Заверяем, что коллектив «Химстроя» будет настойчиво трудиться над выполнением государственных планов в новом 1974 году и задач, вытекающих из решений декабрьского пленума ЦК КПСС».

Я, Асаинов, Малик, Давыдов, Сухенко подписали телеграмму. Асаинов взял её с собой, чтобы отправить, а я спокойно продолжал болеть с чувством исполненного долга.

Лида рвалась между мною и Татьяной. У неё 13 декабря родился сын, которого она назвала в честь меня Петром. Эта семейная радость прошла быстро и была оттеснена переживаниями от не приятностей, полученных буквально накануне в обкоме, а также неудач на пусковых объектах, где пришлось работать самому и увлекать других сверхурочно и без выходных дней, но теперь дело было сделано, можно и болеть. Проболел я более месяца, с трудом встал на ноги, расхаживался, набирался сил, отсыпался.

В начале февраля почувствовал уверенность. Решил выходить на работу и настоял на выписке при условии, что буду трудиться в лёгком режиме, а в случае сильного утомления отправляться в постель, сдерживать нервные эмоции, продолжать курс лечения препаратами и постепенно отказываться от них, постоянно наблюдая за собою...»

Выдюжить тогда Пронягину помогла поддержка семьи, коллег по «Химстрою» и главного человека в его профессиональной жизни — министра Ефима Славского.

Когда Пётр Георгиевич после вышеописанных событий приехал в Москву, на коллегию Минсредмаша, ему было что предъявить руководству министерства — строительное управление в очередной раз по итогам года сработало позитивно, стало одним из лучших в отрасли. Но оставаться в Томске ему не хотелось.

Об этом у него состоялся разговор в управлении кадров ведомства. Там ему сказали: взамен «Химстроя» могут предложить только должность начальника отдела режима в Обнинском институте повышения квалификации. Это было, конечно, откровенное издевательство, но Пронягин обещал подумать.

Перед отъездом из столицы его пригласили к министру.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«Ефим Павлович принял меня тепло.

— Это правда, что ты до инсультта доработался? Мне сказали, ты болеешь и хочешь бросить стройку, так ли это?

— Инсультта пока не было, но где-то около него. Если такая нервотрёпка продолжится, глядишь, и кондрашка хватит, — сказал я.

Начал было рассказывать свою историю, но Славский перебил:

— Знаешь, езжай и работай. Дела идут у тебя неплохо. По правде говоря, когда назначали тебя, мне говорили, что ты не справишься. И я рад, что этого не произошло. По поводу наказания не переживай, мы всё уладим. Надо ведь кому-то нефтехимический комплекс разворачивать. Я с твоим первым секретарём договорился, что строго тебя наказывать не будут.

Беседа с министром окрылила меня. Мне стало ясно, что Славский взял меня под свою защиту, что впереди большие дела, и надо настраиваться, в первую очередь, на них».

Эпизод с заседанием бюро обкома не оставил заметных последствий, если не считать, конечно, удара по здоровью Петра Георгиевича. Холод в отношениях Пронягина и Лигачева сохранялся, но становился помягче — всё-таки работа продолжалась, и необходимо было многие вопросы решать совместно. Работа умягчала острые моменты. Тем более, совсем скоро начала разворачиваться эпопея, связанная со строительством Томского нефтехимического комбината, проекта, который стал для «Химстроя» и лично для Пронягина одним из важнейших в судьбе. Жизнь продолжалась.

Ревизии Славского

КАЖДЫЙ ГОД министр среднего машиностроения Ефим Славский обезжал «владения» Минсредмаша, чтобы лично убедиться, как идут дела в подведомственном ему хозяйстве. Несмотря на возраст (а было ему к середине 70-х уже под 80 лет), он в сопровождении своих заместителей и начальников главков посещал все работающие предприятия атомной отрасли и все крупные стройки.

Начинал с востока страны — Краснокаменск Читинской области, Ангарск, потом Красноярский край, Томская область, Новосибирск... Оттуда ненадолго отправлялся в Белокуриху Алтайского края, где любил отдыхать. А дальше — Урал, европейская часть Союза.

К приезду министра готовились, старались не ударить в грязь лицом. Но избежать всевозможных казусов и непредвиденных ситуаций не всегда удавалось.

Однажды, во время очередного визита Славского в Томск случилась такая история, о которой не без юмора рассказал Пронягин в своих мемуарах.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«В другой день министр занимался стройкой. Начал с того, что мы плохо строим подшипниковый завод, и министр Поляков надоел ему с претензиями.

— Лучше бы он своим помогал, чем на нас жаловаться. Там тоже хвалиться нечем, но из-за дирекции с первых дней не можем организовать стройку, — ответил я раздражённо.

— Побываем на месте, я сам посмотрю, — ответил министр.

Ефим Славский в Томске

После обеда Славский приказал ехать на ГПЗ-5. Его приезда ожидали многие представители обкома, горкома, горсовета. Лигачев рассчитывал использовать встречу для решения многих вопросов, поэтому рекомендовал всем, кто имеет отношения с «Химстроям» и Минсредмашем, прибыть на стройплощадку.

Для доклада министру мы выбрали наибольшую комнату в строящемся пожарном депо, поставили несколько рядов скамеек, стол для начальства, развесили по стенам графики, таблицы, поставили графин с водой, несколько бутылок с минеральной водой. Всё, как надо! Славский (а мы ехали в «рафике», других средств он не призывал в командировках, или «пазике», если набиралось много сопровождающих, терпеть не мог «Волг» и тем более «Чайку» (их в Томске было две — в обкоме и в облисполкоме)), сразу предло-

жил посмотреть графики и послушать информацию. Народу неожиданно набралось человек 50, кое-как расселись — и кто нужен, и просто любопытные (интересно посмотреть и послушать высокое начальство).

Министр, Лигачев, Мельников, Коньков, Лукьяненок и я заняли моста за столом. Докладчиком назначили главного инженера СМУ-1 Демидова, — главного шефа объекта. Потом уж я сто раз покаялся, что не взялся сам. Демидов подошёл с указкой к сетевым графикам, на которых закрашенные красным карандашом линии и кружочки создавали подобие пилы за счёт сорванных сроков, и начал докладывать. Начало шло хорошо, но, когда Демидов стал объяснять причины невыполнения графиков, сваливая вину только на заказчика и недостаток рабочей силы, Ефим Павлович заёрзal на стуле и стал напрягаться. Надвигалась гроза, я её уже понял и приготовился. Вдруг увидел на задних рядах Козловскую Нину Александровну, — заведующую промышленным отделом обкома КПСС, недавно утверждённую в этой должности на областной партконференции.

Зная, как умеет разрядиться министр, я встал и подошёл к Козловской.

— Нина Александровна, вам советую выйти ненадолго. Сейчас будет гром, и вам лучше это не слышать.

— Ничего, я женщина привычная!

— Смотрите, но лучше всё же уйти!

К тому времени вот-вот должен был грянуть этот гром. Демидов стал путаться, сбиваться, отвечая на вопросы, заниматься.

Я пытался ему помочь, встревал в диалоги, но министр оборвал меня:

— А ты молчи, начальник стройки! Коли поставил инженера, да ещё главного, так пусть он и отвечает. С тобою я поговорю особо. Я же приказал усилить здесь работы и сдать завод, к ... матери, до осени, а вы тут развели какую-то, в бардаке настоящем. Куда вы меня завели? Конура какая-то, даже доложить не могут! Пятый год какой-то х... объект строите, матерь вашу ...!

И понёс!

Демидов захлебнулся, аудитория оторопела, не зная, как себя вести. Лигачев переглядывался с Мельниковым, а тот рукой махнул: «Пусть, мол, тешится, у них так заведено!»

— Ефим Павлович, — выручил Киреев, — может быть, посмотрим в натуре, а то на бумагах не всё ясно.

— Давайте посмотрим. Плохо доложил твой главный инженер. Идёмте!

Народ повалил через узкую дверь на выход, но перед нами расступился. И тут министр увидел Козловскую почти в упор (он был близоруким) и видя, что я следую за ним, спросил:

— Это что за баба здесь? Какого ... ей надо?

— Заведующая промышленным отделом обкома.

— Зачем ты её пригласил?

— Я никого не приглашал, они сами ходят и других приглашают.

— Эх, мать твою! И выражаться от души не дают по-настоящему! — как-то обиженно сказал Славский.

Мне оставалось только сочувственно поддакнуть, а Коньков, шедший рядом, добавил: «Ничего, Ефим Павлович, она ненужных слов не слыхала. Пусть не лезет в мужские дела!»

— Это верно, — подытожил министр, когда мы очутились на улице...

Настроение было испорчено. Оно улучшилось при посещении Академгородка и Университетской рощи, где обкомовцы хвалили «Химстрой» и пытались смягчить обстановку после посещения завода подшипников.

За ужином, на котором присутствовали, кроме министра и его попутчиков, Лигачёв, Мельников, Коньков, Зайцев, Лукьяненок и я, старались не заводить разговоров о строителях, его повели вокруг проблем сельского хозяйства области. Министр хвалился своими совхозами, которые имели почти все крупные предприятия и славились высокой продуктивностью. Всё было именно так!

Славский не поддержал идею Лигачева и Лукьяненка развивать теплично-овощное хозяйство (незачем воду выращивать под стеклом), но заинтересованно отнёсся к строительству бройлерной птицефабрики. «Химстрой» строил и тепличный комбинат, и бройлерную фабрику тоже. Витамины и мясо нужны одинаково...»

Конфликтный рецидив

В 1977 ГОДУ исполнилось десять лет работы Петра Пронягина в должности начальника управления «Химстрой». Срок немалый. Позиции Петра Георгиевича были прочны, залогом чему являлись успехи возглавляемого им предприятия.

Накануне, в сентябре 1976 года, была забита первая свая под основание первого объекта Томского нефтехимического комбината. С этого момента именно Нефтехим становится главной стройкой для «Химстроя».

За успехи в работе Пётр Пронягин награждён орденом Трудового Красного Знамени. Был избран депутатом областного Совета.

В том же 1976 году случился эпизод, который заставил Пронягина по-иному взглянуть на личность Лигачева и во многом переоценить своё к нему отношение.

В семье дочери Пронягина, Татьяны, ставшей по мужу Астафuroвой, появилось пополнение — родился сын Петя, внук Петра Георгиевича. Жили Татьяна и её муж Владимир в общежитии. Пронягин решил разменять свою четырёхкомнатную квартиру в Томске-7, чтобы выделить долю дочери для переселения в двухкомнатную квартиру в одном из жилых домов, которые строил «Химстрой» в Томске.

Получил согласие на этот размен в парткоме и постройкоме управления, в горкоме партии Томска-7. Возражений не было. Оставались горисполком Томска и обком партии.

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«С председателем горисполкома Калабой договорились быстро, город ничего не терял, он своё жильё получал. Отправился к Мель-

На площадке Томского нефтехимического комбината. Справа налево: министр Ефим Славский, заместитель министра Пётр Георгиевский, начальник строительства Пётр Пронягин, главный инженер главка Василий Киреев, начальник 10-го Главного управления Иван Дерябин. Май 1978 г.

никову в обком. Тот тоже не возражал, но посоветовал обратиться к Лигачеву.

Иду к Первому. Тот меня принял, я рассказал, в чём дело. Он мне говорит:

— Знаете что, Пётр Георгиевич! Никакого размена делать не нужно. Ваша работа не такая простая, вам нужно нормально отдохнуть дома. Как вы будете ютиться в двух комнатах двумя семьями? Если «Химстрой» не возражает выделить вам квартиру, то мы претензий иметь не будем. Пусть дети ваши устраиваются.

Такого оборота, признаюсь, я не ожидал. Но в душе был рад, что всё складывается к лучшему. В сказанном проявился другой Лигачев, о котором я знал от других. Требуя от людей отдачи, порядочности, дисциплины, подчинения, он никогда не отказывал в возможности помочь в личных просьбах, если они не превышали допустимого. Я был тронут заботой о себе и когда рассказал Лиде о состоявшемся разговоре, она прослезилась. Через некоторое время Астафуровы получили ордер на новую квартиру и переехали».

Казалось, наступило время, когда и он полностью вписался в местную действительность, лигачевскую систему власти, и к

нему привыкли, приняли его таким, какой есть — со всеми недостатками и достоинствами (которых больше).

Но в 1977-м, «юбилейном» томском году для Пронягина, случился новый рецидив в отношениях между ним и Лигачевым. Практически на ровном месте. Из-за совершеннейшей мелочи. Хотя, как посмотреть...

Из воспоминаний Петра Пронягина:

«И я, и мои заместители работали много и напряжённо, увлекая других; с утра до вечера объезжали площадки, обходили объекты, обсуждали и сверяли ход строительства с графиками, спорили, пугались, мирились, грозились и наказывали, поощряли, хвалили, награждали. Такова объективная картина того времени.

Захваченный общим круговоротом, я не мог, естественно, знать всё доподлинно, в чём не было необходимости. Наверное, потому и проглядел строительство небольшого объекта для областного управления КГБ — убежища на 50 человек.

Оно строилось во дворе управления силами СМУ-8 медленно потому, что в своё время плохо уложили бетон в днище и стены, а весной заглублённое здание оказалось затопленным водой. Начальник управления Ким Михайлович Иванов позвонил мне по «ВЧ» и попросил найти время для вмешательства в дела СМУ-8. Я обещал и в первую же неделю устроил встречу. Оказалось, что объект забросили, деньги выхватили, а когда надо завершать и устраивать брак, — желание пропало.

Я облизал подземелье вместе с руководителями СМУ Кальченко, Николаевым, проработом и, как сейчас помню, ругался: «Не можете без вмешательства построить такой поганый объект, что на мозги мне Иванов давит!», — обрушивал свой гнев.

Мне обещали поправиться. Кальченко сказал: «Вы можете не волноваться, мы всё исправим и объект сдадим».

— Я не собираюсь вас здесь проверять, у меня, слава Богу, дел более важных по горло, чем заниматься этой живопыркой, — в гневе сказал и уехал.

Посчитал, что дело закончено. И вдруг завотделом обкома КПСС Малик затребовал объяснений по поводу срыва строительства объекта гражданской обороны управления КГБ: «Юрий Кузьмич просил дать записку, поскольку на вас накапал Иванов. Он просит обсудить на бюро».

— Разве для бюро обкома нет более важных вопросов, чем этот... объект? — возмутился я.

Пётр Пронягин,
Ефим Славский
и Егор Лигачев
на ТНХК

— Моё дело маленькое, я выполняю указание, — ответил Малик.

Пришлось писать записку на Лигачева. В ней указал, что министерством установлен план в сумме 50 тыс. рублей с вводом объекта в третьем квартале. Но работы задержались из-за отсутствия герметических стальных дверей, о чём известно тов. Иванову как заказчику, но он нигде их не заказал, а теперь спохватился, минуя «Химстрой», попросил трест «Проммеханомонтаж» их изготовить. Продолжать же работы можно только с получением гермодверей и термоклапанов. И вообще, написал я, предложение Иванова привлечь к партийной ответственности руководителей СМУ-8 и управления «Химстрой» считаю необъективным, и подобные вопросы ему необходимо решать не через бюро обкома КПСС, а путём личных контактов с руководителями управления «Химстрой», к чему он, к сожалению, не особенно стремится, рассчитывая, видимо, на своё служебное положение.

Записка ушла, а вскоре меня вызвали на заседание бюро обкома. Знакомлюсь с проектом постановления, — в нём мне выговор за невыполнение плана и непринятие мер по строительству объекта ГО УКГБ. Чёрт возьми! Выговор на бюро из-за какого-то погребка, хотя полной вины моей нет! Выходит, что Иванов использует право члена бюро и начальника УКГБ, чтобы давить на психику начальника «Химстроя».

Меня и Кальченко пригласили в комнату, где сидели члены бюро и работники обкомовского аппарата. Лигачев начал высту-

пление, заявив, что цель обсуждения в том, чтобы приучить коммунистов держать данное слово.

За ним начал Иванов: «Объект строится второй год, СМУ-8 и «Химстрой» относятся к нему без души, цепляются за гермодвери, хотя могли бы и сами заказать и изготовить, но Пронягин запретил их изготавливать, пришлось искать другого изготовителя. Пронягин требует одностороннего уважения к себе, поэтому вынуждает ставить вопрос о его поведении на бюро остро».

Выступил Мельников: «Пронягин, вместо того, чтобы спросить с подчинённых, идёт у них на поводу, защищает их и таким методом порождает недисциплинированность».

Его сменил Лигачев: «Снова у тов. Пронягина проявляются остатки прошлого поведения, недисциплинированности. Поддерживает невыполнение плана подчинёнными, оправдывает их, не задумываясь, что будет ему самому трудно руководить ими. Правильно, что Ким Михайлович обратился в бюро, не раз говорилось об этом объекте, в том числе просил Пронягина и я. Думаю, что он должен, опираясь на наше решение, сделать для себя выводы и будет воспитывать подчинённых в духе уважения к организациям, для которых они строят!»

Я попросил слова. Лигачев помялся и разрешил. Я сказал, что удивлён обсуждением мелочного вопроса и, тем более, строгим наказанием. Бюро делает услугу одному из его членов, не вникая в суть дела. Я руководжу большой стройкой, таких объектов, как этот, строится «Химстроем» сотни, за каждым лично следить и отвечать невозможно. Если меня надо наказывать за отставание какого объекта, а таких много, то лучше сразу объявит мне десятки выговоров.

Здесь меня прервал Лигачев:

— Вы почему себя так ведёте? Вы распустились, товарищ Пронягин, не забывайте, где находитесь!

— Я не забываю и отчётильно представляю, где нахожусь, тем более обидно, что за такую несправедливость объявляется взыскание. Я не привык работать под страхом, о чём говорил не раз, — и не буду. Мне достаточно есть где трепать свои нервы. Вы знаете положение стройки на более важных объектах, чем тот, который обсуждается. Стройке надо выполнять более 100 млн рублей, а вы меня снова терзаете за какой-то «пятидесятитисячник».

Тут Лигачев снова прервал меня:

— Вы что, хотите учить нас, чем мы должны заниматься? Нет, это уже слишком!!! Садитесь, я лишаю вас слова. Считаю, что надо усилить меру взыскания и добавить ко всему: за нетактичное пове-

дение на заседании бюро обкома я предлагаю объявить ему строгий выговор.

Члены бюро кивком головы поддержали.

В сильном возбуждении я вышел из зала заседания, вслед за мной появился Кальченко.

— Мне тоже выговор, — сказал он.

— Ну и чёрт с ними, — ответил я ему. — В таких условиях я работать здесь не буду!

И уехал к себе. Позвонил по «ВЧ» министру, рассказал, в чём дело, и заявил, что если меня и дальше будут мордовать по пустякам, то я не выдержу, брошу всё, пусть другие работают.

Министр обещал вмешаться, а я твёрдо решил, что надо подумать о смене работы, чтобы снова не сорваться и не очутиться в больнице.

Лида полностью согласилась со мною. О заседании бюро и о своей реакции на него я рассказал товарищам. Они меня стали уговаривать успокоиться, а Асаинов и Яковлев посоветовали взять недельный отпуск. От отпуска я отказался, а издал приказ «О мерах для ввода объектов СМУ-8 в эксплуатацию». Ещё раз всё взвесили, обсудили, провели собрание бригадиров, военных строителей, встречу с ИТР — рассказали им о решении бюро.

— Может, вам стыдно будет за то, что ваших руководителей наказывают за ваши грехи? — сказал я и в свою очередь обещал не только помогать, но и строго спрашивать. В приказе определил конкретные сроки сдачи объектов: объект ГО УКГБ — третий квартал, библиотеку ТГУ, аудиторный блок ФЭТ ТИАСУРа, инженерный корпус ТНХК, а также ликвидацию недоделок по благоустройству территории у ранее сданных объектов — тоже не позднее сентября...

Через какое-то время приехал начальник главка Иван Егорович Дерябин знакомиться с делами и разобраться, почему стройка не выполняет план.

— Министр очень встревожен вашими результатами, — сказал он, едва сошёл с трапа самолёта.

— Министр знает обстановку и причины её, я его и вас регулярно информирую. Надо помогать лучше, а пока со всех сторон идёт нажим. А сколько на стакан не жми, в него больше 250 грамм не влезет, — отвечал я.

— Ты много пишешь министру, его раздражашь и обижашь Георгиевского. Ему от ministra неприятно получать нарекания.

— А что мне остаётся делать, если планы навязываете и утверждаете вы, а выполнять должен я без вашей поддержки?

Пояснения
министру

— У вас много своих возможностей, посмотрите на выработку, она почти не растёт.

— Что означает выработка? — возразил я. — Вылезем из земли, пойдёт железобетон, кирпич, металл — и выработка будет. Мы не цифры, не проценты, а здания и сооружения строим, они строятся по своей технологии, а технологию создать никак не удаётся: то одного, то другого нет. Побывайте на оперативках, — и поймёте лучше.

— Что мне оперативки? Я работал начальником стройки и знаю, что всегда можно найти виноватого со стороны.

— Я недавно послал министру обзор работы по каждому заказчику и в копии — вам. Что-нибудь вы привезли для оказания помощи?

— Вам дан ответ.

— В ответе, — подключился главный инженер «Химстроя» Александр Асаинов, который тоже встречал начальство и теперь ехал в машине, — ничего конкретного нет. Это не ответ, отписка.

— Что хотели?

— Хотели того, что там написано.

— Я приехал с ответом. Что у вас произошло с Лигачевым? — повернул разговор на другую тему.

Я рассказал, как было.

— Вы мне организуйте встречу с ним.

Я не стал распространяться по другим делам, считая, что разговор лучше вести по ходу дела.

Два дня потратили на объезд стройплощадок, впечатление складывалось разное: где душа пела при виде работы, а где-то кипела от негодования из-за захламлённости, бескультурья в работе. Увидев начальство, подходили рабочие и прорабы, хвалились, жаловались, в основном, на перебои с материалами, механизмами, на тяжёлые квартирные условия.

После объезда и обхода у меня в кабинете остались вдвоём, и я спросил Дерябина:

— Какие впечатления остались?

— Бардака много. Вот вы жалуетесь, натравливаете министра на главк, Лигачева на министра, а не видите, что делается вокруг. Просите материалов, а не видите, сколько битого кирпича и изломанных конструкций валяется на площадках.

— Почему не вижу? Не только вижу, но и негодую больше вшего. Видимо, нашему народу нужно не одно десятилетие, чтобы научиться высокой культуре работы.

— Я бывал на многих стройках, но такой, как здесь, у меня в главке нет, — заводился Дерябин.

Он явно грешил против истины. Я и мои товарищи тоже бывали на других стройках и резкого контраста не находили. Постепенно разговор перешёл на повышенные тона.

— Надо не сидеть в кабинетах, а руководить непосредственно на стройплощадках, — заявил Дерябин.

— Откуда вы знаете, как я руковожу и где сижу? — спросил я.
— Приехали, два дня поездили, и всё уже решили. Спросите хотя бы секретарей наших, сколько я сижу в кабинете, или когда расходимся по домам. Вы бы лучше помогали нам в тех вопросах, по которым мы обращаемся к вам. А с недостатками сами бороться будем, без вашего участия.

— Я утверждаю, что основная причина плохих показателей является поверхностное, кабинетное ваше руководство стройкой. Вы не решаете положенных вам вопросов.

— Кто же за меня их решает? Если бы их не решали, то разве могла стройка до последнего времени быть в числе лучших в министерстве?

— Это не ваша заслуга. Пока у стройки оставался ранее накопленный резерв, она считалась лучшей, а теперь вы его размотали и ищете виноватых на стороне.

— Это неправда! Вы сами привели стройку в тяжёлое состояние. Дали невыполнимый план и пытаетесь менять. В таких условиях пусть кто-то другой лучше сработает. Я лично не смогу.

— Коли не можете, то берите бумагу, пишите заявление и уходите! Последние слова взорвали меня.

Или Дерябин приехал, кем-то настроенный против меня, в чём я не сомневался, или у него самого накипела злость за то, что не даём главку покоя. И то и другое привело к концовке нашего тяжёлого разговора.

Я схватил лист бумаги, ручку и написал: «Поскольку мне не создаются условия для нормальной работы, и я понял, что помочь ждать неоткуда, прошу освободить меня от занимаемой должности. Плохо работать я не хочу и не умею, а в такой обстановке не могу». Расписался и швырнул бумагу Дерябину. Тот не ожидал моего взрыва, взял заявление, прочитал и сказал:

— Ну, вот! Погорячились, и ладно! Давай успокойся, — он перешёл на «ты».

А я не мог успокоиться, ушёл в другую комнату, сел в кресло и еле сдерживал нервное напряжение.

Дерябин подошёл со стаканом воды, но я оттолкнул протянутую руку:

— Не нужно, я сам успокоюсь!

— Знаешь, что? — неожиданно сказал Дерябин. — Давай поедем в лес. Говорят, у вас грибов в этом году много.

Грибов, действительно, в те дни везли из лесов много.

Я позвонил главному диспетчеру Чёрному, попросил его зайти.

— Анатолий, как с грибами?

— Есть грибы.

— Ты знаешь, где?

— Можно найти. Надо ехать в район Кафтанчиково.

— Я потому тебя и пригласил. Поедем, покажи нам места. Заказывай машину, лучше дежурку.

— Сейчас организуем, — ответил Чёрный и удалился.

— Успокоился? — спросил Дерябин. — Возьми заявление.

— Нет, не возьму. У нас будет время обсудить его.

Вошёл Асаинов. То ли его случайно не было, или он сознательно дал возможность состояться случившемуся разговору, я не знаю. Но он принял наше предложение поехать в лес. В дороге мы не касались производства. Дерябин склонялся к воспоминаниям об Урале. Я понимал, что ему хочется как-то расположить меня к себе, что где-то он явно пересолил, и его предложение мне писать заяв-

ление — отсебятина, но я не собирался идти на компромисс, хотя внешне не показывал вида, но считал разговор от начала до конца до обидного несправедливым.

Переехали по мосту Томь, свернули влево, затем, проехав с десяток километров, повернули направо, миновали деревенские улицы и вскоре въехали в сосновый бор. Солнце катилось к закату, но в лесу ещё светло. Не успели проехать сотню метров по лесной дороге, как Чёрный, ехавший сзади шофёра, крикнул: «Стой! Вижу гриб!» Машина тормознула, стали вылезать, чтобы посмотреть. Действительно, почти рядом с дорогой, среди бело-голубоватого мха возвышалась тёмно-коричневая шляпка боровика. Чёрный наклонился, чтобы срезать его, и снова крикнул: «Вон ещё!» И показал рукой вперёд. Там стоял ещё такой же красавец.

Мы начали расползаться по бору, то и дело находили грибы, разжигая в себе поисковый азарт. Вскоре каждый набрал больше десятка, и захваченное шофёром в гараже ведро наполнилось. Стало темнеть, но никто не думал бросать поиски. Во мху грибы виднелись издалека, и приятно чувствовалась в руке упругая ножка боровика!

— Вот надо чем заниматься, а не трепать нервы, — сказал я приблизившемуся сверхдовольному Дерябину.

— Правильно сделали, что поехали! Лучшее средство, чтобы отдохнуть и снять груз эмоций. Я не думал, что у вас растут такие грибы. На Урале мне знакомо, но здесь лес лучше, и грибов больше.

— Здесь всё растёт, — уклонился я от разговора.

Наша «грибалка» подходила к концу, стало заметно темнеть, солнце зашло за верхушки деревьев и вот-вот собирались уйти за горизонт.

Мы подсчитали трофеи — за полтора часа почти целое ведро отборных боровиков! На работу решили не возвращаться, а поехали в коттедж жарить грибы.

За ужином ещё раз обговорили дела на стройке, чем надо помочь. Меня активно поддержал Асаинов, и Дерябин сдался. Он убедился, что наши просьбы незначительны, они повторяются из месяца в месяц, и мы не стали бы тормошить Москву, если бы что-либо менялось к лучшему.

Утром я проводил Дерябина в обком. Он вернул мне заявление и сказал, что между нами ничего не было. Но я сказал, что ответ всё равно дам письменный ему и министру, так как мне надоело мордование по пустякам, вместо того, чтобы разобраться глубже и помочь по необходимости.

Я не участвовал в разговоре с Мельниковым, но знаю, что Лигачев уклонился от встречи с Дерябиным. Вечером мы проводили его в Москву. По нашей просьбе с утра шофёры съездили в лес и привезли два полиэтиленовых мешка разных грибов, преимущественно боровых, белых. Отобрали лучшие из них, сложили в картонную коробку, сверху положили самый большой, сантиметров 40 в диаметре, но чистый, завязали как следует и вручили Дерябину во время посадки.

На другой день раздался звонок от Дерябина из Москвы, он благодарил за грибы «от имени семьи и соседей по квартире», которые были приятно удивлены сюрпризом. Я сел и написал письмо Славскому и Дерябину, в котором подтвердил своё желание освободиться от должности, поскольку Дерябин сам предложил мне отставку, возможно, излишне погорячившись, но выложил в пылу своих чувств то, что давно думал и вынашивал. Письмо получилось почти в шесть печатных листов. В нём я снова изложил состояние стройки, отметил, что принял её в неналаженном виде, а потом она работала хорошо почти восемь лет и если снова оказалась в прорыве, то виноват не только я.

Главку известно негармоничное развитие стройки, но они ничего не сделали, чтобы помочь ей, а на неоднократные обращения последовала реакция недоброжелательности.

Я снова повторил проблемы и пути их решения при условии оказания помощи и в заключение просил изменить мнение руководителей главка в части оценки деятельности стройки, сделав её объективной.

Прежде чем отправить письмо, я зачитал его в парткоме в присутствии Асаинова, Анцупова и Сперанского. Асаинов посоветовал не отправлять, опасаясь новых осложнений в отношениях, а Кириенков поддержал. И я отправил.

Письмо сыграло свою роль.

Будучи в командировке, я направился к министру, чтобы подписать несколько документов. Когда пришёл в приёмную, помощник сказал: «У него ваши руководители, областные — первый секретарь и председатель исполкома, пока там идёт какой-то шумный разговор. Вам лучше уйти. Ваша фамилия и Зайцева упоминаются».

Я сообразил, что надо уйти, но из любопытства подошёл ближе к двери и убедился, что за ней нет спокойного разговора.

Через полчаса снова вхожу в приёмную.

— Вас что, обижают с Зайцевым, что ли? — спросил помощник.

— Откуда такие сведения?

Очередной
визит

— Я слышал, как Ефим Павлович вашему Первому выражал неудовольствие.

— Всякое бывает. Недавно действительно чуть выговор не записали из-за пустяков.

— Идите, он один пока.

Я вошёл, как будто ничего не знаю. Министр сидел хмурым.

— Что у тебя? — спросил с ходу.

Я присел, достал из папки несколько документов, где нужно его решение. Он начал читать их, а потом синим карандашом подписал.

— Здесь были ваши руководители области, — сказал Славский.

— Просили увеличить тебе план по строительству в совхозах. Я отказался, потому что и без того планов не выполняете, а тебя наказывают. Я сказал им, что не тебя они наказывают, а меня, потому что я вас назначал на должности, — тебя и Зайцева, и вам доверяю. А вы меня не подводите!

Министр сделал паузу.

— Я получил твоё письмо. Ругаться между собою не умеете. Я вот с твоими руководителями области только что поругался, но не думаю ссориться. Дела государственные выше, чем личные. Понял? — сказал он.

— Понял.

— Вот и хорошо! Желаю успехов! — Славский поднялся, встал из-за стола, пожал мне руку».

Две правды

Егор Лигачев

«СТРОК ПЕЧАЛЬНЫХ не смываю». Так, наверное, вслед за Пушкиным, мог бы сказать Пронягин о своих воспоминаниях, касающихся отношений с Егором Кузьмичом Лигачевым в первое десятилетие томского периода.

Что было — то было.

Слишком разными были два этих человека. По характеру, темпераменту, привычкам. Лигачев — аскет, работал много, но при этом вёл здоровый образ жизни, не пил, не курил. Традиционным видам отдыха руководителей — охоте и рыбалке — предпочтитал лыжные прогулки.

Пронягин пьяниц тоже не любил, но, пожалуй, резко негативно относился только к откровенно злоупотребляющим, когда это сказывалось на работе, на исполнении служебных обязанностей. Человек общительный, ценящий дружбу и открытость в отношениях, он был из тех, кого называют «душой компании». Любил Пётр Георгиевич и охоту, и рыбалку, стараясь хотя бы раз в год выбраться на недельку с проверенными товарищами в тайгу или на Обь. Спорт, впрочем, он тоже любил и с удовольствием играл в волейбол вместе с другими руководителями «Химстроя».

Стили управления Лигачева и Пронягина тоже сильно различались. Егор Кузьмич был руководителем жёстким, суровым, хотя применял, конечно, в своей практике весь арсенал: и кнут, и пряник. Он ценил деятельных, эффективно работающих людей,

Пётр Пронягин

и для них он был щедр на награды, предоставлял возможность карьерного роста. Словом, строг, но справедлив.

Пётр Георгиевич тоже умел учинять спрос и требовать исполнения порученного. Но придерживался скорее демократического управленческого стиля, авторитарными приёмами не увлекался. Еженедельные пятничные оперативные совещания, которые он проводил в «Химстрое», были полной противоположностью сухим и напряжённым заседаниям в обкоме КПСС.

Вот как, например, описывал их бывший главный редактор спецвыпуска газеты «Красное знамя» на строительстве Нефтехим Сергей Андреев: «По пятницам в «Химстрое» проводились оперативки, образно названные кем-то «голубыми огоньками». Может, потому, что в роли остроумного, находчивого ведущего выступал на них начальник стройки, умеющий к месту вспомнить подходящий анекдот и тем обезоружить оппонента, знающий, кажется, всё на свете, а недостатки стройки особенно. Помню, однажды и меня он пригласил на «огонёк». Пронягин покатился по накатанным рельсам: вручил вымпелы руководителям победивших по итогам недели подразделений, почествоval именинников и юбиляров, а это Георгиевич делал самобытно, с особым удовольствием и с двумя-тремя четверостишиями собственного сочинения. В ходе доклада о выполнении недельных планов строго спросил с тех, кто обещал, но не сделал.

Начальник строительства с коллегами по «Химстрою»

Министр Ефим Славский с химстроевцами

По ходу примирил руководителей, не сумевших решить проблему. Не забыл о смотрах самодеятельности, спортивных соревнованиях».

Но при всей разности личностей, были у Лигачева и Пронягина общие черты. Например, порядочность. Оба никогда не использовали своё высокое положение в личных целях и не принимали тех, кто проявлял нескромность в поведении и высокомерие в отношении к людьми.

Оба были амбициозны, каждый на своём уровне, разумеется. Для Лигачева полем для реализации его амбиций была огромнейшая территория Томской области. Для Пронягина — то пространство, которое было отведено «Химстрою» решениями Минсредмаша и министра Славского.

Оба умели говорить и выступать. Без бумажки. Убедительно и ярко. Готовя сами, по большей части, тексты своих докладов и выступлений. Умели работать с информацией, анализировать, обобщать, заострять.

Назову ещё одну точку соприкосновения — семья, отношение к жёнам. Оба были однолюбы, раз и навсегда связавшими свои жизни с единственными спутницами, которых безмерно любили до конца их дней (и Егору Кузьмичу, и Петру Георгиевичу суждено будет значительно пережить своих жён).

Но главное — они оба были одинаково тверды в своих убеждениях, внутренних мировоззренческих установках. И не поменяли их даже тогда, когда это было модно и общепринято — в постперестроечную эпоху. Неслучайно и Лигачев, и Пронягин в новой России

оказались не у дел, отброшенными на обочину, в пенсионерскую пустоту. И оба не поддались и не сдались. Это многое стоит.

Впрочем, мы сильно забежали вперёд.

А тогда, в конце 70-х годов, казалось, ещё одна капля, ещё один конфликт — и общие пути-дороги двух этих выдающихся людей разойдутся в разные стороны.

Но не случилось. И только потому, что Ефим Славский снова взял под защиту своего протеже (такая надёжная подпорка за спиной была важна).

Дело! Большое дело внесло благотворные корректизы во взаимоотношения между первым секретарём Томского обкома и начальником «Химстроя».

И делом этим стало строительство Томского нефтехимического комбината.

Приведу несколько цифр:

Освоение капитальных вложений по промстроительству на объектах Томского нефтехимического комплекса, в млн руб.: 1974 г. — 3,57; 1975 г. — 12,7; 1976 г. — 29,4; 1977 г. — 34,8; 1978 г. — 67,48; 1980 г. — 133,06.

Троекратный рост объёмов за период с 1977 по 1980 год!

Пронягину нужен был Нефтехим. Именно на строительстве этого гиганта отечественной нефтехимии в полной мере проявился его организаторский талант, способность идти на риск, принимать ответственность на себя, не бояться испортить отношения в главке и министерстве, пробивать, добиваться, достигать нужного результата.

В этой книге не будем описывать подробности строительства ТНХК, обо всём написал сам Пронягин в своей книге «Как начинался Томский нефтехим».

Отметим лишь, что в истории строительства комбината он доказал свою правоту — правоту своих взглядов и возврений на то, как должно быть организовано строительное производство в условиях плановой экономики.

Мощь строительства, огромные капиталовложения, возможность значительно расширить силы и ресурсы «Химстроя» — это всё производные от того огромного потенциала, который был получен и использован строительным управлением в один из самых успешных периодов его истории.

Пронягин проявил себя настоящим полководцем, которого какое-то время мурлыкли в тылу и на второстепенных позициях и которому потом, наконец, предоставили широкий фронт и сказали: «А теперь в наступление!»

Начальник «Химстроя» организовал это наступление, показав высшую степень производственного и управленческого искусства. Он смело создаёт новые структурные подразделения под решение возникающих задач: строительное управление №12, строительное управление №13, строительно-монтажное управление №14, строительно-монтажное управление №15, строительное управление №16. Смело делает ставку на молодых руководителей. История Нефтехима — это и история его кадровых решений. К опытным его соратникам, таким как Хайдар Якубович Асаинов, Василий Леонидович Сперанский, Иван Александрович Пронин, Алексей Тихонович Анцупов, Леонид Викторович Виноградский, Василий Андреевич Бурыкин, Владимир Михайлович Чернов, Виталий Васильевич Кириенков, Анатолий Дмитриевич Самойлов, Кирилл Степанович Тыдыков, Иван Серафимович Чугай, Михаил Зиновьевич Слонимский, Алексей Георгиевич Кальченко, Василий Акимович Ткаченко, Анатолий Федорович Чемерис, добавились молодые профессионалы, такие как Илья Чёрный, Николай Лубенец, Геннадий Молоканов, Николай Волокитин, Владимир Кулешков, Юрий Гельман, Владимир Богданов, Михаил Дюндик, Анатолий Окунев, Александр Бояринцев, Сергей Звонарев, Анатолий Мурзин, Анатолий Духанин и другие.

Ещё одна цитата от журналиста Сергея Андреева: «Как талантливый руководитель, Пронягин сумел обобщить в стройный план многочисленные предложения своих способных помощников, предложения профсоюзного и партийного штабов стро-

ительства. Начальник умело использовал во благо дела личные качества подчинённых: и крепкую хватку Михаила Слонимского, и взрывной характер Василия Сперанского, и невозмутимость Хайдара Асаинова, и одесскую оборотливость Ильи Черного, и честолюбие Анатолия Чемериса, и самоотдачу Ивана Чугая...»

Когда у Петра Георгиевича спрашивали позже о главной стройке жизни, то он уверенно отвечал: «Это Томский нефтехимический комбинат: беда и счастье, боль и радость строителя, памятник ушедшим, свидетель подвига здравствующих созидателей...»

Это оценка в прозе. В стихах ещё красочнее:

...Возможностей много на новой площадке
Себя проявить и себе доказать,
Что если трудиться, творить без оглядки,
То станешь ты делу большому под стать.
Был спрос с нас суровый, ответственный, строгий.
Порою давали и нам по зубам.
Но через препяды, препоны, пороги
Мы вместе к победным пришли рубежам!

Пётр Пронягин, 1986

Для того, чтобы оценить сделанное Пронягиным, «Химстрое» при поддержке Министерства среднего машиностроения, Минхимпрома, других союзных ведомств, и, разумеется, Томского обкома КПСС, достаточно сопоставить два факта.

19 апреля 1974 года Совет Министров СССР принял постановление «О строительстве Тобольского и Томского нефтехимических комбинатов». Построить их предполагалось в ударные сроки: первую продукцию оба комбината должны были выпустить уже к 1979 году.

К строительным работам приступили практически одновременно. Тобольск даже с опережением — первую сваю там забили в 1975 году, на год раньше Томска.

Но была существенная разница. Тобольский комбинат строил Минпромстрой СССР, Томский — Минсредмаш. И пронягинский «Химстрой».

И первую продукцию первого пускового комплекса, — завода полипропилена — Томский нефтехим дал в феврале 1981 года. Первый метanol был получен в июле 1983 года. В мае 1985 года — начало производства первого формалина, ноябрь 1985 года — карбамидных смол.

Строительство ТНХК

ФОТО ИЗ АРХИВА
НИКОЛАЯ ЛУБЕНЦА

Запуск производства на Тобольском нефтехимическом комбинате состоялся только в 1984 году, когда была введена центральная газофракционирующая установка. Второй пусковой комплекс тобольского предприятия — по производству бутадиена — был введен в строй в 1987 году.

Такая вот существенная временная разница при прочих равных условиях (капвложения, внимание со стороны правительства и партийных органов и т.д.).

Потому и произошёл коренной перелом в отношении Лигачева к Пронягину на рубеже 1980 года. Первый секретарь обкома воочию видел начальника строительства в деле и мог оценить, как процесс переходит в результат.

И эта перемена была обоюдной.

Пронягин тоже ведь не слепой. На его глазах Томская область превращалась в совершенно новый регион. И он по-другому

Митинг по случаю первой сваи на ТНХК, 1976 г.

Визит главы Комитета народного контроля СССР
Ивана Густова на Нефтехим

оценивал шаги и действия первого секретаря, переоценивал причины и следствия конфликтов, случавшихся между ними.

Большое видится на расстоянии.

Лигачев смотрел вдаль, действовал стратегически. Порою, да, с гневом и досадой воспринимая помехи на этом пути, а Пронягин, с его упрямством, неумением подлизываться и послушно брать под козырёк, несомненно, выглядел на каком-то этапе «помехой».

У каждого оказалась своя правда, и обе сошлись в общем важном деле.

И тогда пришли к Пронягину и награды, и слава, и прочие заслуженные почести.

В феврале 1981 года, ещё до пуска полипропилена, на областной партийной конференции его избирают делегатом XXVI съезда КПСС.

В ночь на 21 февраля 1981 года, перед самым вылетом томской делегации на съезд, директор ТНХК Гетманцев вручил Пронягину три мешочка с ещё тёплыми гранулами полипропилена со словами: «Возьмите с собой в Москву». В аэропорту Богашево Петра Георгиевича встретили как победителя, тепло поздравили. Секретарь обкома Мельников сказал Пронягину: «Юрий Кузьмич обрадуется!»

Так и случилось. Лигачев был рад совместной победе химстроевцев и коллектива Нефтехима и с удовольствием принял подарочный пакетик с полипропиленом.

Строительство ТНХК

ФОТО ИЗ АРХИВА
НИКОЛАЯ ЛУБЕНЦА

В Кремлёвском Дворце съездов Пронягин встретил Славского, тоже избранного делегатом. Министр сказал: «Что же, рад за тебя! Узнал о твоём избрании на съезд и считаю, что заслуженно». Чуть позже, в министерстве, Пётр Георгиевич вручил министру томский полипропилен. Славский подержал в ладони горсть гранул, потёр их пальцами и сказал: «Стройкой проделана огромная работа!»

Третий пакет дарить оказалось некому, и Пронягин перед отъездом высыпал гранулы в Москву-реку.

За ввод в действие производства полипропилена на Томском нефтехимическом комбинате большая группа химстроевцев была отмечена государственными наградами. Очередной свой орден получил и Пётр Георгиевич — Трудового Красного Знамени.

Ну а дальше — снова напряжённая работа, снова трудовые бои и битвы, проблемы и победы.

Нельзя сказать, что после съезда и запуска полипропилена жизнь Пронягина совершенно наладилась и шла как по ковровой дорожке. Случались новые конфликты, новые переживания.

В августе 1981 года, например, Пётр Георгиевич получил очередное взыскание от бюро обкома и лично от Лигачева за, казалось бы, невинный проступок: в спецвыпуске газеты Пронягин поздравил коллектив «Химстроя» с Днём строителя. Прегреше-

Председатель совета министров РСФСР Михаил Соломенцев на ТНХК

Егор Лигачев и Пётр Пронягин

ние состояло в том, что поздравил лично, без указания парткома, постройкома, комитета комсомола и прочих общественно значимых органов. В результате Лигачев обвинил начальника управления в «вождизме» и «культе личности».

В 1982 году — новый нагоняй от обкома. На этот раз за затягивание с вводом Дома Советов, где должны были разместиться областной комитет партии и облисполком. Тут Пронягин вынужден был согласиться: виноват! Строительство Дома Советов «Химстрой», действительно, затянул безбожно, ведя его аж десять лет. Думается, был в этом своеобразный ответ Пронягина на постоянные нападки со стороны обкома с требованиями досрочного ввода десятков разных больших и малых объектов на территории области. «Для себя» областные власти требовать досрочного ввода не решались. Но — до поры до времени. В конце концов, строительство шло на средства партии, там тоже имелись свои нормы и правила расходования денег. В общем, пришлось засучивать рукава и навалиться всеми силами на этот объект, который позже назовут томским «Белым домом».

К чести Егора Кузьмича, после переезда старое здание обкома на улице Нахановича он распорядился передать не под чиновников, а областному Художественному музею.

Все эти и другие эпизоды были скорее необходимыми элементами «воспитательной» работы по отношению к Петру Пронягину. На общий победный темп, набранный его строительным коллективом, они не сильно влияли.

**Пётр Пронягин
с томской делегацией
на XXVI съезде КПСС,
1981 г.**

После запуска метанольного производства и в связи с 60-летием со дня рождения Петра Георгиевича наградили высшей государственной наградой — Звездой Героя Социалистического Труда. Произошло это 6 ноября 1984 года.

Об этом нерядовом событии Пронягин в своих воспоминаниях пишет сдержанно: «Об Указе Президиума Верховного Совета СССР я узнал от Зоркальцева, секретаря обкома, который показал мне документ, поступивший фельдсвязью. Когда я, придя с работы, объявил об этом Лиде, жена обняла меня и заплакала. Так выразила она оценку моего труда, и я признателен ей за это».

Золотую Звезду «Серп и молот» Петру Георгиевичу вручил новый первый секретарь Томского обкома КПСС Александр Мельников. Егор Кузьмич Лигачев к этому моменту уже работал в Москве на посту секретаря ЦК КПСС.

В 1986 году, после пуска производства формальдегида и карбамидных смол на ТНХК, Петра Георгиевича избрали делегатом очередного, XXVII съезде партии — второй раз подряд, случай небывалый для представителя от промышленности!

На съезде вновь соединились пути Пронягина, Лигачева и Славского.

НЕИ

Спецвыпуск
газеты
«Красное
зnamя»

Первый секретарь обкома КПСС Александр Мельников вручает Петру Пронягину Золотую Звезду «Серп и молот» и орден Ленина. 1984 г.

Герой
Социалистического
труда!

Пронягину доверили выступить на одном из заседаний. Выступать на съезде — огромная честь, и то, что она была оказана руководителю «Химстроя» — лучшая оценка его труда и его вклада в развитие строительной отрасли.

Накануне Пронягин встретился с Лигачевым. Егор Кузьмич, уже член Политбюро, второй человек в партии, сам подошёл к нему во время перерыва, улыбнулся, крепко пожал руку и спросил: «Ты готовишься выступать?»

- Всегда готов, если партия предложит, — ответил Пронягин.
- Давай-давай, обязательно будешь выступать.
- Как? По-томски или по-московски?
- Только по-томски, — сказал Лигачев.

Встретился Пронягин и со Славским. Сказал министру, о чём собирается говорить.

— Если речь готова, то надо выступать, не нужно держать её при себе, а то убежит. Об атомной станции не советую гово-

рить, ибо всё равно будем её строить. Не советую тебе соваться в строительство ЭЛОУ, это не твоё дело рассуждать, — нужна она или нет, есть специалисты — хозяева проблемы, пусть они и решают.

— Но настаивают руководители делегации!

— Их дело настаивать — твоё строить. Я всё сказал.

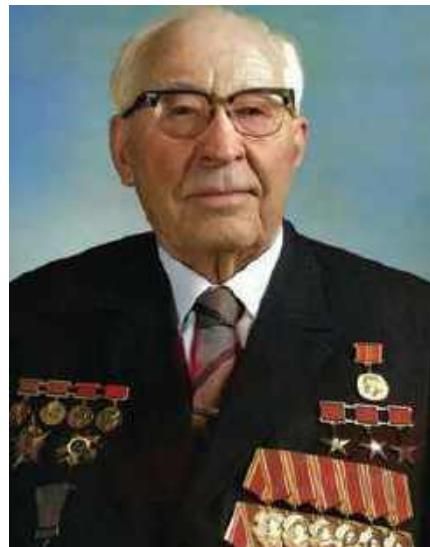
О чём говорил Пётр Пронягин со съездовской трибуны? Если отбросить полагавшиеся в то время обязательные реверансы в поддержку политики партии и исторических решений съезда, говорил Пётр Георгиевич по делу, за что не раз вознаграждался аплодисментами делегатов.

О том, что по-прежнему продолжается распыление сил строителей по многочисленным объектам, число вновь начинаемых строек заметно не сокращается, в планы заказчики включают объёмы работ, не подтверждённые проектной документацией и сроками поставок оборудования. О том, что необходимо техническое перевооружение строительства, его более высокая механизация и автоматизация. О том, что только в «Химстрое» в очереди на получение жилья стоит более двух с половиной тысяч семей, которые годами ожидают улучшения жилищных условий. «Вот и получается, как в пословице: «Сапожник — без сапог», а строитель — без квартиры. А отсюда — большая текучесть кадров, проблемы создания крепких стабильных коллективов, особенно на новых стройках», — отмечал Пронягин.

Выступая на съезде от лица всех строителей страны, он честно признавался: «В выступлениях многих делегатов звучали критические замечания в адрес строителей. Мне, может быть, несколько легче чувствовать себя здесь, на трибуне, оттого, что наш коллектив ежегодноправлялся с планами, досрочно на два месяца завершил пятилетку, и объекты, как правило, мы сдаём в срок и с хорошим качеством. Но чувство солидарности вынуждает поставить вопрос: почему же на протяжении многих лет капитальное строительство — это важнейшее производство страны — является отстающей отраслью? Ведь в стране строится всё-таки очень много, и строится неплохо. На стройках трудятся замечательные люди. Я знаю многих своих товарищей, преданных порученному делу до конца, без остатка. По моему твёрдому убеждению в первую очередь потому, что у нас прочно утвердилась система потребительского отношения к строителям. От строителей всем всё надо, надо быстро, одновременно, и мы подчас уподобляемся той домохозяйке, у которой

**Пётр Пронягин на трибуне
XXVII съезда КПСС, 1986 г.**

Ефим Павлович Славский

на плите одновременно выливается из десяти кастрюлок приготовляемый ею бульон. Не знаем, за что браться». С таким отношением к труду строителей надо бороться, — высказал своё мнение Пронягин. Сказал он и о том, о чём просила томская делегация — о необходимости строительства АЭС в Томске и установки по первичной переработке нефти для производства прямогонного бензина (сырья для ТНХК).

О своих ощущениях во время выступления Пётр Георгиевич оставил запись:

«...После Назарбаева объявили мою фамилию. Я поднялся с места и пошёл на трибуну, встретился взглядом с Соломенцевым, Воротниковым, Щербицким, Громыко, Горбачевым, Лигачевым. Они оглядывали меня, а я их. Вижу Фиделя Кастро, он поглаживал бороду. Хоннекера, Живкова и других. Для меня — исторические минуты.

Я — на трибуне съезда. Справа — стакан с чаем. Оглядел большой зал и начал речь, заученную почти наизусть. Слыши сзади какой-то разговор, оглядываюсь и вижу, что Лигачев что-то говорит Горбачеву. Продолжаю говорить. Меня прерывают aplодисменты, выходит, съезду нравится то, что говорю. Но вот и конец выступле-

ния, я хлебнул из стакана — сладкий тёплый чай. Теперь знаю, что подают на трибуну».

Позже, после заседания, во время встречи томской делегации с Егором Кузьмичом, Лигачев одобрительно отзовётся о выступлении Пронягина.

— Даже Михаил Сергеевич обратил внимание на то, как смело вы выступаете, по-боевому. На это я ему ответил, что знаю его: он как говорит по-боевому, так и работает, — сказал Лигачев.

Съезд стал воистину звёздным часом Петра Пронягина. Во время его работы, на гребне успеха ему ещё удастся протолкнуть застрявшее где-то в кабинетах ЦК решение о награждении управления строительства «Химстрой» орденом Ленина. В один из дней первый секретарь обкома Виктор Зоркальцев сообщил: Указ готов, все согласования получены.

Исторический момент! Пожалуй, пик на профессиональном и жизненном пути Петра Георгиевича Пронягина. Высшая точка.

Сохранилась очень символичная фотография: Пронягин на трибуне съезда, позади него, в президиуме — Егор Лигачев.

Где-то за кадром остался легендарный министр Ефим Славский.

Славского на съезде вновь изберут членом Центрального Комитета КПСС. Но пост министра среднего машиностроения он вскоре будет вынужден покинуть. В ноябре 1986 года в возрасте восьмидесяти восеми лет он уйдёт в отставку, оставшись рекордсменом по продолжительности работы министром — почти тридцать лет, да и по возрасту увольнения тоже.

К сожалению, уход Славского совпадёт с закатом некогда всесильного атомного ведомства. Чернобыльская катастрофа, случившаяся в апреле всё того же 1986 года, значительно усилив эти разрушительные процессы.

Последние годы жизни Ефим Павлович проведёт в доме отдыха «Опалиха» Московской области, где за ним было закреплено постоянное помещение. Скончался выдающийся атомщик 28 ноября 1991 года, в возрасте 93 лет, не дожив всего несколько дней до распада Советского Союза — страны, которой он посвятил всего себя без остатка.

Егор Кузьмич Лигачев переживёт ещё немало триумфов и падений. Став одним из проводников перестройки, правой рукой Горбачёва, он достигнет высшей власти в иерархии государства. В 1988 году на XIX партийной конференции скажет историческую фразу: «Борис, ты не прав!», адресованную опальному Борису Ельцину, будущему президенту Российской Федерации.

Одна из последних встреч Петра Пронягина и Егора Кузьмича состоялась в 1989 году, когда Лигачев, ещё член Политбюро, но к тому времени уже сильно потерявший свои позиции, приехал в Томск.

Встреча
с Егором
Кузьмичом,
1995 г.

Перестройка вступила в свою катастрофическую фазу. Страна «прочно сидела на талонах». Экономика рушилась на глазах. Партия теряла власть, добровольно отказавшись от 6-й статьи Конституции, закреплявшей за ней статус «руководящей и направляющей силы советского общества».

На съезде народных депутатов Лигачев оказался под ударом критики со стороны «демократической общественности». Его обвинили чуть ли не в организации жестокого подавления протестов в Грузии. Потом экс-следователи, а ныне депутаты Гдлян и Иванов развернули кампанию против Лигачева, обвинив его в коррупции.

В таких вот непростых условиях Егор Кузьмич приехал в область, которой он отдал лучшие свои годы.

В Томске Лигачева ожидала прохладная встреча. В ТГУ его попросту освистали.

Несколько ранее Пётр Георгиевич написал ему письмо, в котором выражал поддержку его деятельности и его взглядам. Потом выступил на пленуме Томского обкома в защиту Лигачева и партии. На основе этого выступления подготовил и опубликовал большую статью в газете «Красное знамя».

После встречи Егора Кузьмича с партийно-хозяйственным активом Томской области, Пронягин подошёл к нему, поздоровался. Лигачев был рад встрече. Высказал сожаление, что время визита сжатое, и он не сможет побывать на объектах Нефтехима.

**Проводы
Петра
Георгиевича
Пронягина
на пенсию,
1990 г.**

— Мы многое сделали в ваше отсутствие, — сказал Пётр Георгиевич.
— Знайте, мы там сражаемся!

— Я знаю, но времени в обрез, так что не обижайтесь, — ответил Лигачев.

— Мы понимаем.

Лигачев помолчал и сказал:

— Спасибо вам, Пётр Георгиевич, за всё. И за поддержку в статье тоже. Я читал её. Желаю тебе доброго здоровья.

Он шагнул и обнял Пронягина.

«Мы ещё раз пожали друг другу руки, и я пошёл на выход, — вспоминал Пётр Георгиевич. — Так мы расстались. Быть может, навсегда».

В 1990 году Лигачев будет выведен из состава Политбюро ЦК КПСС. Впрочем, партии это не поможет, через год и она «уйдёт в отставку». Вместе со страной под названием «Советский Союз».

Пётр Георгиевич Пронягин в том же 1990-м тоже уйдёт. Сам, добровольно. На 66-м году станет пенсионером, получив, наконец, долгожданный отдых. Но не покой.

Покой таким людям, как Пронягин, действительно, мог только сниться.

СЛОВО о Пронягине

Такие люди нужны нам сейчас

Николай Кириллов,
профессор,
бывший секретарь
Томского обкома
КПСС

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА с Пронягиным, скорее всего, случилась на какой-то депутатской комиссии здесь, в Томске. Мы оба были членами Томского обкома партии, оба были депутатами областного Совета народных депутатов.

Пронягин был очень пунктуальным человеком. Депутатские комиссии он не пропускал, всегда приходил, здоровался со всеми за руку, это был его стиль работы.

Отношения Пронягина и Лигачева. Судьба, Бог или партия сработали так, что они оба почти одновременно появились в Томской области. Лигачев приехал, следом появился на Почтовом Пронягин. Касаясь отношений Пронягин — Лигачев, могу сказать: «Единомышленники, соратники, друзья».

Больше всего в памяти осталась реконструкция Ботанического сада. Лигачев однажды вызвал меня, я тогда был завотделом науки обкома

партии, отвечал в Томской области за все университеты, научно-исследовательские институты и т.д. Высоких гостей обязательно водили в Ботанический сад. Настало время заняться его реконструкцией. Это было очень старое здание XIX века — дерево и стекло. Деньги выделялись Минвузом на ремонт, но текущие ремонты не спасали.

Идею реконструкции Ботанического сада я услышал прямо от Пронягина: «Просто так это реконструировать нельзя». В трёх словах он изложил свою концепцию: «Ломать и строить невозможно, не сохраним Ботанический сад. Я сам побывал, всё посмотрел, нам нужен громадный кран, какие делают в ФРГ, так, чтобы мы поставили стены, а потом сверху накрыли Ботанический сад крышей, потом пусть разбирают эти деревяшки, выбрасывают...»

Всё это потом осуществилось, и кран сюда привезли, который на 100 метров мог поднимать или больше, и реконструкцию Ботанического сада тогда провели именно так, как Пронягин подсказал.

Нет, между Лигачевым и Пронягиным не было соперничества. Это судьба, это были единомышленники и друзья. Пронягин сам прошёл большую партийную школу, он же секретарём горкома был.

К 80-м годам «Химстрой» был обеспечен таким количеством денег, которые надо было осваивать, ему самому требовалась помощь. Особенно хорошо я это знаю по Академгородку.

На одном из бюро, на котором я присутствовал, обсуждалось строительство студенческих общежитий. Пронягин предложил перенести это строительство на год. Лигачев предложил съездить на Никитина, 4 — это студенческое общежитие государственного университета, так называемая «пятихатка», 30-х годов постройки. Сели прямо с бюро и поехали...

В одной из комнат общежития стоят трёхъярусные кровати. Лигачев спрашивает у Пронягина: «Рабочие Средмаша так живут?»

— Нет, не так, рабочие все обеспечены, как надо...

Короче говоря, увидев эти трёхъярусные кровати, Пронягин согласился ускориться со строительством общежитий. Была обещана мощная помощь, были привлечены студенческие отряды, рабочие силы и т.д. Пронягин быстро понял, что с Лигачевым можно строить что угодно. Общежития выросли, как грибы. Поезжайте на улицу Усова, на улицу Вершинина, это всё общежития, которые построил «Химстрой».

Это была настоящая дружба. Они друг друга хорошо понимали, хотя пикирование, конечно, было. Но и помощь была.

О Пронягине. Мне всегда было легко с ним общаться. Везде, где мы встречались, в рабочей обстановке или на пленуме, или в неформальных ситуациях. А потом у нас вообще стали хорошие дружеские отношения.

Широта и кругозор Пронягина были наравне с Лигачевым, без всякого преувеличения. Он супер реально оценивал состояние российского общества, как крупный философ. В состоянии рассуждать, что так, что не так.

Всегда был в поиске путей развития Почтового, развития Нефтехима, он очень любил этот комбинат. Он первым придумал, что погрузят первые гранулы с пропиленом на заседание съезда, это был XXVI съезд партии.

Пронягин — человек, который был в постоянном творческом поиске. Он не идеализировал прошлое, а искал пути развития страны, области, своего комбината и, прежде всего, своей строительной организации.

И Лигачев, и Пронягин были поборниками здорового образа жизни. Здесь они сходились целиком и полностью.

Ещё один интересный эпизод я наблюдал и запомнил.

Построили новое здание обкома партии. Через год оно у нас загорелось, случился пожар. Мы на работу пришли, а там на четвёртом этаже, в том углу, который горел, уже ходят Пронягин с Лигачевым. То есть мы ещё на работу не пришли, а Пронягин был уже там, он сразу приехал. Через три дня мы не видели никаких следов пожара, хотя работы там было много. Очень оперативно всё было сделано.

С ним было легко, когда мы были на своём уровне, но когда он кому-то что-то выговаривал, было несладко, это точно.

Юмор был. Помню ужин на Почтовом, когда приезжали высокие гости. Он вёл этот вечер. Много рассказывал, обязательно мог что-то добавить, рассказать. Он был живым человеком.

Порядочность. Он никогда не заботился о своём личном благополучии. Много было общих качеств с Лигачевым.

Я отмечал, что Лигачев умел признавать ошибки. Пронягин был из той же категории людей. Он мог ошибиться, потом понять.

На бюро обкома он всегда приходил с какими-то делами, всегда чем-то делился. Его выступления на пленуме или на активе всегда были яркими.

Я лично всегда ценил, когда выступает Пронягин, когда выступает Зуев, когда выступает Зоркальцев... Глубокими были выступления этих людей. Пронягин был у меня в списке тех людей,

которых надо обязательно послушать. Никакого «пустобреха» не будет, всегда продуманные, ясные предложения. Он умел говорить, не всем это дано. Есть люди, у которых в голове много идей, но выразить они не могут. Выходил Пронягин, и всем всё было понятно. Вот, это важное качество...

Человек-легенда. Да, я с этим согласен.

Случилась авария — отравили Томь в Кемерово. По этому поводу собирали бюро, пленум, актив и т.д. Пронягин встал сразу, высказал готовность этим делом заняться. Лигачев обеспечил самое главное, Косыгин дал деньги, деньги пошли на «Химстрой». Вот, там он настоящий герой был. Сам лазил по этим скважинам. лично докладывал.

Как нам не хватает сейчас таких людей! Лигачев и Пронягин нам нужны и сейчас.

Труд и память

Николай Диденко,
мэр ЗАТО Северск

ПЁТР ПРОНЯГИН для нашего Северска — такая же знаковая фигура, как Ефим Славский, Степан Зайцев, Геннадий Хандорин, Владимир Коньков, Николай Кузьменко и десятки других людей, которые по праву носят высокое звание «Почётный гражданин города Северска».

Пронягин занимает в этом ряду своё, особое место. Северск строили и до, и после Петра Георгиевича, но именно Пронягин стал символом строительной профессии. Благодаря своему несокрушимому характеру, твёрдой воле и колоссальной работоспособности, он навсегда вошёл в историю одной из атомных столиц страны.

6 апреля 1949 года министр внутренних дел СССР Сергей Круглов подписал приказ о создании управления строительства № 601 — будущего управления «Химстрой». Эта строительная организация в сжатые сроки в глухой сибирской тайге построила атомный щит Родины — Сибирский химический комбинат и наш город Северск.

Имена главных руководителей «Химстроя», четырёх Героев Социалистического Труда, навсегда вписаны не только в историю города, но и СССР. Это Николай Иванов, Михаил Царевский, Александр Грешнов и Пётр Пронягин, возглавлявший строительную организацию почти 23 года.

Именно химстроевцы построили в Северске заводы, школы, детские сады, больницы, учреждения культуры, жилые дома, да почти весь город! А ещё «Химстрой» возвёл ТНХК и ТЭЦ-3, Томский академгородок, десятки учебных и лабораторных корпусов вузов Томска, аэропорт и телецентр, Дворец спорта и Дом Советов, свинокомплекс «Томский» и тепличный комбинат в Кузовлево, многие другие объекты социально-культурной сферы Томской области.

В 1986 году коллектив управления «Химстрой» был награждён высшей правительственный наградой — орденом Ленина, в чём, несомненно, была большая заслуга его руководителя Петра Пронягина. Сотни рабочих, служащих и инженерно-технических работников «Химстроя» награждены орденами и медалями СССР, удостоены высоких профессиональных званий.

Сегодня «Химстроя», который во времена Советского Союза был самой большой за Уралом строительной организацией, уже нет. Но живы многие его ветераны, стоят здания, сооружения и дома, построенные их руками и которые по-прежнему служат людям.

2024-й — особый год для Северска, Сибирского химического комбината, управления «Химстрой» и Петра Пронягина. У всех у них юбилей. Северску, СХК и «Химстрою» исполнилось 75 лет, а Петру Георгиевичу Пронягину исполнился бы век.

Мы бережно храним память о строителях города. Я не задумываясь поддержал идею создать в Северске Аллею строителей, посвящённую труду и памяти тех, кто создавал и создаёт наш город, Петру Пронягину, его соратникам и последователям.

Люди живы, пока мы храним о них память. Настоящего, а тем более будущего, без прошлого не бывает.

Честь и почёт!

Виктор Кресс,
сенатор Совета
Федерации
Федерального
Собрания
Российской
Федерации,
экс-губернатор
Томской области

я давно знаю Петра Георгиевича Пронягина. Без преувеличения могу сказать, — это ярчайшая, самобытная личность, человек, который много сделал для развития строительной индустрии Томской области.

При Пронягине в Томске и области происходило бурное развитие капитального строительства, поэтому то, что появилось в нашем регионе, в областном центре в 70-е и 80-е годы, — однозначно связано с его именем.

Среди прочих его достоинств я бы назвал понимание социальной и экономической важности агропромышленного комплекса региона. Когда он руководил «Химстроеом», эта строительная организация практически с нуля выстроила мощный агропромышленный пояс вокруг Томска — свинокомплекс, птицефабрики, тепличный комбинат и многие другие объекты.

Когда я работал в совхозе «Корниловский», СМУ-7 «Химстроя» построил для нас животновод-

ческий комплекс на 400 голов. Вообще, заполучить «Химстрой» в подрядчики было «голубой мечтой» всех руководителей сельских хозяйств, знали — построят с высоким качеством.

Пронягину томичи должны быть благодарны за комплекс подземного водоснабжения. Это, конечно, были идеи и проекты Егора Кузьмича Лигачева. Но без такой надёжной опоры и мощного подрядчика в лице «Химстроя» эти проекты просто некому было бы реализовывать.

Поделюсь и личным. Многие годы жил в доме на Каштаке, на улице Мюннихса, который тоже построил «Химстрой» во времена Пронягина. Хорошее жильё!

Пётр Георгиевич уже тогда был легендой. Легендой и остался.

Когда я был губернатором, в администрацию поступило обращение — избрать Петра Георгиевича почётным гражданином Томской области. Я сразу же поддержал это начинание. Именно такие люди, как Пронягин, составляют настоящую славу Томской области. Честь и почёт!

Легендарный человек

Владимир Бобрешов,
почётный гражданин
города Северска,
заслуженный
работник
Сибирского
химического
комбината.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, Пётр Георгиевич — легенда. Мне повезло, всем повезло, всем горожанам повезло, что у нас был такой человек — Пётр Георгиевич Пронягин. Он обладал высокими организаторскими способностями, хорошим интеллектом, смелостью, целеустремленностью. Он всегда смотрел в будущее и задачи ставил перед своими работниками очень простым, мотивированным языком. Своей энергией он как-то заражал людей. Люди, которые послушали его выступление, отмечали, что хотелось как-то встать и пойти, что-то совершить.

Я с Петром Георгиевичем знаком со времени, как он приехал. Я в то время работал в горкоме комсомола Томска-7, был заведующим организационным отделом. Решал не только внутрисоюзные, комсомольские вопросы, но и кадровые вопросы. Комитет комсомола «Химстроя» был на правах райкома — большая численность, больше 9 тыс. человек, а в городе было около 30 тыс. комсомольцев. «Химстрой» — большая организация.

Первый раз я с ним повстречался перед конференцией, он задавал вопросы: как доклад, как состав комитета, кто будет в составе.

Надо отдать должное, когда были комсомольские конференции, он всегда выступал. Молодежь, члены конференции всегда ждали, когда Пётр Георгиевич выступит. Он эмоционально выступал, задачи на будущее ставил.

Всё то, что он говорил, делалось. Например, создание комсомольско-молодёжных бригад. Они были созданы, соревнование среди молодежи по профессиям — тоже было организовано. Всё активно проходило. Вспоминается мне момент. Бюро райкома комсомола города решило, что надо нам соорудить монумент — памятник первостроителям. А где взять денег?

Встречаемся с Петром Георгиевичем: «Это хорошая идея, это надо сделать!»

Улица Комсомольская, пр. Коммунистический, — это будет городу всё видно. Я только помогал, собирая людей, чтобы там работали, сколько и когда, а проекты, бетон, — это всё он помогал.

В 1974 году я уже перешёл в горком партии, работал заведующим организационным отделом — другие проблемы. Самое главное у меня было — это кадры, резерв кадров. Пронягин всегда интересовался составом горкома партии.

— Владимир Семёнович, давай посмотрим, кто у нас от строителей? Надо, чтобы наши строители участвовали...

Состав горисполкома, депутатов избирали, формировали состав, — всё через меня проходило.

Самое главное, я обратил внимание, что он многих бригадиров, просто рабочих знал не только фамилии, а имена, отчества. Такая память у него была. Я удивлялся, как он мог запомнить такой коллектив, столько людей!

Эти годы были сложные, напряжённые. Нагрузка на «Химстрой» была большая, шла реконструкция комбината. Обком партии привлек к строительству сельхозобъектов, надо людей туда направить, это было сложно.

На бюро иногда рассматривали производственные вопросы. Почему медленно, почему задержка? Пётр Георгиевич, как было трудно не было, он планы выполнял. Хотя и были какие-то шероховатости, но планы всегда выполнял, всё делал вовремя.

Помню такой момент, было какое-то крупное городское мероприятие: Лигачев здесь, Пётр Георгиевич, Зайцев. Вдруг Пронягин и Лигачев остановились, стоят, что-то громко обсуждают, эмоционально обсуждают, Зайцев стоит спокойно слушает...

Пётр Георгиевич говорит: «Юрий Кузьмич, мы здесь не решим, завтра мне надо посоветоваться со своими работниками, я вам в обед доложу». Зайцев говорит: «Ну вот, вопрос решён». Надо было построить какой-то крупный объект, надо снять работников с объективов комбината или с какого-то социального объекта города, отдать, направить на другое строительство.

Пётр Георгиевич давал себе возможность продумать, обсудить со своими работниками, он не говорил, сразу «да» или «нет», когда в чём-то сомневался.

Хотелось бы отметить один из моментов, — когда в город приезжал наш министр Славский, то в нашем городе он останавливался дольше, чем в других городах, больше двух дней. На одной из встреч Славский говорит: «Город прекрасный, строительство, как ни в одном другом городе, комплексное. Вот микрорайон: школа, детский сад, строится вот это... Город не разбросан, красивый город, конечно, заслуга Петра Георгиевича в этом...»

Наверное, он был доволен, что не ошибся в назначении Петра Георгиевича.

У Петра Георгиевича Пронягина до последних дней в его домашнем рабочем кабинете всегда висел портрет Славского, настолько они явно были духовно близки, всегда поддерживали, понимали друг друга. Пётр Георгиевич всегда уважительно вспоминал эти встречи.

Надо отдать должное, от Петра Георгиевича зависело, будет ли нам построено вот это, вот это...

Детский театр. Александра Дмитриевна Южакова, конечно, молодец: «Нужен детский театр». Члены бюро собирались, обсуждали, да, детский театр нужен. Театр построили.

Надо построить музыкальный театр, — собирались Зайцев, Пронягин, обсуждали. Возможности есть, дом культуры комбината давайте построим. Построили дом культуры комбината, это помещение передали городу. Комбинат оставил себе музей, всё остальное подарил городу. Такой прекрасный театр появился, музей, музыкальная школа. У нас появились кинотеатры, спортивные площадки, спортивная школа. Больше всех у нас спортивных школ в городе, больше, чем в других городах.

Градостроительный план, который был разработан много-много лет назад, исполнялся. Сейчас мы видим красивый город и панорировку.

От него зависело многое... Особое внимание мы обратили на строительство детских садов, детских комбинатов в каждом ми-

крорайоне. На приёмку всегда выезжали Пётр Георгиевич и Степан Иванович. Они принимали, все готовились к этому.

Я много встречался с бригадирами, с рабочими, все о Петре Георгиевиче говорили только уважительно. Его была инициатива, предлагал съездить по подразделениям предприятий. У него это было на контроле.

С кадрами была напряжёнка. Не все руководители выдерживали, менялись, с этим сложно было. Пётр Георгиевич не стеснялся, приходил, советовался.

Могу привести пример. Управление строймеханизации, никак не тянет коллектив. Одного сменили руководителя, другого.

— Владимир Семёнович, посмотри, тут предлагают двоих, посмотри, кто там, посоветуйся с людьми.

Два дня побывал, посмотрел, прихожу к Петру Георгиевичу и говорю:

— Кого предлагают у вас — не подходят, а вот люди называют Дежкина.

— Ну почему бы и нет?

— Все говорят о том, что он умеет работать с людьми.

А потом через полгода говорит: «Ну вот, и всё пошло. Дела там пошли».

Второй момент, попозже — собрался уходить председатель горисполкома Шеховцов А. Р., переводили его.

— Надо в течение двух недель решить вопрос, кто будет.

Семь человек у меня в резерве, подготовленных. Надо из этих семи человек выбрать одного, предложить на бюро обкома, показать.

Прошла первая неделя, пошла вторая неделя, во вторник вечером звонок.

— Владимир Семёнович, что молчишь? Скажи, кто там у тебя?

— Пётр Георгиевич, вы же дали две недели, я хотел вам в четверг доложить.

— Это долго. Что у тебя?

У меня семьдесят человек, работники из города, из комбината, с «Химстроя», работники культуры, образования. Всех, с кем я разговаривал, я записывал, потом таблицу составлял.

— Пётр Георгиевич, у меня триста листов написано, таблица.

— Ну и что, дай мне на ночь таблицу эту, я посмотрю.

Вечером бюро почти в полном составе: Пронягин, Коньков, Зайцев. Пётр Георгиевич выступает: «Мы изучили, Владимир Семёнович предлагает кандидатуру Кузьменко. И правильно, он готовый».

Так появился во главе города Николай Иванович Кузьменко. Его первое слово было. Мы не ошиблись в подборе Николая Ивановича.

Меня вызвали в обком, на бюро, сказали: «Будешь работать на другом месте». Направили начальником режима и охраны Сибирского химического комбината. Дают направление, приезжаю на смотрины в Росатом. Пошли в столовую, человек около двухсот. Прохожу, встречаю в столовой Пронягина.

— Ты что тут?

— Вот, направили.

— Не бойся, ты готовый. Если что, поможем.

Мы долго с ним сидели в столовой. Все разошлись, мы сидели вдвоём часа полтора, он рассказывал, как, что надо делать.

— Самое главное, обрати внимание вот на что: на приём к тебе будет много людей приходить. Ты встань на место просителя, отказать ведь проще всего. Если у тебя есть малейшая возможность решить вопрос, ты его реши, возьми на себя, — и людям будет нормально.

Я этот совет Петра Георгиевича на всю оставшуюся жизнь всегда помню, я всегда слышу его голос, что надо встать на его место и попытаться помочь человеку.

Благодарен за помощь и советы

Геннадий Месяц,
академик РАН

ТОМСК был крупнейший научный центр России: первый университет, политехнический институт, были сильные научные кадры. Но из Томска многие учёные уезжали, вытягивались лучшие кадры, целые области наук, например, геология, два профессора очень крупных уехали. Физики, химики уехали. Это, конечно, создавало ощущение, что «грабят» Томск, и это создавало целый ряд проблем.

В 1968 году приехала делегация из Москвы во главе с президентом Академии наук академиком Келдышем, академиком Лаврентьевым — председателем Сибирского отделения, председателем комитета по науке и технике академиком Кирилиным и министром образования Российской Федерации Столетовым.

Первый секретарь обкома партии Егор Кузьмич Лигачев имел большой опыт, он понимал, чтобы сохранить науку, нужно в Томске создать отделение Академии наук. Создать условия, что-

бы люди не бежали, чтобы здесь оставались, росли, интегрировались.

На этой почве возникли серьёзные разногласия с ректором политехнического института Александром Акимовичем Воробьёвым, тогда фактически он был главным научным деятелем Томска. Он был категорически против, говорил, что исторически здесь, в Томске, развивается вузовская наука.

А Лигачев предлагал это исправить.

Несмотря на резкие возражения Воробьева, было принято решение, что Академгородок, академические институты будут создаваться в Томске. А. А. Воробьёв решил воспользоваться ситуацией, когда приехала такая авторитетная делегация. Он обговорил вопросы создания нескольких научно-исследовательских институтов при вузах, при политехе, при университете. К тому времени уже был создан институт ядерной физики при политехническом, действовали физико-технический институт при университете, институт интроскопии, институт высоких напряжений, автоматики и механики.

Воробьёв 26 лет руководил политехом, создал хорошую школу. Многие вузы образовались, например, в Тюмени, в Новосибирске, Красноярске, в Кемерово и других городах. Как правило, многие специалисты уезжали туда.

Я считаю, что на востоке Сибири он сыграл огромную роль в развитии науки, все это признавали. Но в итоге было принято решение создавать в Томске несколько академических институтов: три института — институт химии нефти, институт оптики атмосферы, третий институт хотели создать как филиал ядерного института в Новосибирске.

Когда Лигачев приехал в Томскую область, он поначалу былначенен сделать Воробьева руководителем Томского академического научного центра. Но его Сибирское отделение не приняло. Он писал письмо в ЦК: «Не надо грабить Томск», и это сыграло роковую роль. Когда ему исполнилось 60 лет, его отправили в отставку.

Я имел опыт комсомольской работы, в ЦК комсомола, это сыграло потом определённую роль. Владимир Евсеевич Зуев попросил меня от Академии заняться строительными делами.

Сибирское отделение начинало строиться, появилось огромное количество строителей, которые занимались строительством атомных объектов. Это были высококвалифицированные специалисты. «Пробили» решение, чтобы Средмаш, то есть «Химстрой», был главным строителем всего этого дела.

Так появился Пронягин. Много раз общался с ним, разговаривал. Были интересные вещи, которые он помог сделать. Как специалист, подсказывал, «где, что». Денег много, а где достать материалы? Зуев обещал Лигачеву, что к 1972 году мы пустим институт, т.е. срок был уже обозначен.

Я был членом бюро ЦК комсомола. Написали письмо в ЦК, предложили принять решение — признать Томск всесоюзной комсомольской стройкой. Признали комсомольской стройкой. Подали список, что нам нужно для запуска института, мы получили хорошую порцию, но всё равно этого не хватало.

Лигачев был крайне заинтересован строить быстрее. Естественно, что надо, так надо, это всё решалось с Пронягиным.

Человек был исключительно порядочный, исключительно ответственный, понимал наши общие проблемы. Он был смелый человек, не боялся брать на себя ответственность. Всегда был доброжелательный, понимал сложности.

Проблемы были чудовищные. Мои лаборатории размещались в 17 подвалах Томска. За наши научные работы мы уже получили премию Ленинского комсомола, было множество публикаций, они получили одобрение во многих странах мира, нобелевские лауреаты поддержали меня, когда я докторскую написал, все понимали, что надо продолжать эти работы.

Я проделал всё, чтобы найти средства. Никто не мог пойти и сказать комсомолу: «дай денег». Конечно, деньги дал не комсомол, а Совет министров. И по нашему письму было принято решение. Мне было сказано: «Мы посоветовались ... Вам надо будет строить институт, вы много сделали, нужно дальше развиваться, чтобы потом создавать ваш институт».

Мы занимались физикой, надо было продолжать свои исследования. Мне дали должность заместителя директора. Я иду к Лигачеву, рассказываю ему, что мы развиваемся, у нас много заказов, некоторые вещи от нас зависят, а мы тут сидим в подвалах. Он согласился со мной: «Надо, надо». Было принято решение дать нам на институт 600 кв. метров. Но у нас такие работы, что напряжение было до нескольких миллионов вольт. У нас стоят генераторы. У нас мощнейшая радиация, мне нужны подвалы с защитой — бетонная защита, там несколько метров. Что я могу сделать на шестистах метрах?

Естественно, что мы с Пронягиным обсуждали этот вопрос. Что сделать?

Его был совет. Он фактически вывел нас на директора филиала института, который делал проект. Мы решили делать свой проект,

это был проект на 3 тыс. кв. метров (центральная часть). Поскольку мы много зарабатывали денег, у нас было много хоздоговоров, мы заказали сами. Нам ребята практически подпольно сделали проект, мы заплатили хорошие деньги. Как говорится, «мы за ценой не постоим». Конечно, я сердечно благодарил Пронягина за советы и помощь.

Дальше надо, чтобы Лаврентьев подписал. Академик Лаврентьев регулярно приезжал, встречались. Я сказал Лигачеву: «Вы говорили, будет институт. Нужна поддержка!» Лигачев всё хорошо понял. Проект на 3 тыс. кв. метров Лаврентьевым был одобрен.

Началось строительство. Здесь тоже много проблем было, я уже не мог по второму разу идти просить. Мы укомплектовались, сделали институт.

Когда уже построили всё, к нам приезжал президент Академии наук Александров, встречался с Лигачевым. Прилетела комиссия из Москвы для решения вопроса по преобразованию отдела в Институт сильноточной электроники. Институт состоялся!

Опыт выдающегося практика

Леонид Ляхович,
профессор Томского
государственного
архитектурно-
строительного
университета

Я ЗНАЛ Пронягина с самого первого его появления в Томской области, но контакты у нас были не очень частые. Он был начальник, я чаще встречался с главным инженером «Химстроя» Асанновым, потому что всё, что делала наша наука, должно было идти на уровне главного инженера.

Ближе с ним мы познакомились, когда участвовали в каких-то общих мероприятиях. Была поездка строителей Томской области в Белоруссию, где мы познакомились с опытом белорусов.

Стройиндустрия там была очень интересная: организация проектирования, взаимодействие проектных организаций и строительных организаций. Там Пётр Георгиевич потрясающе вникал, потрясающее комментировал, давал очень чёткие оценки и значения. Причём, оценки давал, учитывая особенности Томского региона, где можно в Томске применить, то, что считалось в Советском Союзе самым удачным. Я восхищался знанием и пониманием того, что происходит

в строительной отрасли, его комментариями, это было очень интересно. В этой поездке у нас установились очень доверительные отношения.

Он иногда заезжал ко мне, когда у него возникала необходимость о чём-нибудь переговорить. Это было несколько раз и даже в такой момент, когда он уходил с должности руководителя «Химстроя».

Я предложил Петру Георгиевичу работать у нас: «У вас такой опыт управленческий, вы знаете такие тонкие вещи в строительстве, это очень важно для студентов. Они будут слушать вас с упоением», — я прямо ему эти слова сказал.

Через некоторое время он пришёл к нам и сказал: «Принимается предложение».

Он был настолько полезен в вузе! Он стал членом Совета ТГАСУ, его внимание к проблемам вуза, его комментарии, его предложения воспринимались ректоратом и советом однозначно позитивно.

Студенты его просто на руках носили, можно сказать. Они слушали его действительно с упоением. Те годы, что он у нас работал, были очень полезны для вуза. Он, уйдя из «Химстроя», свой опыт вложил в будущее строительной отрасли, вложил в студентов, в выпускников. И влиял на преподавательский состав. У нас было много теоретиков, многие преподающие практические дисциплины не всегда ориентировались в реальных возможностях методов управления, методов создания новых материалов. Конечно, он сильно влиял на основные специальные кафедры, очень сильно. Конечно, когда обсуждались на совете какие-то проблемы, связанные с развитием вуза, с уклоном в преподавании на какие-то аспекты, его мнение всегда было чётким, ясным и всегда принималось.

Студенты любили его за квалификацию. Им было интересно видеть и слушать человека, который не теоретически знал, не излагал учебник, а предлагал реальные методы управления и результаты этих методов. Не только студенты, но и преподаватели его слушали, потому что это — реальный опыт, которого нет в учебниках, его нет нигде! Он организовывал экскурсии на стройки, организовывал студенческие практики. Опыт такого управленца, как он, конечно, был интересен студентам и преподавателям. Люди, которые ценят дело, они, конечно, будут ценить человека дела. Он был человек дела. Все это знали, все это видели.

Он никогда не был заносчивым, он никогда не подчёркивал какую-то свою значимость: «Я герой труда, заслуженный...»

Никогда! Он всегда был прост в общении и всегда говорил по существу. Обсуждалась проблема, — он говорил об этой проблеме, говорил о путях её решения.

Общение с ним было очень интересным. Я подчеркну два аспекта. Первый — это высочайшая его квалификация, понимание сути процессов, происходящих в строительной отрасли. Второй, личностный — никакой амбиции, никакой демонстрации своего превосходства. Никогда этого не было.

Я в нём чувствовал человека, который глубоко мыслит, точно оценивает ситуацию, при этом проявляет хорошие человеческие качества. Нет заносчивости, нет претензии на какую-то исключительность. Говорил всегда просто, говорил по делу, с уважением к собеседнику.

«Химстрой» работал не только в Северске и в Томской области. Сколько они в самом городе сделали! А сколько они сделали на селе! Там же целые поселки построены по совершенно новым технологиям. Монолитные дома были построены впервые в Томской области. Причём, многие из них строились в зимнее время, при минусовой температуре. Этого опыта вообще нигде не было. Он в Томске был одним из первых в Советском Союзе, «Химстрой» его реализовывал.

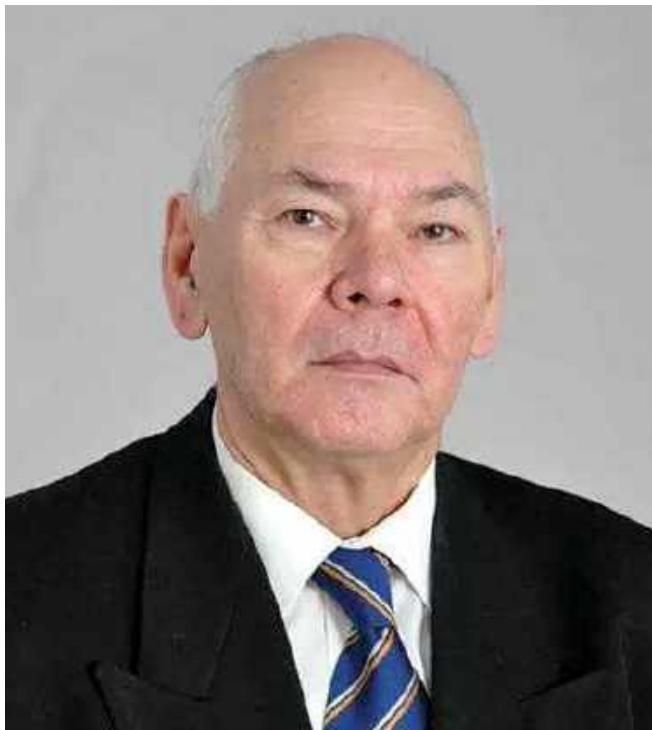
Конечно, память о нём должна быть в этих объектах. Тут упоминали мемориальную доску, конечно, это всё надо. Но главным памятником будет то, что он построил.

У нас в Томске была традиция, до революции на многих зданиях есть надпись: «Проектировал и строил, — и фамилия». Я думаю, надо эту традицию восстанавливать, даже задним числом!

Я считаю, что Пётр Георгиевич не просто это заслужил. Признание и заслуги у него были: заслуженный строитель, Герой Соцтруда.

Кстати, Юрий Кузьмич Лигачев его очень ценил. Я много раз слышал его высказывания и ссылки на Петра Георгиевича. Это было всегда очень знаково, очень. Лигачев обычно был скром на похвалы.

То, что Пронягин делал, без моторности просто невозможно было выполнить. Проворачивать такие объёмы работ в очень непростых условиях. Особенно в последние годы его работы условия были очень непростые. Он, конечно, был моторным человеком. Когда он здесь работал, он не шёл по проторённой дорожке. Вот, есть программа, есть учебники, бери учебник и по программе рассказывай. Нет! Он насыпал свои выступления, свои лекции жизнью, практической жизнью, примерами из практики. Это, конечно, дорого стоило!

Память должна быть увековечена

Михаил Козырев,
бывший секретарь
Томского обкома
КПСС

ТОТ ВКЛАД, который оставил Пётр Георгиевич на Томской земле, невозможно переоценить. Развитие СХК, строительство Нефтехима, академических, вузовских, сельскохозяйственных объектов, систем водо- и теплоснабжения областного центра, жилых микрорайонов — всё это и многое другое создавалось «Химстроем» во главе с П.Г.Пронягиным.

Я не работал с ним, как говорят, «бок о бок». Но в памяти остались многочисленные встречи по производственным и общественным вопросам.

Первый раз я увидел Петра Георгиевича на собрании партийно-хозяйственного актива в Северске. Его эмоциональное, образное, аргументированное выступление покорило всех присутствующих.

Будучи в составе бюро Северского горкома КПСС, в которое входили С.И. Зайцев, директор СХК, и П.Г. Пронягин, мне повезло пройти определённую школу, наблюдая, как эти мудрые люди и крупные руководители ставят задачи и принимают решения. Их труд оценило не только государство, присвоив звание Героев Социалистического Труда, но и природа, наградив долголетием.

Несомненно, память о них должна быть увековечена.

Человек семейный

Ольга Ермолова,
журналист, директор
Радио Северска,
депутат думы ЗАТО
Северск

У НАС, в нашей профессии журналиста, бывают такие встречи, которые происходят вроде бы неожиданно, но которые постепенно перерастают в крепкую дружбу. В уважение друг к другу, в поддержку друг друга. Вот такая встреча у меня произошла с семьёй Пронягиных.

Я не отделяю Петра Георгиевича от Лидии Константиновны, потому что, когда я пришла к ним в гости первый раз, как журналист, чтобы взять интервью у Петра Георгиевича, как-то сразу прониклась их душевной теплотой, той атмосферой, которая всегда царила у них в доме.

Безусловно, эту теплоту и домашний очаг сохраняла Лидия Константиновна. Это была очень мудрая женщина. Она прекрасно понимала, кто у неё муж. Она прекрасно понимала, что зачастую его должность, его положение обязывало многих их куда-то приглашать или звонить, или оказывать им какие-то особые знаки уважения. Она этим никогда не кичилась. У неё было всё просто в семье, вот честно.

Я, когда первый раз пришла, задержалась у них ненадолго. А потом как-то стала бывать на их семейных праздниках, торжествах. Лидия Константиновна непроизвольно как-то стала мне, как мама. У меня родители тогда жили ещё на Урале, их не было рядом. Зная, что Лидия Константиновна — человек, которому можно было доверить какие-то моменты, чисто семейные, бытовые, женские, я с ней о многом говорила, делилась сокровенным.

Мы с ней подолгу могли посидеть на кухне, поговорить «за жизнь» за чашкой чая. Пётр Георгиевич, находясь даже в другой комнате, иногда своим громким голосом: «Девчонки, что вы там шепчетесь? Что делаете? Давайте лучше стол накрывать, и поговорим сообща». И всё, что было в холодильнике на тот момент, быстро накрывалось на стол. Изысков каких-то особых у них никогда не было и предпочтения были обыкновенные: картошка, колбаска, квашеная капуста, сало. Всё было очень просто и вкусно.

Когда садились за стол, встреча перерастала в разговор. Пётр Георгиевич никогда не жаловался на жизнь, не говорил: «А вот когда я был молод, мы жили так-то, работали так-то, а вот сейчас...» Даже когда он ушёл из «Химстроя», стал преподавать в строительном институте, ездил на сороковке, хотя ему предлагали персональный автомобиль, он отказался от этого. Он ездил на автобусе, ему было необходимо и интересно быть в гуще людей, чтобы слышать, о чём говорит простой человек, что его волнует.

Я хочу сказать, что Пётр Георгиевич никогда не критиковал нынешнюю жизнь. Он просто с уважением вспоминал тех, с кем он прошёл по жизни, с кем начинал строительство на сибирской земле. Не случайно же в одной из комнат, которую он называл «рабочим кабинетом бывшего начальника стройки», всегда висел портрет Славского. Это был его кумир, он уважительно относился ко всем его решениям, выступлениям, распоряжениям.

Егор Кузьмич Лигачев, — очень уважаемый им человек. Всегда с теплотой вспоминал встречи с космонавтами.

В нашей поздравительной программе на радио песня «Уральская рябинушка» всегда звучала на день рождения Лидии Константиновны. Они с Петром Георгиевичем любили вот эти простые песни. Потому что в них всегда чувствовалась душа человека. Я неnostальгирую, не критикую сегодняшние песни, есть и среди них хорошие, но, мне кажется, что в то время писались песни более теплые, более искренние, более сердечные. Не случайно они звучат по-современному и сегодня.

Уже после того, как не стало Петра Георгиевича, более подробно я познакомилась с его поэтическим творчеством. Не зря культура литературы у них был в семье, книг было очень много, и все разно-плановые.

Я, конечно, как журналист, ощущала его уважение к нашей профессии, он прекрасно понимал, что не всё у нас так просто. Не всё у нас легко получается и делается. Не случайно у него были подшивки журналов «Крокодила», «Роман-газета», «Наука и жизнь». Про книги я уже не говорю. Пётр Георгиевич подписывался и на местную прессу и прочитывал всё, пока мог. А когда уже стало плохо со зрением, я знаю, что дочь Татьяна ему многое читала вслух.

Мне, как руководителю «Радио Северска», было очень, очень приятно, что до последнего момента Пётр Георгиевич слушал наши программы.

Он ждал наши передачи, периодически звонил мне, высказывал свою точку зрения. Причём, он сильно не ругал, но чувствовалось, что ему что-то не понравилось. Переживал, если что-то у нас не получалось, если выходил какой-то критический материал и по нему долго не принималось какое-то решение. У нас ведь тогда был довольно большой объём собственного вещания.

Вспоминая Петра Георгиевича, я всегда вижу его только рядом с супругой, только в кругу семьи. Семьи доброй, хлебосольной.

Как-то однажды я мельком сказала, что мне нравится хохлома, винтажная коллекция которой была у Пронягиных. Так Лидия Константиновна тут же подарила мне на память небольшой набор посуды. Кстати, до сих этот набор греет мне душу. И каждый раз он напоминает мне о дорогих моему сердцу людях, о моих старших товарищах.

Когда Лидия Константиновна неожиданно ушла, мы очень сильно переживали за Петра Георгиевича. Они были настолько едины между собой. Вот даже сейчас, когда готовится эта книга, я смотрю на фотографии и убеждаюсь ещё раз, как они любили, уважали и дорожили друг другом. На фото Лидия Константиновна всегда рядом с ним. Чувствуется уверенность этой женщины в мужчине, который её держит за руку или просто стоит рядом с ней, что он всегда её закроет собой. Он всегда обеспечит нормальный тыл семьи, он всегда будет основой этой семьи. Она это ощущала всегда.

Правда, она мне как-то поделилась: «Знаешь, когда мы работали вместе, и я видела приказы на выплату премиальных, я никогда не находила себя. Я спрашивала, что я, хуже всех работаю?»

«Нет, ты работаешь хорошо, — отвечал мне муж, — но у нас в семье всего достаточно для нормальной жизни, а рядом есть те, кто более нуждается в финансовой поддержке».

«И я приняла это раз и навсегда. Потому что мой муж в этом вопросе был прав».

Когда Лидии Константиновны не стало, Пётр Георгиевич принял важное для себя решение. Как почётный гражданин города, он должен быть похоронен на почётной аллее городского кладбища. Но Пётр Георгиевич и в том мире хотел быть рядом со своей любимой Лидой. Он осознанно попросил похоронить Лидию Константиновну в том месте, где будет место и для него.

И просьба Петра Георгиевича Пронягина была исполнена. Довольно часто я подхожу к месту захоронения четы Пронягиных, кланяюсь им, благодарю за дружбу.

И очень горжусь тем, что судьба свела нас вместе.

И ещё несколько слов о человеческой скромности. Квартира у Пронягиных была самой обычной, в пятиэтажке. Как-то раз мы сидели на кухне, душевно беседовали, и Пётр Георгиевич, улыбаясь, мне говорит: «Сам строитель — и всё время поражаюсь, как можно было так спланировать, что туалетная комната и ванная находятся рядом с кухней!»

Или ещё один момент. Далеко не любитель спиртного, Пётр Георгиевич всегда приветствовал, когда на столе была бутылка шампанского или хорошего вина, когда была какая-то выпечка. Спокойно сидели, общались, говорили, потому что с ними общаться было одно удовольствие.

В бытность своего руководства «Химстроем» Пётр Георгиевич стал застрельщиком создания сводного мужского хора.

Я не единожды видела выступление этого «хора мальчиков», ведь меня приглашали на Новый год «по-пронягински». Сидя за одним столом, мы аплодировали без устали певцам, которые ещё днём руководили масштабной стройкой. И всегда на сцене был Пётр Георгиевич Пронягин. Лидер в работе, лидер в минуты отдыха.

Как вспоминают сегодня химстроевцы, Пётр Георгиевич предпочитал не объезжать строительные площадки на машине, а обходить их пешком, надев болотные сапоги. Он знал многих строителей по имени-отчеству. Он за стольких переживал, старался помочь кому с жильем, кому с детским садом.

Решая глобальные, большие производственные вопросы строительства, он находил время на чисто человеческое общение, чтобы

поддержать, чтобы помочь, а придя домой, садился и писал свои дневники. После его смерти мы разговаривали с его дочерью Татьяной. Это же надо, изо дня в день Пётр Георгиевич записывал свои воспоминания, впечатления о том, как прошёл день сегодняшний, строил планы на завтра.

До последнего дня Пётр Георгиевич был верен одной партии — КПРФ. Он строго вовремя платил партийные взносы. Не единожды, получая приличную, откуда-то свыше, премию, он мог себе позволить перевести деньги на счёт городского совета ветеранов или на счёт партийной организации. Т.е. для него деньги не являлись стимулом к богатству, к обогащению. Он довольствовался тем, что у них есть.

Небольшая квартира, небольшой огород в Иглаково. Ведь самое главное в жизни — не материальное богатство, а душевное. Дружба с теми, с кем прошли годы молодости, с теми, кто был с ним рядом в последние его дни. Пётр Георгиевич всегда передавал приветы своим дорогим химстроевцам, всем северчанам. Он мне всегда говорил: «Слушай, я всем жму руку, передай моё дружеское рукопожатие всем, с кем я трудился, кто меня знает и помнит».

Это дорогостоит.

О семье Петра Георгиевича Пронягина

Отец — Георгий (Егор) Степанович Пронягин (01.05.1899–03.02.1939). **Мать — Вера Степановна Пронягина**, урождённая Дягилева (30.09.1901–13. 05.1984). Оба родились во Львовке. Отец работал на железной дороге на станции в Нижнем Новгороде (Горьком). Мать сначала была домохозяйкой, потом работала в разные годы проводником на железной дороге, на макаронной фабрике и других местах.

Братья Пронягины — Александр, Юрий и Пётр с мамой Верой Степановной. 1974 г.

Братья Пронягины

Жена — Пронягина (Политова) Лидия Константиновна, родилась 12 декабря 1926 года в селе Ульяново Лукояновского района Нижегородской области. Детство прошло в городе Арзамасе. Окончила Горьковский сельскохозяйственный институт. Заочно закончила в Москве финансово-экономические курсы и всю жизнь проработала экономистом-сметчиком в строительных организациях города Лесного (Свердловск-45) и Северска. Скончалась 23 июня 2009 года.

Дочь — Астафурова (Пронягина) Татьяна Петровна, родилась 12 апреля 1950 года в городе Арзамасе, где жили родители мамы. Школу закончила в городе Лесном, после чего с отцом переехала в Томск, где поступила в Томский государственный университет на биолого-почвенный факультет. В 1973 году поступила на работу в Научно-исследовательский институт биологии и биофизики Томского государственного университета, где проработала на разных должностях в течение 40 лет. В 1982 году защитила кандидатскую, в 1998-м — докторскую диссер-

Лидия Константиновна и Пётр Георгиевич
Пронягины

Пётр Георгиевич с супругой и детьми —
Татьяной и Михаилом

Семья Пронягиных-Астафуровых: Владимир Астафуров (зять), Лидия Константиновна, Пётр Георгиевич, Михаил (сын), Татьяна (дочь) с сыном Петей, Татьяна (сноха) с сыном Степаном

тацию. С этого периода по 2008 год она работала в ТГУ учёным секретарём научного управления, а с 2008 по 2017 годы — директором Сибирского ботанического сада ТГУ. Одновременно по совместительству заведовала кафедрой агрономии биологического института ТГУ. Татьяна Петровна — доктор биологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почётный работник науки и техники РФ.

Муж дочери — Астафуров Владимир Глебович, родился 1 октября 1950 года в городе Тайга Кемеровской области. Окончил школу в городе Барнауле, после чего поступил в Томске в институт радиоэлектроники и электронной техники (ТИРИЭТ, в настоящее время ТУСУР), по окончании которого работал научным сотрудником в Институте оптики атмосферы СО РАН. Одновременно с научной занимался педагогической деятельностью, работая в

Пётр Георгиевич с внуками Петром, Степаном, Сергеем и Катей

Фотограф Пётр Пронягин

должности доцента, а затем профессора в ТУСУРе. Доктор физико-математических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Их дети и внуки:

Сын — Пётр Владимирович Астафуров, 1973 года рождения (г. Северск). После окончания Академлиции в Томске закончил Томский инженерно-строительный институт (ныне ТГАСУ), работает по специальности — директором одной из строительных компаний Томска.

Его дочь — Дарья Петровна, 2000 года рождения (город Томск) закончила Московский государственный университет технологий и управления, живёт и работает в Москве.

Сын — Сергей Владимирович Астафуров, 1983 года рождения (г. Северск). Учился в Томске в Академлиции. Окончил физико-технический факультет ТГУ. Кандидат физико-математических наук, работает старшим научным сотрудником в Институте физики прочности и материаловедения СО РАН.

Его дети: Лев Сергеевич, 2010 года рождения (г. Северск) и **Всеволод Сергеевич**, 2014 года рождения (г. Северск) — школьники.

Семья сына Михаила

Сын Петра Георгиевича — Михаил Петрович Пронягин родился 11 февраля 1955 года на Урале (г. Лесной). Закончил среднюю школу в городе Северске, поступил в ТУСУР, по окончании которого уехал на работу в город Горький, где работал в НИИ измерительных систем (НИИС). В начале 2000-х годов вернулся в Северск. Скончался 21.09.2022.

Его дети и внуки:

Сын Степан Михайлович Пронягин, 1978 года рождения (Северск), закончил Томский инженерно-строительный институт и работает в Томске по специальности.

Его дети: Елена Степановна, 2004 года рождения (Томск) — студентка ТУСУР.

Сын — Александр Степанович, 2010 года рождения (Томск) — школьник.

Афиша концерта внучки Екатерины Пронягиной

Правнуки Петра Георгиевича Лёва и Сева

Дочь Михаила — Екатерина Михайловна, 1982 года рождения (Северск), закончила ТИСИ, архитектор по специальности. Имеет второе образование — закончила Новосибирское музыкальное училище по специальности «джаз». В настоящее время живёт и работает в Санкт-Петербурге.

Братья Петра Георгиевича:

Александр Георгиевич Пронягин — старший брат, родился во Львовке (17.08.1922–01.06.2015), полковник, сотрудник органов «СМЕРШ», НКВД, КГБ. Заслуженный работник МВД СССР, награждён двумя орденами Красной Звезды и боевыми медалями. Фото-

Пётр Георгиевич с внуком Петром и семьей племянника Дмитрия (жена Татьяна и дочь Дарья)

С племянником Дмитрием Пронягиным и его мамой Татьяной Ивановной

репортёр и журналист, кинооператор, автор многих фильмов и публицистических материалов. Автор сборника «История Львовки».

Его дети: Наталья Александровна и Марина Александровна, а также внук и две孙女.

Пронягин Юрий Георгиевич, младший брат, родился в Нижнем Новгороде. (31.01.1927–12.11.2020), служил в военно-морском флоте. Инженер-радиотехник. Трудился на заводах города Горького. За доблестный труд награждён орденом Трудового Красного Знамени. Дочь — Елена Юрьевна, сын — Дмитрий Юрьевич, три孙女.

Дмитрий Юрьевич Пронягин, племянник Петра Георгиевича — генерал-майор Вооружённых сил Российской Федерации, активный участник Афганской, первой и второй Чеченских войн; Герой России. Родился 11 сентября 1963 года в городе Александрии Объединённой Арабской Республики (Египет) в семье военного моряка-офицера Юрия Георгиевича Пронягина, находившегося в тот год в служебной командировке.

Герой России Дмитрий
Пронягин

дировке по линии Министерства обороны СССР в качестве специалиста по военно-морской артиллерии. В Горьковской области Дмитрий Пронягин успешно окончил среднюю школу, после окончания которой уехал далее продолжить обучение в городе Томске. Здесь в 1980 году он поступил в военный вуз — в Томское высшее военное командное училище связи МО СССР. Выпускник ТВВКУС 1984 года.

Закрытым Указом Президента Российской Федерации от 16 апреля 1997 года, за мужество и геройство, проявленные при выполнении специального задания, подполковник Дмитрий Юрьевич Пронягин был удостоен высокого звания Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда» с номером 395.

Служил в структурах Министерства обороны РФ (Москва). Занимал ответственные командные должности в системе Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС РФ (ГРУ). Было присвоено звание генерал-майора. В 2009 — 2013 годах являлся начальником 161-го учебного центра специального назначения ГРУ, где осуществляется подготовка специалистов-разведчиков. В 2014 году принимал участие в специальной операции по возвращению Крыма в состав Российской Федерации, а годом позже — в военной операции российских войск в Сирии по ликвидации террористических группировок исламских фундаменталистов.

Награждён также орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени с мечами, двумя орденами Мужества, орденом «За военные заслуги», медалями.

Построено
Пронятным

В ЭТОЙ главе мы покажем основные объекты, построенные в Томской области управлением «Химстрой» в 1967–1990 годах, когда предприятием руководил Пётр Георгиевич Пронягин. Построены, конечно, не лично им, а трудовыми коллективами строительных подразделений управления. Но как на фронте проведение масштабной военной операции обычно связывают с именем главнокомандующего — Жукова, Рокоссовского, Баграмяна и других — так и в строительстве вполне можно соблюсти эту традицию. Очень многое зависит от личности руководителя, от его организаторских качеств, инженерного чутья и профессионализма, умения нацелить коллектив на выполнение задачи, добиться успешной реализации проектов. Этими качествами в полной мере обладал Пётр Пронягин.

К сожалению, в отличие от дореволюционных времён, в советскую эпоху не принято было размещать на построенном здании табличку: построено тогда-то тем-то и тем-то. А ведь с годами стирается память о тех, кто возводил жилые дома, заводские корпуса, сельскохозяйственные комплексы, здания для образовательных учреждений и другие объекты социальной сферы.

В нашей книге мы хотим напомнить томичам, северчанам, всем жителям области о том вкладе, который сделал Пётр Георгиевич Пронягин в современный облик Томска, Северска и других населённых пунктов региона.

Аэропорт

Сооружение взлётно-посадочной полосы, зданий аэровокзала, гостиницы, а также жилого посёлка для сотрудников аэропорта и лётного состава. 6 ноября 1967 года выполнен технический рейс на самолёте Ил-18 по маршруту Новосибирск (Толмачёво) — Томск — Москва. 1977 год — после реконструкции ВПП (удлинение на 500 метров и усиление дополнительным покрытием) аэропорт стал принимать самолёты Ту-154 и Ту-134.

Водозабор

Английский писатель Грэм Грин на Томском водозаборе

Первая очередь водозабора из артезианских скважин введена 13 декабря 1973 года

Дворец зрелищ и спорта

Дворец зрелищ и спорта был построен по типовому проекту универсального трансформируемого катка с искусственным льдом крытого типа на 4500 зрителей. Ранее на этом месте располагался томский городской ипподром. Архитекторы М.А. Аристов, Ю.А. Регентов, инженер С.Н. Бадмаева. Проектный институт Союзспортпроект. Торжественное открытие Дворца спорта состоялось 29 мая 1970 г.

Ледовое поле использовалось для соревнований по фигурному катанию и хоккею, в частности с 1974 по 1982 годы здесь действовала тренировочная база сборной СССР по фигурному катанию.

Фигуристы
сборной СССР
в Томском
дворце зрелищ
и спорта

Студенческие общежития

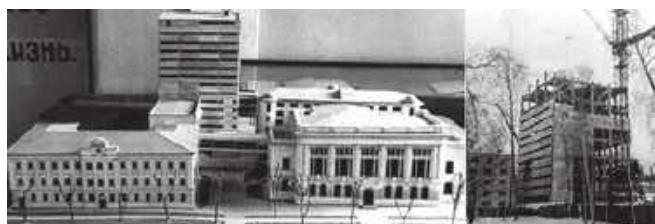

Первые в Томске 9-этажные общежития построены «Химстрое-м» в районе пл. Южная, на ул. Вершинина.

Общежития Томского инже-нерно-строительного института (ныне архитектурно-строи-тельного университета) на ул. Парти-занской и ул. Пушкина.

Научная библиотека ТГУ

Здание было построено в 1978 году по проекту архитектора Элиазара Дрейзина

Ботанический сад ТГУ

Сибирский ботанический сад — первый и в течение долгого времени крупнейший ботанический сад за Уралом. Подразделение Томского государственного университета.

В 1970-1980-е годы управлением «Химстрой» была построена тропическая оранжерея высотой 15 м (1971—1973), выполненная полностью из металлических конструкций, и субтропический комплекс (1985—1988) с высотными оранжереями (31 м) — основные здания комплекса Сибирского ботанического сада на территории Университетской рощи.

Центр культуры ТГУ

Здание Центра культуры Томского госуниверситета было построено по проекту архитектора Элеазара Дрейзина. В нем появился концертный зал на 1 000 мест, столовая на 500 мест и специальные выставочные пространства. При этом Дрейзин решил соединить его с главным корпусом университета. Первым мероприятием стала Всероссийская биологическая выставка «Комплексное использование природных ресурсов», она прошла осенью 1984 года.

В декабре 1984 года, после окончания выставки, в новом актовом зале прошел юбилейный концерт хоровой капеллы ТГУ к 25-летию творческого коллектива. Художественный руководитель капеллы Виталий Сотников сказал тогда в интервью корреспонденту университетской газеты «За советскую науку»: «Мне кажется, что воистину драгоценный подарок получило студенчество не только ТГУ, но и всего города. Здание великолепно по внутренней архитектуре, обладает прекрасными акустическими данными».

Корпуса вузов

Биологический корпус ТМИ

НИИ прикладной математики ТГУ

Лабораторно-клинический
корпус ТМИ

Корпус ФЭТ ТИАСУР

НТБ ТПИ. Открыта в сентябре 1974 г.

Спортивный комплекс ТИСИ

Академгородок

Жилые районы Академгородка

Егор Лигачев с делегацией
в Академгородке

Институт сильноточной электроники

Конгресс-центр «Рубин», 1991

Академгородок. Вид сверху

Институт оптики атмосферы

Институт физики прочности и материаловедения

Строители Академгородка

Школа в Академгородке

Институт химии нефти

Кардиоцентр

Строительство Кардиоцентра

Вручается символический ключ от Кардиоцентра.
На заднем плане — Е.К. Лигачев и П.Г. Пронягин

Томский кардиологический центр (НИИ
кардиологии Академии медицинских наук)

Онкоцентр

Томский онкологический центр (НИИ онкологии
Академии медицинских наук)

Жилые кварталы Томска

Улица Лазо,
жилрайон

Строятся
жилые квар-
тала Каштака
в Томске

Жильё для Приборного завода

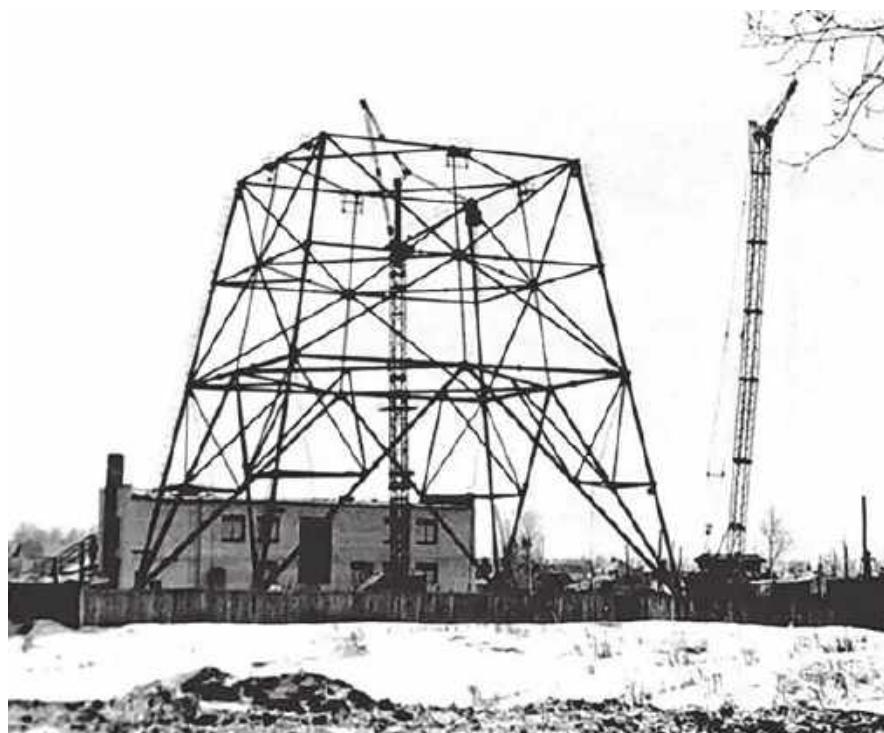
Дом отдыха «Синий утес»

Дом отдыха «Синий утес»

Телецентр

Строительство новой телевизионной башни высотой 180 метров и двухэтажного технического здания телецентра началось в 1968 году. А 1 января 1969 года телевизионный передающий комплекс начал свою работу.

Дом Советов

Дом Советов

Гостиница «Октябрьская»

Гостиница «Октябрьская» — одна из лучших трехзвездочных гостиниц города Томска. Основное направление деятельности — гостиничные услуги. В семиэтажном здании гостиницы, построенном в 1988 году, находится 48 номеров различной категории (62 основных места): 15 номеров «люкс», 19 однокомнатных однокомнатных номеров, 14 двухместных двухкомнатных номеров.

Гостиница «Октябрьская» и Дом политпросвещения. Вид с реки

Облсовпроф

Химико-технологический лицей

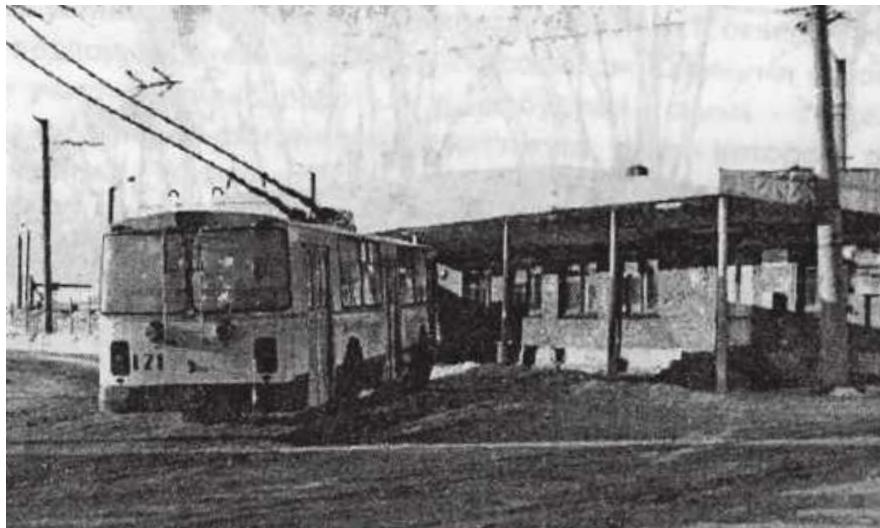

ГПТУ-27

Профессионально-техническое училище №27 г. Томска было организовано в 1969 г. для обеспечения рабочими кадрами строительного управления «Химстрой». Корпуса училища разместились на ул. Смирнова, 48.

Троллейбусное депо

«Химстрой» принял участие в строительстве троллейбусного депо в районе Приборного завода (ныне ул. Высоцкого)

ДК «Авангард»

Открытие ДК «Авангард»

При содействии и активном участии руководителя Томской области, первого секретаря Томского обкома КПСС Е.К. Лигачёва в Томске силами управления «Химстрой» и при полной поддержке администрации и профсоюзной организации Томского приборного завода было построено крупнейшее в регионе здание ДК — Дворец культуры «Авангард» между улицами Лазо и Ивана Черных в микрорайоне жилых зданий ТПЗ. Торжественно открыт (как ДК «Авангард» профкома ТПЗ) в 1972 году.

МСЧ-2

Медико-санитарная часть № 2 была построена в 1972 г. при активном участии работников Приборного завода. Открытие МСЧ-2 состоялось 7 августа 1972 года, в ее составе были: взрослая и детская поликлиники, терапевтическое и хирургическое отделения, урологические и проктологические койки, а также акушеро-гинекологическое и детское отделения.

Дом быта на Красноармейской

Самый большой в городе Дом быта на пересечении улиц Красноармейской и Усова был построен «Химстроем» и открылся 21 февраля 1972 года. В четырехэтажном здании из стекла и бетона, на 4,5 тысячах квадратных метров площадей разместились подразделения всех имеющихся в то время бытовых услуг.

Интерьер
Дома быта

ТЭЦ-3

Премьер-министр
Виктор
Черномырдин
на ТЭЦ-3, 1993

ТЭЦ-3 расположена в северо-восточной части Томска, рядом с ТНХК. В составе станции 1 турбина и 2 котлоагрегата. Электрическая мощность 140 МВт, тепловая — 780 Гкал/ч.

Генеральный подрядчик строительства — управление «Химстрой». Начало работ — 1982 год. Ввод в эксплуатацию установки подпитки котлов низкого давления, пусконаладочные работы и пуск первого котла ПВК (станционный № 1) осуществлен 29 октября 1988 года. Этот день является днем рождения Томской ТЭЦ-3. Пуск второго котла (станционный № 2) выполнен 30 декабря 1988 года. 1989 год. Ввод котла ст. № 3, подача природного газа на ТЭЦ-3. 1990 год. Ввод в эксплуатацию котла № 4 сразу на двух видах топлива (мазут и природный газ).

ТНХК

Завод по производству
полипропилена

Хроника строительства Томского нефтехимического комбината:

- 19.04.1974 — Вышло в свет Постановление № 290 ЦК КПСС и Совета министров СССР о начале строительства Томского нефтехимического комплекса.
14.09.1974 — Забита первая свая в основание ТНХК.
24.02.1981 — Получен первый полипропилен.
09.07.1983 — Получен первый метанол.
04.02.1985 — Начался выпуск товаров народного потребления.
08.05.1985 — Получен первый формалин.
06.11.1985 — Получена первая карбамидная смола.
19.12.1993 — Получен первый товарный пропилен.
24.12.1993 — Получен первый товарный этилен.

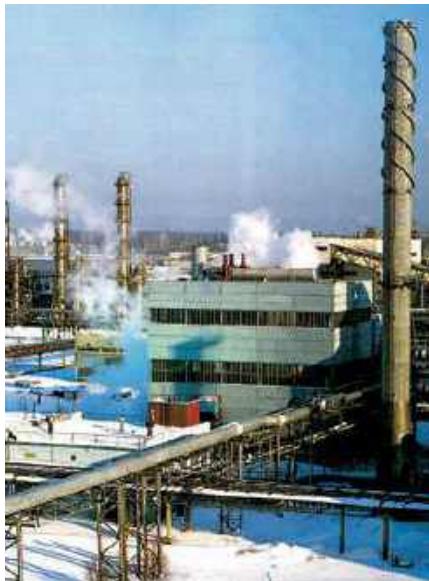

Завод по производству
метанола

Завод по производству
формалина

ЭП-300

Завод по
производству
этилена

Водоочистные

Система городских очистных сооружений построена в начале 80-х годов в составе Томского нефтехимического комплекса.

Комплекс дальнего теплоснабжения

В 1968 году Совет Министров СССР по предложению СХК, Минсредмаша и руководства Томской области принял решение об использовании сбросного тепла действующих реакторов для отопления г. Томска. В декабре 1973 года Томск и теплицы совхоза «Кузовлевский» получили первое тепло от реакторного завода. По мере подключения новых потребителей подача тепла возросла со 160 Гкал/час до 300 Гкал/час в 1985 г. Отопление Томска за счет работы реакторов Сибирской АЭС позволило закрыть 47 угольных котельных, что предотвратило загрязнение прилегающих территорий золой и шлаком, а также снизило «парниковый эффект». Разработка, сооружение, опыт использования атомной энергии для целей теплофикации крупных жилых массивов были первыми в мировой практике. Эта работа получила высокую оценку правительства и была отмечена Государственной премией СССР 1978 года.

Пиково-резервная котельная комплекса дальнего теплоснабжения

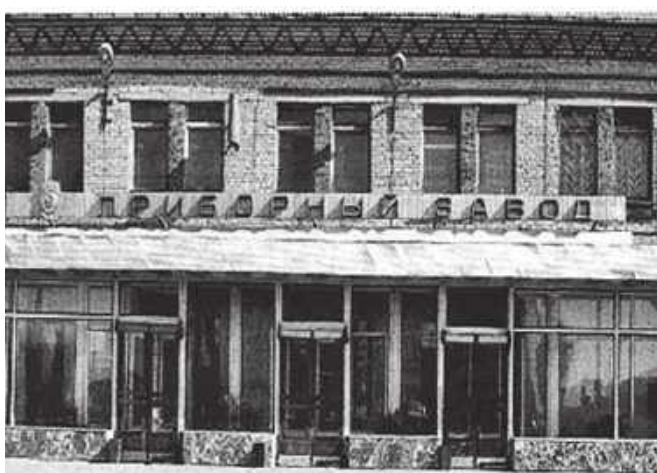
Томский приборный завод

На заводе производили элементы ракетной техники, в том числе: гироскопические системы для тактических и стратегических ракет морского и наземного базирования, воздушно-космических летательных аппаратов (в том числе «Бурана»), а также: контрольно-измерительную аппаратуру, горно-шахтное оборудование и медицинские изделия.

Томский приборный завод в 1980-е годы имел высокую степень автоматизации на всех уровнях производства, начиная от станков с ЧПУ и автоматизированного склада в цехе № 29, что позволило заводу, одному из первых в стране, создать элементы гибкого автоматизированного мелкосерийного производства.

«Химстрой» принимал участие в строительстве ряда заводских корпусов, а также жилья и объектов социально-культурного назначения для заводчан.

Цех Томского приборного завода

Томский электротехнический завод

Строительство одного из корпусов ТЭТЗ

НПЦ «Полюс»

НИИ полупроводниковых приборов

Свинокомплекс «Томский»

Строительство свиноводческого комплекса началось в 1978 году. 1980 год — на базе предприятия создается совхоз «Томский» — самое крупное в Томской области специализированное свиноводческое хозяйство в составе двух цехов по производству и откорму свиней и племенной фермы. В 1985 г. началось строительство второй очереди, которое выполняло управление «Химстрой».

Тепличный комбинат «Кузовлевский»

Строительство тепличного комбината «Кузовлевский», площадь которого составляла 18 га, а затем была расширена до 30 гектаров, началось в 1978 г. В тепличном хозяйстве насчитывалось 210 теплиц по 15 соток каждая. С 30 га теплиц в отдельные дни снимали по 250 тонн огурцов и других овощей. А в целом ежегодно снимали овощей по 8 тыс. тонн.

Межениновская птицефабрика

Строительство птицефабрики "Межениновская" началось в январе 1976 года.

В 1978 году была введена в действие первая очередь птицефабрики. На полную производственную мощность она вышла в 1981 году.

Птицефабрика «Томская»

Птицефабрика «Томская» построена в 1975 году. Сначала появилось предприятие по производству яйца, потом бройлерное направление. Для работников каждого из участков построили рабочие поселки. Рядом с яичным отделением, сейчас известным как птицефабрика «Туганская», — поселок Рассвет, а с мясным — поселок Молодёжный.

Зоркальцево и Воронино

Индивидуальные жилые дома в Зоркальцеве

Строительство
малоэтажных
жилых домов
для сельских
тружеников в
сёлах Зоркаль-
цево, Воронино
и других насе-
лённых пунктах
области.

Воронино

Сибирский химический комбинат

В 1970-1980 годы прошлого столетия Сибирский химический комбинат продолжал бурно развиваться. Вводились новые производства, велась реконструкция объектов-первенцев. На эти годы, в частности, пришлись завершение работ по вводу химико-металлургического завода, запуск нового газотурбинного цеха, перевод радиохимического завода на экстракционную технологию. Принят в эксплуатацию участок энергокомплекса «Борики», куда входят котельная, очистные сооружения, артскважины, станция обезжелезивания артезианской воды. Все работы в качестве основной строительной организации вел «Химстрой».

СХК. Заводоуправление

Северск

Коммунистический проспект, 1978 г.

Северск построен «Химстроем». На период Пронягина пришлось множество знаковых объектов. 70-80-е годы XX века стали самыми бурными по темпам развития города Северска. Управление «Химстрой» развернуло в городе масштабное строительство жилья. Количество сдаваемых квартир к концу 80-х годов доходило до 1300 в год. Создавались объекты культуры. Именно в те годы строителями управления были построены музыкальный театр, музыкальная школа, кинотеатр «Россия», Центральная городская библиотека, а затем театр для детей и юношества и городской музей. Наряду с этим были возведены медицинский комплекс в поселке Чекист, поликлиника, а также ряд спортивных сооружений и спортплощадок.

Площадь Ленина, 1976 г.

Панорама Северска

Ресторан «Березка»

Кинотеатр «Россия», 1975 г.

Жилой дом «Трёхлистник»

День города, 1979 г.

Дом культуры, 2013 г.

Кинотеатр «Комета», 1978 г.

Плавательный бассейн «Дельфин»

25 лет управлению «Химстрой»

Увермаг, 1977 г.

Проспект Коммунистический.
Высотные дома

Музей и музыкальная школа

Пионерский лагерь
«Зеленый Мыс»

Пётр
Пронятин.
Стихи

1934–2005

Во Львовке

Кирову Сергею Мироновичу

Киров, Киров, Киров мой –
Пал с пробитой головой.
Знать врагу ты насолил,
Если он тебя убил.

Киров, Киров, Киров мой,
Ты погиб от пули злой.
За тебя мы отомстим,
Всех врагов разоблачим.

Жалко Кирова всем нам,
По его пойдём стопам
И отличною учёбой
Отомстим мы всем врагам.

Декабрь 1934 год. Написано в классную
стенгазету третьего класса «б»,
школы имени Шевченко, г. Горький.

Признание себе

Мой жизненный путь был секретом зажатым.
Я многое видел, услышал, познал.
В те годы, когда лишь скажи слово «атом»,
И хватит, чтоб в страхе любой задрожал.

Тогда, для защиты страны и народа,
Ещё до космических стартов ракет,
Я строил секретнейшие заводы,
Не зная: а в чём состоит их «секрет».

Узнал это позже. И тайну скрывая,
Нигде, никогда ничего не сказал,
Язык за зубами держал, не страдая,
Что тайны большие в себе я таскал.

Но время сменилось, и тайное явным
Нам сделали спутники оком своим.
И атом для мира вдруг стал окаянным.
«Его уничтожить!» — повсюду кричим.

Я верю, такого творить не придётся.
Орудием смерти — ему не бывать!
Пусть лучше энергия атома бьётся
В котлах и турбинах, чтоб мощность давать.

Пускай прекратятся подземные взрывы!
Они человеку совсем не нужны.
На теле Земли они хуже нарызов,
Морям, атмосфере, природе чужды.

Пусть больше работает атомных станций,
Энергия массой течёт в проводах,
Тогда человеку прибавится шансов
Забыть о лимитах в своих городах.

А мы, то есть люди из тех поколений,
Что создали атом, уйдём в мир иной,
Оставив потомкам примеры творений,
Чтоб жить им всегда под счастливой звездой.

26 ноября 1988

На моей голове седина

На моей голове седина,
С каждым днём её больше и больше.
И, наверно, моя есть вина,
Что не смог без неё жить подольше.

На моей голове седина
Оттого, что не знал я покоя.
И спасибо, что рядом жена,
Всё же легче прожить, когда двое.

На моей голове седина.
Жизнь на финиш стремится, стреножена.
Я хочу от неё взять сполна
Всё, что Божией волей положено.

На моей голове седина
Оттого, что спешил много строить,
Чтоб вставала и крепла страна
И могла бы с другими поспорить.

На моей голове седина,
Потому, что с утра, да и до ночи
Разных мыслей предельно полна,
Голова иногда просит помощи.

На моей голове седина
Серебром по вискам пробежала.
Говорят, что мужчин украшает она.
А по мне — лучше б не украшала!

На моей голове седина.
Может, жизнь расточил понапрасну?
Слишком много любил, с слишком выпил вина,
И не всё в ней прозрачно и ясно...

На моей голове седина.
Потому, что и детям, и внукам
Целиком моя жизнь отдана
Без оглядки на труд и на муки.

На моей голове седина.
 Это след всей промчавшийся жизни.
 И пусть светит потомкам она,
 Ради счастья людей и Отчизны.

На моей голове седина.
 Но по-прежнему молод душою.
 Не стариk я и не «старина»,
 Не согласен с оценкой такою!

На моей голове седина.
 Но на сердце седин не имею.
 Раз стучит — буду жить я сполна,
 А иначе и мыслить не смею.

10 августа 1989

Внукам

Слушай, внук, тебе скажу я
 Может, слово и не то.
 Сколько лет просуществую?
 Не ответит мне никто.

Может пять, а может, десять?
 Дай-то Бог, лишь в радость мне,
 Чтобы пользу в жизни взвесить
 И себе, и всей стране.

Знай, что я всегда старался,
 Чтобы жизнь людей была
 Лучше, радостней, — и брался
 Я за трудные дела.

Дорога мне мать-Россия!
 Она Родина для вас.
 Потому готов просить я:
 «Берегите Русь за нас»!

Что бы вам ни говорили,
 Сколько б грязи ни лилось,
 Я всю жизнь служил России,
 Как бы тяжко ни жилось.

Я был верным коммунистом,
Не юлил и не вилял,
И по совести был чистым
Перед всеми, кого знал.

Я не предал мать-Россию,
И на мзду не променял,
Лишь трудился что есть силы,
Для страны всё отдавал.

И сегодня, мои внуки,
Мой завет вам, всем и враз:
Дело деда не профукать,
Продолжать — таков наказ!

7 марта 1993

Сороковка

Нужна немалая сноровка,
Чтобы автобус «сороковка»
Тебя до Томска дотащил.
Вдали маячит остановка:
Не меньший путь, чем стометровка,
И я спешу по мере сил.

Автобус жду минут пятнадцать,
Смотрю всё чаще на часы,
Толпа вдруг стала собираться.
Да сколько ж вас, Господь спаси!

Остаться снова? Ждать придётся
Ещё не меньше полчаса.
Автобус так битком набьётся,
Как будто фаршем колбаса.

Вдали автобус показался,
Народ взбодрился хорошо.
Шоферский грубый бас раздался:
«Входите сзади!». Я пошёл

Туда, где люди рвались в двери,
Кто молод — тот чуть впереди
Влезал, ругаясь пуще зверя.
Кто стар, — тот сжался позади.

Но вот закончен штурм треклятый,

И люди сгрудились в комок.

Кондуктор требует оплаты,

Билеты рвёт, аж, бедный, взмок.

И всё ж не всяк достанет рубль.

Кондуктор просит и кричит,

Одни как будто бы в отрубе,

Другой прикинулся, что спит.

Шофёр минует остановки,

Хотя там люди долго ждут.

А он проехал мимо ловко,

Напрасно ждали. Не возьмут!

КП минует «сороковка».

Вот кто-то на «Свечном» с трудом

Сошёл, раздвинув блокировку,

К дверям пробившись животом.

Вот минул «АРЗ», «Бетонный» тоже,

Ком пассажиров вновь прирос.

Кондуктор им с нахальной рожей:

«Платите быстро за развоз!»

«Томск-2». И вновь, плечом толкаясь,

На выход вышел кое-кто.

А вместо них опять набрались —

Кто в шубе, в куртке, кто в пальто.

Ну вот и «ТИСИ», слава Богу!

Теперь и я уже готов,

К дверям протиснув свои ноги,

Сойти, согнавши семь потов.

30 декабря 1993

Извинение и совет

Дети и внуки, простите меня,
Что не скопил я для чёрного дня
Вам капиталов на книжках сбербанков,
Дач не настроил и «рыцарских» замков.

Может, вы ждали наследства другого?
Из кошелька, из большого, тугого?
Не привелось мне такого добыть:
Праведной жизнью старался прожить.

Знал я достаток, добытый трудом.
Квартиру имел — мой единственный дом,
Мебель, машину, гараж, гардероб —
Этого я не возьму с собой в гроб.

Каков мой совет, что мне вам предложить?
Жизнь постараитесь вот так же прожить.

14 мая 1998

Меланхолия

Не пытайся, тоска, в свои впутать объятия.
Я не поддамся, и хватит мне сил,
Чтобы собраться, отбросив апатию,
Кто бы смирился меня ни просил.

Есть ли причины грустить и печалиться?
Да, и не буду я это скрывать.
Но я живу, я совсем не отчаялся.
Буду весёлое время искать,

Чтобы развеять ненужные мысли
И обрести себе сон и покой.
Но, если вдруг на душе подраскисло,
Это пройдёт. Не всегда я такой.

22 марта 1996

Друзьям

Василию Сперанскому, Ивану Пронину

Я бы мог сказать вам много, мои старые друзья!
Только знаю, чувства наши словом выразить нельзя.
Сорок с лишним лет промчались, как мы вышли из ГИСИ.
Кто бы мог тогда подумать, что один нам крест нести.

Кто бы мог из нас признаться, что спустя так много лет
Нас судьба сведёт вновь вместе, и другой дороги нет.
Были молоды когда-то, всё нам было по плечу.
Разве мы считали с вами: что хочу, — то ворочу?

Слава Богу, что сумели на ноги детей поднять,
Что судьба пока не смеет нас от них живьём отнять.
Что их дети, наши внуки, навещают нас порой,
И мы радуемся жизни вместе с нашей детворой.

И сегодня вновь собрались вместе старые друзья,
Чтобы отдохнуть с весельем и друг друга не грузя.
Годы молодые вспомнить и о старости взгрустнуть,
Здравья пожелать живущим и почивших помянуть.

Так, давайте, други, чарки наши двинем мы с вином
И «спасибо» дружно скажем, что мы трудимся, живём.
Всё неплохо в мире этом, дай нам Бог и дальше так:
Без печалей, без заботы делать в будущее шаг.

13 декабря 1990

К другу

И. А. Пронину

Словно спутник, совершая по орбите свой полёт,
В жизни каждый себе друга на пути земном найдёт.
Если выбор был удачным — не ошибся в друге ты,
Значит, долго вам придётся на двоих делить мечты.

Настоящий друг не бросит ни в печали, ни в беде.
Даже если будет трудно, он поможет и в труде.
Он оплаты не запросит, никогда не даст понять,
Что ему ты тоже должен безусловно помогать.

Настоящий друг разделит твою радость и печаль,
Будет спутником надёжным, если выберешь ты даль.
Если будешь ты голодным, он кусок поделит свой
И в часы тревоги смутной принесёт тебе покой.

Настоящий друг не будет ни корить, ни понукать,
Если сделаешь ошибки — их поможет исправлять.
Будет гостем он желанным даже к скромному столу.
Можешь тайной поделиться — не расскажет никому.

Настоящий друг откроет детям, внукам кров родной,
Если жизнь вдруг скудной станет, ложкой будет сыт одной.
Настоящий друг не будет с грязью прошлое мешать,
Он врагов твоих заставит в их же памяти застрыть.

Настоящий друг расскажет остальным друзьям твоим
О той дружбе, вечной, нежной, связанный узлом одним.
Скажут мне, так быть не может, это всё сплошной обман.
Я отвечу: «Это правда, и зовут её — Иван!»

30 декабря 1990

Кошелю Петру — директору свинокомплекса «Томский» и другу, к 55-летию

Без всякой лести и не думая о позе
Хочу от всей души его поздравить я
И пожелать сидеть в родном совхозе,
Пока останется в нём хоть одна свинья.

Желаю я прироста поголовья,
Чтоб хряки не давали б яловый покров,
Чтоб свиньям было сытое застолье,
А у директора обилие кормов.

Желаю Кошелю соратников по делу
И в жизни много преданных друзей,
Хозяйством управлять надёжно, смело,
Любить Россию, как своих свиней.

Хочу, чтоб Кошель жил счастливо, споро,
Чтоб бед не знала и невзгод семья,
Чтоб он дождался, хочется, чтоб скоро,
Когда в Кремле умрёт последняя свинья.

Я мог бы высказать всё это бы и в прозе,
Но проза прозвучит, как выжатый доклад,
Мой тост за всё за лучшее в совхозе,
За всё, чему директор будет рад.

Давайте чокнемся с Петром на радость
И выпьем крепкое вино до дна.
Наступит срок, народ сметёт всю гадость,
Ведь жизнь нам всем отмерена одна.

24 февраля 1995

В деревне

Конец июля. Запах разнотравья,
И от него хмельно кружится голова.
Грибы в лесу среди берёз искал я
И подбирал для рифмы нужные слова.

Хотя дождей природа не жалела,
Грибов, увы, был поиск бестолков.
Вокруг трава цвела и зеленела,
И влажный ветер нёсся от лугов.

И я дышал дыханием глубоким.
Душа светилась радостью земной.
В лесах, лугах я не был одиноким.
Я оживал, как будто молодой.

Львовка

Прощай, моя родина, Львовка, прощай!
Настало нам время проститься.
Прожитая жизнь подступает на край,
Не сможет назад возвратиться.

Гляжу на тебя я с верхушки холма,
Душа утешения ищет.
Увижу ли вас, вековые дома,
И старое наше кладбище?

Там предки лежат под охраной крестов,
Оградок чуть-чуть обновлённых.
А дальше — поля, зелень местных лесов,
Луга, вдоль ручьёв восхищённых.

Тебя не забыть, не забыть никогда.
Как хочется чаще встречаться!
Но нет прежних сил, и не те уж года,
Чтобы часто к тебе добираться.

15 мая 1998

Я снова с вами (Львовка)

Я снова с вами — рощи, перелески,
Простор давно не паханных полей,
Усадебных построек вид нерезкий
И тени на земле от липовых аллей.

Каскад прудов, давно заросших илом,
Над ним талины строем вековым,
Дома-развалины, уткнувшиеся рылом
В траву и пыль под ветром роковым.

Вот барский дом, а рядом церковь, школа,
Который год они ремонта ждут,
А власти все, — от потолка до пола, —
Ни сил, ни средств на это не найдут.

А было время, ведь сюда когда-то
По осени помещик Пушкин наезжал.
Народ, ему подвластный, небогатый,
По-своему поэту чтил и уважал.

И я отчасти сожалею,
Что оказался снова тут.
И через год, на праздник юбилея,
Меня за Пушкина потомки проклянут.

9 августа 1998

Тоска по Родине

Когда-то здесь шумели нивы,
Бродили тучные стада.
Теперь лишь заросли крапивы
Я нахожу здесь без труда...

И это в центре всей России,
Не там, где брали целину,
Где трактора ковыль степной сносили,
Где хлеб теперь в высокую цену.

А здесь — поля, не паханные плугом,
Кустарники, кочкины в лугах,
Где вяло, одиноко, друг за другом,
Нужды не видя больше в пастухах,

Бредут коровы тощи и телята.
Совсем, к стыду, осталось мало их,
Почти нет коз, закончились ягнята —
И живности любой тут звук затих.

И кто теперь за это всё ответит?
Кого судить бы нам в конце концов?
Бориса, что давно на царство метит?
Иль губернатора с фамилией Немцов?

Ответь, Россия: в завершенье века
Готова ли с достойностью ты жить?
Творить добро во имя человека,
А не дворовой девкой Западу служить!

4 августа 1998

Опять вопросы

Как дожили мы в стране, столь богатой
Дарами природы, миллионом умов
И признанной славой, совсем не предвзятой,
С которой весь мир был считаться готов,
Что стали, как нищие, брать подаянья:
Европы объедки, Америки сброс?
Японцы, корейцы зовут на свиданье,
Чтоб шкуру содрать, а потом и в разнос!

Как жаль, что растратили сил мы немало,
И время здоровье от нас унесло,
И наше потомство не всё переняло –
Ни совести душ и ни рук ремесло.

24 ноября 1990

Несчастная Россия

...Мы в смутное время сегодня живём,
Предатели рвутся в герои.
Они говорят, что «своё мы возьмём
И вдвоем, а надо — и втрое!»
И, надо признаться, берут и берут,
Гребут из казны всенародной.
Понять не могу — почему за свой труд
Народ не встаёт возмущённый?

Сегодня в стране господин — капитал.
Неважно, откуда он взялся.
Кто честно создал, или кто воровал,
И кто с криминалом якшался.
А кто тебя будет лелеять, любить,
Россия? Ты мать россиянам.
Кто будет богатство своё возносить,
Кто будет бороться с обманом?
Кто прежнюю силу твою возродит,
С коленей поможет подняться
И красное знамя нам вновь водрузит,
Чтоб непобедимой оставаться?
Я верю, такие найдутся в тебе,
Богатство твоё — патриоты.
Они близки сердцем к Российской судьбе
Тебя возродить — их забота.

20 февраля 1996

Снова осень

Снова сень наступила,
Перекрасила листву,
Птиц отлётных в стаи сбила,
Проводила в синеву.

А потом взялась за местных,
Кто остался зимовать,
Приготовив им чудесных
Спелых ягод благодать.

В норы прячутся зверушки,
В них теплей и мягче сны,
И сухарики и сушки
Там в запасе до весны.

10 октября
1992

Приближение зимы

Ветер с норда тучи гонит,
С ними заморозки, снег.
Без перчаток руки ломит.
Холодают воды рек.

Быстро лето пролетело.
Что заметно в этот год?
Землю солнце не согрело.
В поле явный недород.

Тяжело придётся людям,
В эту зиму не пропасть,
Если дальше терпеть будем,
Ненавистную всем власть.

В высоту стремятся цены,
Слишком худ и мал доход.
До чего ж у нас смиренный
И доверчивый народ!

Посулят ему поблажку
Иль подкинут что-нибудь,
Он в ответ охотно скажет:
«Ты о прошлом позабудь,
 Нет возврата к коммунизму,
 Как и лето не вернуть.
 Нам теперь всегда по жизни
 С капиталом верный путь».
Верят люди без разбора
И от власти счастья ждут.
Только власти с них с задором
Десять шкур взамен сдерут.

11 октября 1992

Весна

Весна! Бушует цвет сирени,
С черёмухи опала белизна.
Ранетки-яблоньки спешат укрыться в тени,
Как будто тягостна им солнца новизна.
Берёзы, тополи окутались листвою,
Трава приподнялась, где можно и где нет.
Весна пришла природною каймою,
Рассеяв в памяти холодный зимний след.
В полях колхозных, тех, что сохранились,
Шумят моторами стальные трактора,
Не так, как прежде, всё так изменилось,
И посевная нынче — трудная пора.
Весна! Россия на распутье.
Куда идти: неведомо, к чему.
Накормит Запад? Это вы забудьте!
Нужна Россия лишь голодная ему.

22 мая 1995

Дорога в Ярское

Шагаем в Ярское дорогой лесной.
Вокруг красота, благодать и покой.
Люблю это место зимою и летом.
Оно, к сожалению, никем не воспето.

А как здесь привольно: леса и луга,
За берегом мчится большая река.
По лесу пройдёшься — грибов наберёшь,
И ягоды есть, и цветочков нарвёшь!

Зимой здесь такая стоит тишина,
Что кажется, будто пугает она.

12 апреля 1980

Лидии

Милая подруга, ты ведь не старушка,
Даже если минуло ровно шестьдесят,
Закатить бы снова нам знатную пирушку,
Как мы это делали пару лет назад.

Очень жаль, что времена к нам пришли другие.
Выпить мне, увы, нельзя, впрочем, и тебе!
Потому для нас теперь жидкости хмельные
Место уступают сокам, газводе.

Пусть не будет пира, будет вечеринка.
Иль устроим просто праздничный обед.
Посидим мы рядышком, посидим в обнимку,
Чем ты не соседка, чем я не сосед?!

Для гостей поставим рюмки и фужеры,
Подадим закуски, разольём вино.
Угощайтесь, дамы, пейте, кавалеры,
Мы на вас посмотрим, коль нам не дано!

Радость и веселье пусть нас не покинут,
Праздник мы отметим даже без вина.
Пусть тебя поздравят, с нежностью обнимут
В день твой Юбилейный, милая жена!

12 декабря 1986

На этом кончается повесть моя,
Всего не опишешь, не скажешь.
Довел я её до вчерашнего дня,
Что дальше, — пусть «завтра» расскажет.

Что завтра и дальше нам жизнь поднесёт,
Быть может, спокойную старость?
Иль снова, как вихрь, нас вперёд понесёт,
Туда, где и горе, и радость?

Понятно, что вечным не будет никто.
Кто раньше, кто позже уснёт на погосте,
И память о нас превратится в ничто.
Ведь в жизни мы этой — всего только гости.

Конечно, не надо спешить уходить,
Гостить бы хотелось подольше...
Ведь каждому хочется жить бы и жить,
От жизни черпая побольше.

Когда оглянёшься спокойно назад,
То видится жизнь такой малой.
Товарищи всюду в могилах лежат,
Уже похоронена мама.

Пусть мёртвые спят, а живые живут,
И нам надо жить, не сдаваясь!
Болезни пусть дальше от нас отойдут
И сгинут, врагам доставаясь.

Я верю, надеюсь, что мы поживём
И в будущий век непременно заглянем.
Пусть жизнь наша светится ярким огнём,
Пока мы светить не устанем!

Сам о себе

Слышал как-то я в народе,
Что Пронягин стал не в моде.
Превратился в негатив.
Есть теперь другие лица,
Надо к ним скорей стремиться,
Чтобы чем-то поживиться.
А Пронягина — в архив.

Было время — его чтили,
Награждали, возносили.
Был большой авторитет,
А теперь такого нет.
Он сейчас пенсионер
И остался не у дел.
Лишь семья — его удел.

Вон стоит он одиноко,
Слеповатым смотрит оком,
Опирается на трость.
Его ноги ослабели,
Нет уж прежней силы в теле,
Ненадёжной стала кость.

Для кого-то он герой —
За него стоят горой.
Вряд ли нужен он такой,
Пусть уходит на покой!

Пока руки, совесть чисты,
Сохранить себя он смог.
Карьеристы, ельцинисты
Не обгадили его
С головы до самых ног.

Среди них немало тех,
Кому делал он успех.

А теперь они другие,
Своё прошлое забыли.
В новой жизни состоялись,
За другое дело взялись.

Но не так, как раньше, вместе,
Для народа с мерой чести
Свои нервы теребя.
Жизнь теперь другая стала —
Надо жить для капитала,
Загребая под себя.

Разминулись их пути,
С ними дальше не идти.

Сожалеет иногда
Свои прошлые года.
Вспоминать их нелегко,
Лишь вздыхает глубоко.

А бывает, что порой
Голос дрогнет со слезой,
И тогда он отвернётся,
Через силу улыбнётся,

Вида не покажет,
Твёрдо-твёрдо скажет:

«Всем спасибо, с кем трудился,
Чьим трудом всегда гордился!»

Протестует в нём одно
Постоянно и давно —
Всем, что создано народом,
Общим благом для людей —
Стал хозяином злодей.
И народное добро
Лживо сброшено на дно
Ельцинским ворьём-жульём.
Но уверен он в другом:

Что вернётся в дом родной,
Снова встанет в общий строй
И объединит «Химстрой».
И для нового потомства
Он земле поможет Томской
Развиваться и идти
По счастливому пути.
И как в прежние века
Будет строить СХК,
Город Северск вместе с ним
Или новый Нефтехим.

Остаётся только ждать.
То, что есть, — с тем доживать.
Жить всегда достойно, честно.

Всё же жизнь ведь так чудесна!

16 апреля 2005

Частушки в исполнении четы Пронягиных, 1988 г.

ЭПИЛОГ

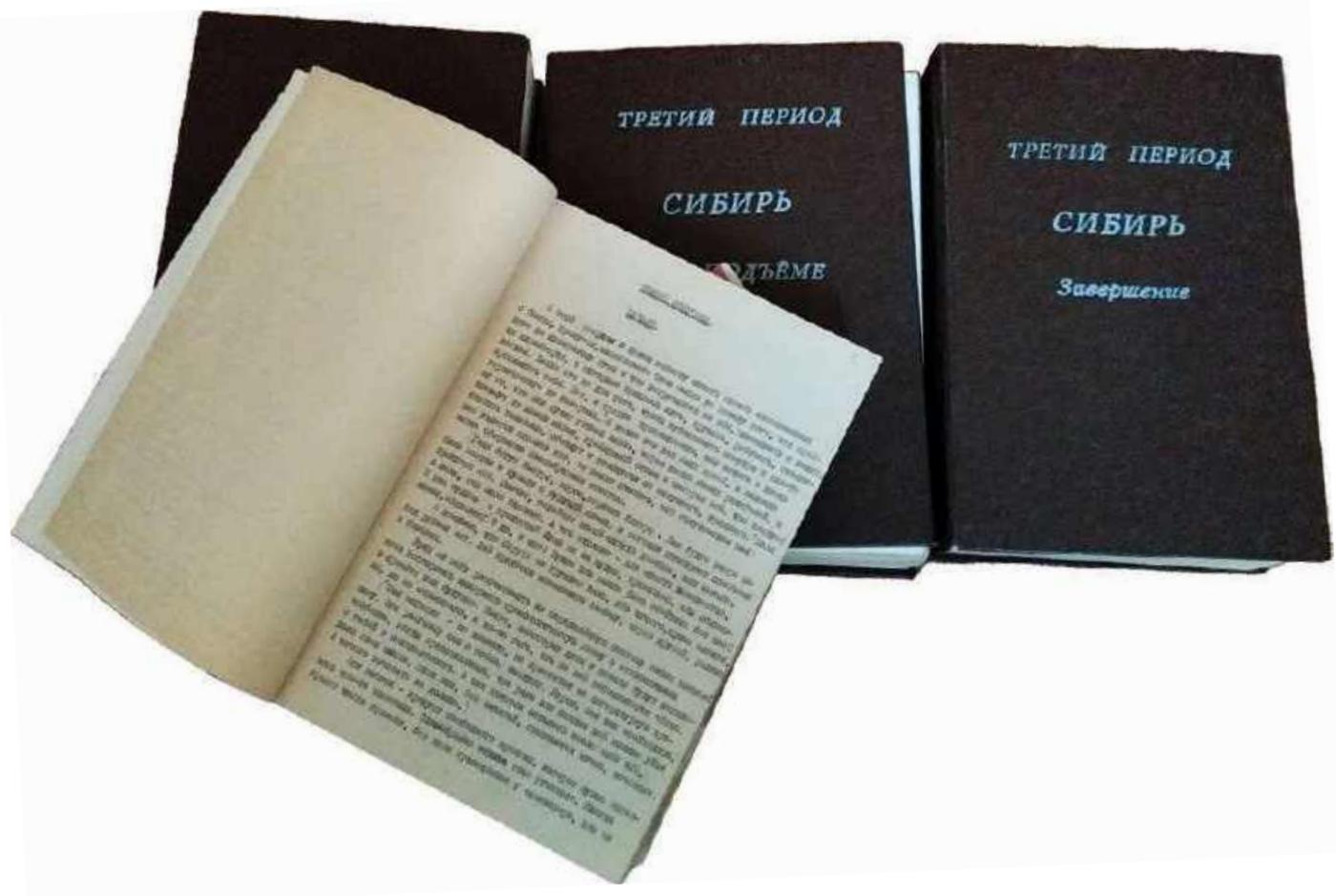
Что было, то было

ПЁТР ГЕОРГИЕВИЧ Пронягин завершил работу над своими воспоминаниями 13 июня 1991 года. Эта дата стоит под его авторским эпилогом.

После выхода на пенсию появилось много свободного времени, его он проводил, разбирая свои дневниковые записи, записки, документы. Подолгу сидел в архиве «Химстроя». Писал подробно, тщательно.

Подытоживая свой труд, Пётр Георгиевич признавался, что главным побудительным мотивом заняться воспоминаниями было желание «изложить на бумагу все ступени своего жизненного пути» для того, чтобы «оставить что-то людям». Ему хотелось, чтобы его личная история, разворачивавшаяся на фоне масштабных исторических событий в стране, была полезна и поучительна возможным читателям. Хотел он сохранить и факты, имена и события из истории тех предприятий, на которых работал. Прежде всего, конечно, истории ставшего для него родным управления «Химстрой».

Всё ли написанное им достоверно и точно? Предвидя этот вопрос, Пронягин отмечал: «Не спорю, в последнее время очень спешил к окончанию, боялся опоздать. Для этого есть основания: возраст отягощает память, здоровье не раз подводило, и в любую минуту я мог быть пригвождён к постели или кончиться совсем. И я спешил, в силу чего, возможно, допускались какие-то неточности во времени действия, отдельных эпизодах». Но Пётр Георгиевич подчеркнул дальнейшие слова: «Утверждаю ответственно, что написанное мною — всё это правда! Пережитое лично, вынесенное трудом и сознанием, душой и телом. Может,

кому-то не понравится изложенное, кто-то не удовлетворится оценкой в личный адрес. Но я тут ни при чём. Что было, то было!»

Хотел ли он увидеть свои мемуары напечатанными? Видимо, всё-таки да. Хотя и писал о себе: «Я не писатель, не журналист, обладающий мастерством слова и сочинительства». Но в тот период времени, когда воспоминания были завершены, надеяться на их издание было совершенно невозможно. Наступали трудные времена для всех — для страны, для томичей и северчан, да и для самого Петра Георгиевича.

Он был счастлив тому, что его воспоминания перекочевали из десятков рукописных тетрадей на машинописные листы, в итоге составив семь огромных по объёму томов. На это ушло целых два года!

«Я благодарен руководству «Химстроя» и особенно моим бывшим помощникам — секретарям Ермаковой Капитолине Михайловне и Матусевич Нине Павловне за их огромный бескорыстный труд — переложить всё написанное мною неблаго-

дарным почерком на листы машинописного текста», — сообщал Пронягин во втором эпилоге к книге, датированном мае 1993 года.

«Хочу сказать, что, как мне кажется, я прожил большую, содержательную и интересную жизнь, с пользой для народа», — с надеждой завершал Пётр Георгиевич свои воспоминания.

П.Г. Пронягин ушёл из жизни 12 июня 2021 года. Спустя год, в день его рождения 19 октября, в Северске на доме, где он жил, была открыта мемориальная доска.

В октябре 2024 года Томская область торжественно отметила 100-летие выдающегося томского строителя. В Северске состоялся большой памятный вечер. Ветераны «Химстроя» и Сибирского химического комбината вышли с инициативой о создании памятника Пронягину в Томске.

Томская область, Северск, Томск помнят о Петре Георгиевиче Пронягине. И эта книга — ещё одно тому свидетельство и доказательство.

Пётр Георгиевич Пронягин (19 октября 1924, с. Львовка, Больше-Болдинская волость, Лукояновский уезд, Нижегородская губерния, РСФСР — 12 июня 2021, Северск, Томская область, Россия) — инженер-строитель, легендарный руководитель управления «Химстрой» (Томская область) и участник строительства объектов Атомного проекта СССР (Томск-7/Северск, СХК, объекты Минсредмаша в Новосибирске и в Казахской ССР), Томского Академгородка, Томского нефтехимического комбината и другие; Герой Социалистического Труда. Почётный гражданин города Северска. Почётный гражданин Томской области. Заслуженный строитель РСФСР. Избирался делегатом XXIII, XXVI и XXVII съездов КПСС.

Награды Петра Георгиевича:

- Золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда (06.11.1984);
- два ордена Ленина (1969 и 1984);
- орден Октябрьской Революции (1971);
- три ордена Трудового Красного Знамени (1954, 1976, 1982);
- орден Славского (Росатом РФ, 2009);
- орден «Томская Слава» (Томская область, 2014);
- знак отличия (орден) «За заслуги перед Томской областью» (2004);
- медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970);
- медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946);
- юбилейная медаль «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1975);
- юбилейная медаль «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1985);
- юбилейная медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1995);
- юбилейная медаль «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (2005);
- юбилейная медаль «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (2009);
- юбилейная медаль «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (2015);
- медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» (1988);
- медаль и звание «Ветеран труда» (1984);
- медаль «70 лет Томской области» (2014);
- другие медали и почётные знаки.

Содержание

Вступление	3
Вступление от Петра Пронягина.....	7

Глава 1. Болдинская осень Петра Пронягина

Из пушкинских крепостных	10
Как Петя Пронягин милостыню собирал.....	18
Размышления Петра Пронягина	26
Борьба за Львовку.....	27
Татьяна Астафурова (Пронягина). Слово об отце	38

Глава 2. Пронягин и война

В тылу	44
Как Пётр Пронягин грузчиком работал.....	52
Копать окопы	59
Точить стволы.....	64
Туберкулёзник.....	71
Институт или трибунал?.....	74
Письма с фронта	80

Глава 3. Уральский период

Вместо Томска — под Свердловск	100
Строитель Лесного	102

«Граждане зеки».....	106
Ящик коньяка	116
Пронягин и космос	122

Глава 4. Пронягин. Славский. Лигачев

Знакомство	130
Пучинистые грунты.....	140
Между молотом и наковальней	146
История про химстроевских экскаваторщиков	148
Так и до инсульта...	152
Ревизии Славского.....	164
Конфликтный рецидив.....	168
Две правды	180

Слово о Пронягине

Николай Кириллов. Такие люди нужны нам сейчас.....	200
Николай Диденко. Труд и память.....	204
Виктор Кресс. Честь и почёт!	206
Владимир Бобрешов. Легендарный человек	208
Геннадий Месяц. Благодарен за помощь и советы	213
Леонид Ляхович. Опыт выдающегося практика	217
Михаил Козырев. Память должна быть увековечена....	220
Ольга Ермолова. Человек семейный	221
О семье Петра Георгиевича Пронягина	226

Построено Пронягиным 235

Пётр Пронягин. Стихи (1934–2010) 275

Эпилог..... 299

Неизвестный Пронягин

КНИГА О СТРОИТЕЛЕ

Автор-составитель:
Сергей Иванович Никифоров

Над книгой также работали:
Ольга Викторовна Пелых,
Ольга Геннадьевна Ермолова,
Татьяна Петровна Астафурова

Дизайн макета и вёрстка:
Василий Вершинин

Корректор:
Валентина Карлова

Использованы фотографии Николая Мишанова,
Владимира Казанцева, Евгения Лисицына,
Валерия Доронина, Владимира Белобородова,
из семейного архива П.Г. Пронягина, Музея
города Северска, портала «История Росатома»
(elib.biblioatom.ru), ТОУНБ им. А.С. Пушкина

Издание осуществлено при финансовой поддержке:
ООО «Завод ЖБК-40», директор А.А. Мурzin,
АО «Сибирский химический комбинат», генеральный директор С.А. Котов,
ООО «Электросети», директор В.А. Макаренко,
депутатов Думы ЗАТО Северск,
ветеранов управления «Химстрой»

Выражаем благодарность за содействие в подготовке издания
мэру ЗАТО Северск Н.В. Диденко,
директору Музея города Северска С.В. Березовской

Отпечатано в типографии ООО «Интегральный переплет»
634009, Томск обл., г. Томск, ул. Нижне-Луговая, д. 12, стр. 7
e-mail: exlibres@list.ru

Тираж 300 экз. Заказ №8246